

По мещерскому краю

М., "Профиздат", 1966

Авторы: А. Попов

Содержание

Волшебное стеклышко
Что такое Мещера
Ворота в Мещерский край
Поход начинается с библиотеки
В плену мещерских заколов
Пропавшее озеро
Блуждающая церковь
Черная гора
Встреча с Есениным
На родине Архипова
Кордон Желтова
О Бреме, ядовитых змеях и безобидных ужах
Лесная песня
По следам одного доноса
Дела рыбацкие
Брыкин бор
В царстве зверей и птиц
Земля, по которой мы ходим
Туристу — для справок

Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти березке каждой
Ножку рад поцеловать.

С. Есенин

Я много видел живописных и глухих мест в России, но вряд ли когда-нибудь увижу реку более девственную и таинственную, чем Пра.

К. Паустовский

Об этой книге

Эта книга о Рязанской Мещере—о тихом и задумчивом лесном крае, расположенном неподалеку от Москвы, в излучине Оки. В ней рассказывается об одном из самых популярных водных туристских маршрутов — путешествии по рекам и озерам Мещерской стороны, о прошлом и настоящем этого края, его природе и туристских возможностях, о его знатных уроженцах — поэте С. Есенине и художнике А. Архипове.

В книге собран интересный краеведческий материал, помещен список литературы о Мещерском крае, дается ряд справочных сведений о маршрутах и туристских объектах, с которыми туристы могут познакомиться во время путешествия.

Словом, это книга для тех, кто любит природу нашей средней полосы, дымок походного костра, неизведанные туристские тропы.

Дорогой читатель! Мы надеемся, что эта книга поможет Вам хорошо отдохнуть в заповедных мещерских лесах, совершить увлекательные путешествия по озерам и лесным рекам. Напишите, понравилась ли Вам книга "По Мещерскому краю". Ваши отзывы просим направлять по адресу: Москва. Центр, ул. Кирова, 13, Профиздат.

Волшебное стеклышко

Эта привычка осталась у нас от студенческих лет. Отправляясь в поход, мы брали с собой толстую тетрадь и записывали в нее все, что казалось интересным и поучительным: сказки, легенды, былины, народные предания и рассказы. В одном из таких походов мы и услышали эту любопытную притчу, которую потом не раз вспоминали во время туристских странствий. Вот с нее-то и хочется начать свой рассказ, потому что эта простая и поэтичная история имеет самое непосредственное отношение к теме этой книги.

Так вот, давным-давно, когда точно — никто не помнит, жил-был старик. И было у него три сына. Призвал их однажды старик и сказал:

— Весь свой век я праведно трудился, в поте лица своего зарабатывал на кусок хлеба. Даже побывать нигде не успел, красоты земной не повидал... А теперь, видно, пришла мне пора идти на покой. Каждый из вас достоин владеть моим добром, но я хочу выбрать самого достойного. Так и порешим: отправляйтесь-ка вы в путь, и кто найдет самое красивое место на земле, тому и достанется все мое добро.

Первым в путь отправился старший брат. Он взял с собой посох, вскинул на плечо холщовый мешок и зашагал прямо на север, откуда дули холодные ветры и где лежала, как говорили старые люди, сказочная горная страна. Отсутствовал он два года, а на третий вернулся домой, бережно неся в суме кусок горного хрусталя. Посмотрел на него старик, и почудилось ему, что видит он горную страну с богатыми пастбищами, широкими долинами и бурными реками.

— В красивых местах ты побывал, — похвалил его отец и отправил в путь-дорогу среднего сына.

Взял тот посох, вскинул на плечо холщовый мешок и зашагал прямо на юг, откуда дули теплые ветры, пахнувшие морем и солнцем. Два года ждал его старик. Только на третий год вернулся он домой, загорелый и обветренный, и положил перед отцом удивительной красоты морскую раковину. Взял ее в руки старик и услышал волшебные звуки — ласковый шум моря, грохот водопадов, шелест пальм и сказочных садов.

Еще больше удивился старик. Похвалил он среднего сына и велел отправляться в путь-дорогу меньшому.

Не успела кукушка прокуковать сто раз и солнце спрятаться за лес, как тот уже стоял перед отцом. Разгневался старик, раскричался: "Как ты смел вернуться назад, не выполнив отцовской воли?"

Поклонился смиренно младший сын и положил на стол маленькое стеклышко. И хоть было оно неказисто, но зато чисто, как воздух после только что прошедшего дождя, и прозрачно, как вода из ближайшего родника.

— Не гневайся, отец, посмотри через это стеклышко, и ты сразу все поймешь.

Посмотрел старик в стеклышко и отпрянул в изумлении. Сколько лет он прожил в этих местах и не подозревал, что они так сказочно красивы: и эта сосновая роща, насквозь пронизанная волшебным светом заходящего солнца, и эта маленькая речушка, переливающаяся всеми цветами радуги, и это изумрудное поле, словно оправленное в золотое кольцо начинающих желтеть кленов, и даже это небо, на которое он раньше не обращал никакого внимания, даже небо, отсвечивающее нежным золотистым блеском, было неповторимо прекрасным. Подозвал он младшего сына и сказал:

— Ты нашел самое красивое место на земле — тебе и владеть всем моим добром.

Не так ли и нам, туристам, подчас не хватает волшебного стеклышка, чтобы увидеть всю прелесть своих родных и таких близких нам мест? И почему мы считаем, что они беднее, некрасивее, неинтереснее Кавказа, Саян или Алтая, превратившихся в своего рода туристские Мекки? И почему даже новичков, еще не искушенных в трудностях туристской жизни, тянет искать свое туристское счастье именно туда, за тридевять земель, где гроздятся величественные горы, шумят водопады и где у самых ног плещется спокойное лазоревое море?

Романтика? Борьба с трудностями? Неизведанные туристские тропы? Но разве все это можно найти только там, в тысячах километров от дома?

Мы давно путешествуем по нашей стране. Были мы и на Кавказе, и на Урале, и в Карелии. И все-таки нет ничего на свете прекраснее этих хоженных-перехоженных московских и рязанских, владимирских и брянских, смоленских и калининских исконно русских мест. Порой, казалось бы, неказистые и неброские, лишённые экзотики и монументальной величавости, они наполнены таким неподдельным очарованием, такой теплотой и прелестью, что, раз увидев, вы уже будете любить их всю свою жизнь.

Тихие речки и зарастающие озера, сосновые боры и березовые рощицы, леса до самого горизонта и скирды соломы на сжатом поле, топи и болота и уходящие вдаль холмы с темнеющим лесом, тихие туманные утра с капельками росы на запотевших травинках и вечерние закаты с огненным заревом в полнеба, внезапные грозы и знойные полдни с монотонным стрекотанием кузнечиков — они, кажется, вобрали в себя все, чем так богата природа нашей страны.

Как много прелести и красоты в этих маленьких коряжистых речках, где куда ни кинь — огромные язи с хода топят дрогнувший поплавок, в этих полянах на лесных опушках, сплошь усеянных боровиками, хоть коси их косой и вывози на телеге, в зарослях спелой малины, которую ведрами собирают местные ребяташки, в этих глухих, почти таежных местах, где долго можно плутать по лесу и непроходимым болотам и так и не встретить человеческого жилья.

Об одном из таких сказочных уголков нашей средней полосы и пойдет речь в этой книге. Имя ему — Мещерский край.

Что такое Мещера

Готовясь к одному из походов по Мещерскому краю, мы решили распространить среди своих знакомых анкету. В ней был единственный вопрос: "Что вы знаете о Мещере?"

"Мещера?—переспросил один из наших друзей.— Это где болота и комары?"—"Нет,—возразил Другой,—Мещера—это леса, которым нет ни конца ни края". А третий начал читать Есенина:

О	Русь	—	малиновое	поле
И	синь,	упавшая	в	реку,—
Люблю	до	радости	и	боли
Твою озерную тоску.				

Так какая же она, настоящая, всамделишная Мещера?

Мы много раз уже бывали здесь и летом, и осенью, и зимой. И все-таки не рискуем ответить на этот вопрос одним словом, настолько разнообразен и красив, настолько обширен и изменчив Мещерский край.

Мещера — это леса. Огромные и необозримые, они некогда тянулись от Чернигова и Брянска до знаменитых муромских лесов, славившихся своей глушью и соловьями-разбойниками. Леса разные: то сосновые боры на высоких песчаных холмах, застланных коврами из хвои и шишек, то могучие дубравы по берегам рек и озер, то стройные белоствольные березки вперемежку с осинником и ольхой. Сосновые боры раскинулись широко и привольно. Идешь по лесной дороге и видишь насквозь этот бор, пронизанный ниточками солнечных лучей. Остановишься, вдохнешь в себя свежий, пахнущий смолой воздух и подумаешь: до чего же хороши и эти песчаные косогоры, и эти сосновые боры, где даже в ветренную погоду всегда тихо и спокойно.

Мещера — это и озера, и реки, и сосновые боры, и березовые рощи

Но юркнула дорога вниз, в темноту, и пропали сосны. Вокруг сумрачно и тихо, пахнет сыростью и грибами, и начинает хлюпать под ногами болотная жижа. А слева и справа уже бегут нескончаемой вереницей хилые березки и тоненькие осинки на мохнатых кочках, и уже атакуют тебя несметные полчища неизвестно откуда взявшихся беспощадных мещерских комаров.

И сосновые боры — это Мещера, и комары — Мещера, и болота — тоже Мещера. Называют их здесь — мшары. Заросшие березняком, осинником и высоченной, в человеческий рост болотной травой — это настоящие болотные джунгли нашей средней полосы. В них можно плутать многие километры, пока набредешь на какой-нибудь отдаленный кордон лесника.

Однажды мы заблудились вот в таких мшарах. Шли из Жуковских Выселков в сторону деревни Горки, приютившейся на берегу лесной реки Пры. Шли сосновым лесом по песчаной ноздреватой от дождя дороге. Но не заметили поворота налево и прошли по тропе прямо. Дороги в Мещере тоже особые, не похожие на подмосковные. Кажется, идешь по отличному проселку, по которому не то что на лошади — на машине ездят. Уж куда-куда, а к деревне — то она наверняка приведет. Но дорога, словно поддразнивая, упирается вдруг в огромное болото с копнами скошенного сена и, описав круг, поворачивает обратно.

Вот тут-то мы и почувствовали по-настоящему, что такое мшары. Под ногами хлюпала вода, осока хлестала по лицу, а впереди плотным частоколом стоял сухой, как бамбук, березняк. Ломался он с гулким треском, похожим на звуки ружейных выстрелов. Мы с трудом, зигзагами, пробирались по мшарам, оставляя позади себя длинную змеиную просеку. К вечеру наткнулись на заброшенный шалаш косарей на небольшом песчаном холмике, возвышающемся над болотом, и заночевали там. Где-то вдали раздавались тревожные шорохи, шуршали в траве змеи, и ветер стонал в зарослях осинника. Только на следующий день мшары выпустили нас из своих объятий, и мы выбрались на дорогу. Посмотрели на карту и ахнули: за это время мы отмахали по мшарам около двадцати километров.

Но Мещера — это не только сосновые боры и болота. Мещера — это и "синь, упавшая в реку", и стога сена на пойменных лугах, и лесные озера, заросшие тростником и осокой.

Весной, в половодье, реки выходят из берегов и разливаются по заливным лугам, затопляя мшары и прибрежный березняк, и дубравы по берегам. Связь между деревнями прекращается. Только на лодках можно пробраться по этому огромному морю воды.

В бешеном круговороте плывут бревна, вывороченные с корнем дерева. Бобры, норы которых заливаются водой, спасаются на заранее построенных плотиках, а лоси отсиживаются на немногих, оставшихся сухими бугорках. Наверное, потому и называют в Мещере эти песчаные бугорки "островами". Даже когда схлынут вешние воды и они снова оказываются на сухом месте.

Но вот реки, словно обессилев, входят в берега и начинают течь медленно и степенно. Рек здесь много, и все они имеют какие-то симпатичные, по-домашнему простые названия: Бужа, Кадь, Гусь, Поля.

Наступает осень, и Мещера, как заяц-беляк, меняет свою окраску.

Заря	холодней	и	багровой.
Туман		припадает	ниц.
Уже	в	облетевшей	дубраве
Разносится	звон	сениц.	

Тихо увядает лес. Осины и клены в последний раз надевают яркие, как крестьянские платки, наряды: красные, желтые, багряные. Опадают листья в дубравах. Холодный ветер гонит их по лесным просекам, заваливает доверху канавы да лощины. Ночью листья покрываются инеем. Хмурые тучи нависают над опустевшим лесом. А где-то вверху тревожно курлыкают журавли, прощально помахивая крыльями. Значит, зима уже у порога...

Среди тех, к кому мы обратились с анкетой, был и еще один товарищ. Он смущенно потоптался на месте и как-то неуверенно посмотрел на нас: "Что такое Мещера?—переспросил он.—По-моему, это где-то в Сибири".

Странное дело, но и многие другие наши друзья тоже не могли сразу ответить, где же находится этот удивительный лесной уголок. А расположен он совсем недалеко от Москвы, и, для того чтобы добраться до него, нужно потратить всего несколько часов.

Давайте посмотрим на карту, обыкновенную географическую карту Подмосковья. Зеленые пятна — это леса, желтые—луга и возвышенности, темные кружочки — населенные пункты с мелкой паутиной расходящихся от них шоссейных и проселочных дорог. Причудливо извиваются реки: Москва-река, Клязьма, Ока. Вот здесь, в огромной излучине Оки, и раскинулась гигантским зеленым треугольником Мещерская низменность, нацеливаясь своим острием в пригороды Москвы. Северная сторона этого треугольника ограничена рекой Клязьмой, юго-западная и южная Москвой-рекой и Окой, а основание треугольника покоится на Судогде и Колпи — реках, омывающих Мещерскую низменность с востока. С севера на юг этот треугольник разрезается цепочкой Клепиковских озер и синенькой змейкой реки Пры.

Миллионы лет назад на том месте, где сейчас расположена Мещерская низменность, было море. Потом море отступило, оставив после себя залежи глины, песка и мергеля. В ледниковый период вся приокская территория оказалась покрытой, словно панцирем, толстым слоем льда. Огромные ледниковые лавины, надвигаясь с севера, превратили Мещеру в плоскую равнину с небольшим уклоном к Оке. Когда ледник растаял, наносы песка образовали толстую песчаную подушку, под которой начинались водонепроницаемые слои юрских глин. Они-то и задерживали влагу, являясь как бы дном гигантского глиняного подноса. Отсюда и болота, и бесчисленные водоемы, и мелководные мещерские озера.

Свое название Мещерская низменность получила от древнего финского племени мещеры, обитавшего здесь наряду с мордвой и муромой еще до появления в этих местах славян. Мещеряки жили в основном по берегам рек и озер, занимались скотоводством, охотой, рыболовством и земледелием.

Мещера и мурома, являющиеся предками современной мордвы, по-видимому, уже тогда имели общий язык. Один из крупнейших военачальников Ивана Грозного, Князь Курбский, вспоминая о своем походе через рязанскую землю, пишет: "А нас послал тогда Иван Грозный с Тремя на десять тысяч людей через Рязанскую землю и потом через Мещерскую, иде же есть мордовский язык".

С IX—X веков коренных жителей этого края стали вытеснять славянские племена вятичей и кривичей. На месте старого поселения мордовского племени эрзя, родственного племени мещеры, возник город Рязань— столица вятичей. Ученые предполагают, что это название славяне позаимствовали у племени эрзя (Рязань— это славянская форма слова "эрзань"). Между прочим, так зовет себя одна из ветвей мордовского народа и сейчас.

Постепенно славяне заселили и Мещерский край. Племя мещера частью было ассимилировано, частью оттеснено к Волге. Однако название осталось, и те места, где некогда обитали финские племена, с незапамятных времен называют Мещерским краем или просто Мещерой.

Если вы посмотрите на карту, то увидите, что этот лесной край с трех сторон окружен густонаселенными и крупными промышленными центрами: Москвой, Владимиром и Рязанью. И вся Мещера тоже делится административно на три части. Есть Мещера Московская, Владимирская и Рязанская. Где-то в районе Клепиковских озер они сходятся вместе, чтобы потом снова разойтись в разные стороны.

Близость крупных промышленных областей создает отличные условия для развития в Мещере туризма. Ежегодно летом и зимой, на лодках и пешком, на велосипедах и на лыжах в походы отправляются тысячи туристов. И каждый из них находит здесь то, что его интересует: сосновые боры и солнечные пляжи, рыбные реки и глухие озера, обилие грибов и ягод и удивительную, ни с чем не сравнимую тишину, которая лечит лучше многих лекарств. И, плененные красотой этого края, возвращаются сюда снова и снова, потому что Мещера принадлежит к таким местам, которые никого не оставляют равнодушным.

Ворота в Мещерский край

В прежние времена попасть в Мещеру было довольно трудно. Редкие путешественники, посетившие этот край в конце прошлого столетия, в один голос утверждали: такой глухомани, такой дикости и такого бездорожья найти трудно.

Железных дорог не было, грунтовые дороги находились в ужасном состоянии. Единственный путь сюда лежал через небольшой лесной поселок Солотча, расположенный в двадцати километрах к северу от Рязани, у самой границы мещерских лесов. Наверное, потому и укрепилось за Солотчей название "ворота в Мещеру".

Через этот поселок, пересекая болота и леса, шла грунтовая дорога из Рязани в сердце Рязанской Мещеры Спас-Клепики и дальше в Егорьевск. Непролазная грязь, колдобины и ямы, расшатанные, пришедшие в негодность деревянные мосты—таким был этот тракт в недалеком прошлом. На всём пути от Рязани до Клепиков стояло всего несколько постоянных дворов и смолокурных изб, а вокруг—леса и болота на сотни километров.

Осенью и весной по этой дороге нельзя было проехать — экипажи и телеги завязали по самые колеса. У местных крестьян существовал даже особый промысел — вытаскивание застрявших карет. Завидят какой-нибудь экипаж и сразу же бегут к уже проверенным на практике грязевым ловушкам. Терпеливо ждут, пока карета застрянет понадежнее, а потом шапки долой — и к барину: так, мол, и так, если раскошелишься, то поможем вытащить, а если нет, хоть до утра здесь сиди. Приходилось раскошелиться...

В начале 90-х годов прошлого века у разбитой повозками и экипажами грунтовой дороги появился соперник — узкоколейная железная дорога. Построена она была в 1892 году для вывозки леса из Келецко-Солотчинской дачи. В эти годы страшные лесные пожары и голод окончательно разорили мещерских мужиков. Боясь волнений крестьян, правительство было вынуждено устроить в Келецко-Солотчинской даче общественные работы по заготовке леса. В короткий срок было заготовлено такое огромное количество древесины, что вывезти ее на лошадях было просто невозможно. Вот тогда-то и была построена узкоколейка длиной в сорок три версты. Потом ее продлили до станции Тума, оснастили пассажирскими и товарными вагончиками, и она долго была единственным средством сообщения Рязани с Мещерским краем. По узкоколейке ездили на работу в город, на базар, перевозили лес и торф.

Дорога производила впечатление какой-то игрушечной. Маленькие паровозики натруженно тащили неказистые вагончики, битком набитые пассажирами. Вдоль сего пути были построены деревянные вокзальчики. От Солотчи до Рязани всего 20 километров, но поезд проходил это расстояние за целый час. Двигался он медленно, и, говорят, его ничего не стоило догнать на лошади. Во время весеннего разлива Оки движение по узкоколейке прекращалось.

С холма Солотчинского кремля открывается вид на пойму реки Солотчи и старицы Оки

Эта любопытная дорога дожила до наших дней и очень красочно описана Паустовским в его мещерских рассказах. Но, видимо, перемены захватили и этот, некогда глухой и безлюдный лесной край. В прошлом году мы решили проехать по узкоколейке от Рязани до Солотчи, пришли на маленький пустынный вокзальчик, но поезда так и не дождались. "Отмаялась наша узкоколейка, — пояснил нам один старичок, — не ходят теперь пассажирские поезда". Как в свое время железная дорога отобрала всех пассажиров у грунтовой дороги, так теперь труженица-узкоколейка уступает свое место отличному шоссе.

Это шоссе — гордость рязанцев. Идет оно от Рязани до Клепиков и дальше на Туму и Касимов и является частью огромного асфальтированного Рязанского кольца, которое связало самые отдаленные, глубинные районы Рязанской Мещеры. Теперь комфортабельный автобус, мягко шурша шинами по асфальту, доставит вас из Рязани в Солотчу за какие-нибудь полчаса. Дорога идет по окским заливным лугам, мимо поселка Шумашь, возле которого на песчаных холмах была обнаружена стоянка людей каменного века, через село Поляны и производственные постройки Полянской лугомелиоративной станции, мимо Аграфениной пустыни, куда в свое время великий князь московский Василий III сослал рязанскую княгиню Аграфену Федоровну — мать последнего рязанского князя Ивана Ивановича. Так современность переплетается с историей, настоящее с прошлым.

Возле Солотчи шоссе вступает в пределы знаменитых мещерских лесов. Огромные сосны подступают к самой дороге. С глухим стуком падают на асфальт шишки. Ветер метет сосновую хвою. А дорога все бежит и бежит вперед по болотам, по сосновым борам, туда, где сплошной стеной стоят мрачные и таинственные мещерские леса.

Эти глухие леса да бездорожье в свое время оберегали мещеряков от многих бурь и невзгод, укрывал их от набегов кочевников. Вихри истории, урагане" пронесшиеся над рязанской землей, обошли стороной Мещерский край. Тщетно мы будем искать в истории Мещеры каких-либо крупных исторических событий. Она никогда не имела политической самостоятельности и всегда подчинялась более могущественным соседям.

Во время наибольшего расцвета Владимиро-Суздальского княжества великий князь Всеволод распространил свою власть на рязанскую землю и Мещеру. В одной из летописей рассказывается о походе его воинов к реке Пре: "1210 года посылал князь великий Всеволод посла с полком Кузьму Ратишича, меченосу своего, и взял Пру, и возвратился со многим полоном во Владимир".

Во второй половине XIV века мы видим Мещеру, уже поделенную между четырьмя княжествами. Ее северная часть принадлежала Муромскому, Владимирскому, а позже и Московскому княжествам, южная же (Мещерская сторона)—Рязанскому. К середине XV века Мещера относилась к Касимовскому царству, просуществовавшему в составе Московского государства до конца XVII века. Древней столицей Мещерского края был Городец-Мещерский, упоминаемый в летописи под 1152 годом и получивший по имени татарского царевича Касима название Касимов.

Рязанцы были первыми, кто принял на себя удары татаро-монгольских полчищ—неведомых до того на Руси азиатских кочевников, захвативших к тому времени все "дикое поле", как тогда называли южные степи. В 1237 году Батый подошел к Рязани и, взяв ее приступом, разорил до тла, перебив всех защитников. В страхе перед татаро-монгольскими завоевателями многие жители бежали за Оку и скрылись в мещерских лесах, где их не могла достать конница Батыя. Да и в дальнейшем мещерские леса неоднократно были прибежищем для тысяч рязанцев, спасавшихся от набегов татар.

Когда в 1379 году в пределы Рязанского княжества вторглись полчища Мамай, то, как говорится в одной из летописей, "князь Олег Рязанский не успел собрать войско, покинул город и ушел за Оку реку с людьми своими". Там, в мещерских лесах, недостижимых для татар, он и отсиживался со своею дружиной до тех юр, пока Мамай, разоривший Рязань и другие города, не покинул пределов княжества.

Толстые крепостные стены опоясывают Солотчинский кремль — замечательный памятник архитектуры XVII—XVIII веков. Справа — надвратная церковь, построенная по проекту крепостного зодчего Я. Г. Бухвостова

Как и многие поселения по реке Оке, Солотча играла роль сторожевого поста, охраняющего подступы к Рязани и Москве. Хотя на Куликовом поле в 1380 году татары и потерпели сокрушительное поражение, их набеги на русские земли не прекращались. К этому времени и относится основание рязанским князем Олегом Ивановичем Солотчинского монастыря (1390 год)

Наверное, была у хитрого и честолюбивого князя еще одна причина для сооружения монастыря: за толстыми его стенами он чувствовал себя в большей безопасности. Олег Рязанский готов был идти на все, даже на союз с татарами, лишь бы не подчиняться московскому князю, за что многие летописцы справедливо наделяют его отнюдь не лестными эпитетами: "лукавый князь", "кровопийца", "новый Июда".

Перед смертью Олег постригся в монахи и был в 1402 году похоронен в Солотчинском монастыре. Там же хранилась и его кольчуга, которая после революции была передана в Рязанский краеведческий музей.

Солотчинский монастырь — одна из самых интересных достопримечательностей этого небольшого, ныне курортного поселка. Стоит он на крутом обрывистом берегу, поросшем ветлами и тополями. Внизу блестит излучина старицы Оки, в которую справа впадает река Солотча. А дальше, насколько хватает глаз, раскинулись бескрайние окские луга со стогами сена и блюдечками пойменных озер. Кирпичная монастырская стена, обрываясь к старице, опоясывает тугим кольцом внутренние постройки. За этими глухими стенами

на крови и поте крепостных жирели монахи и попы, прибирая к своим рукам лучшие земли и уголья, разоряя крестьян непосильными поборами. Отсюда алчные руки духовенства и феодалов протягивались к землям мордвы и мещеры.

Монастырь рос и богател, а вокруг него росли всевозможные службы, развивались ремесла. Солотчинские каменщики уже тогда удивляли всех своим мастерством. Они строили крепкие монастырские стены и церкви, возводили легкие, устремленные в небо колокольни и приземистые хозяйственные амбары. А слава об искусных солотчинских богомазах и позолотчиках гремела по всей рязанской земле. До сих пор на территории монастыря возвышаются изумительные по красоте и изяществу постройки, возведенные талантливыми солотчинскими мастерами.

Реставрационные работы в монастыре еще не закончены, но уже сейчас во всем своем величии предстают перед нами творения мещерских строителей: устремленная ввысь одноглавая надвратная церковь с пышными белокаменными наличниками и нарядная торжественная трапезная с высокими решетчатыми окнами, украшенными вставками из разноцветных изразцов. Эти шедевры русского зодчества созданы в конце XVII века известным крепостным архитектором Яковом Григорьевичем Бухвостовым.

После того как Рязанское княжество было присоединено к Московскому, встал вопрос о том, как обезопасить южные границы от набегов татар. В XVI веке, во времена Ивана Грозного, было начато сооружение засечной черты "для бережения всего Московского государства, а не для девяти деревень". На сотни километров протянулись с запада на восток лесные завалы с укрепленными деревянными крепостями—"городками", в которых содержались небольшие гарнизоны.

Засака шла от брянских лесов через Тулу, упираясь своим восточным флангом в мещерские леса и болота. Строили засеки крепостные крестьяне, в том числе и Мещерской стороны. Строили в тяжелейших условиях, часто без инструментов и продовольствия. Руководитель сооружений Красносельской (Рязанской) засеки воевода Волконский докладывал в 1638 году в Москву, что "деловцы бегают" и "застав неким рубить". "А иные прежние деловцы с Мещерской стороны села Локаш разных помещиков оголодали, а перемениться им неким, столько не делают, сколько милостыни просят". И тем не менее засечная черта была сооружена и сыграла выдающуюся роль в обороне южных границ нашего государства. Рязанские "деловцы" и мещерские лесорубы вложили в нее много сил и таланта, закрыв подступы к Москве.

Позднее эти сооружения потеряли свое значение и пришли в упадок. Но еще долгое время Мещера служила местом, где находили приют крепостные крестьяне, бежавшие от притеснений помещиков, и раскольники, стремившиеся в глухих лесах скрыться от недремлющего ока православной церкви.

Мещера и ее богатства издавна привлекали к себе внимание помещиков и заводчиков. Еще с XVI века сюда начали переселять крепостных крестьян. В XVIII веке возникли вотчины Баташовых, Воронцова, Засецкого, Лаптева. Но земля была скудна, заболочена и плохо родила. Вот тогда и возникла впервые мысль об осушении мещерских болот. В конце прошлого века в Мещеру была направлена мелиоративная экспедиция генерала Жилинского. С большой энергией принялся Жилинский за осушительные работы.

Тысячи солдат и крестьян по колено в воде под непрерывный комариный гул рыли каналы и осушительные канавы, чтобы спустить в реки излишние воды из болот. Большие работы развернулись в районе Солотчи, Кельцов, Криуши...

Об этих грандиозных по тем временам мелиоративных мероприятиях известные русские географы и путешественники, большие знатоки Рязанского края П. П. и В. П. Семеновы-Тян-Шанские писали: "Район этих работ имеет 90 верст длины и 30 верст ширины и обнимает до 16 тысяч десятин. Он тянется на запад от железной дороги до р. Цны, притока Оки, и на восток — до р. Ламши и притоков Оки. Болота, или "мшары", расположены в бассейнах рек Шьи, Солотчи, Пры, Вокши и Ламши и занимают обширные казенные лесные дачи. Из них в Куршинской (в истоках Ламши) прорыто более 15 верст, устроено 7 верст гатей и 58 мостов. В Боровой даче (на железной дороге) прорыто 60 верст каналов и перекопов шириной от 2 до 5 сажень, глубиной до 1/2 сажени, боковых каналов 125 верст и устроено 18 верст гатей и 60 деревянных мостов. Кроме того, здесь расширены 62 мелкие речки и устроена паровая лесопильня, так как по некоторым каналам производится сплав леса... Едва ли, однако, затраты на все эти сооружения находятся в соответствии со стоимостью и доходностью 15000 десятин земли при сомнительной ее плодородности".

Остатки этих каналов до сих пор можно видеть и под Солотчей, и в районе реки Пры, и на территории Окского заповедника.

За двадцать лет (с конца 70-х до конца 90-х годов XIX века) экспедиция Жилинского провела сотни каналов, но селиться на этой земле никто не захотел. Работы по осушению мещерских болот были прекращены. Каналы заросли лесом и кустарником, мосты и гати сгнили, расчищенные речки запылились илом и песком, и вся мелиоративная система пришла в негодность,

Между тем жизнь подтвердила правильность идей Жилинского. Осушенные болота при правильном их использовании давали великолепные урожаи капусты, картофеля, овощей, сена. Оказывается, под слоем болотной воды и торфа лежали чудесные "золотые" земли, замечательные луга и пастбища, которые как будто только и ждали, когда люди примутся за их освоение.

В советское время началось планомерное наступление на мещерские болота. По всей Мещере была создана широкая сеть машинно-мелиоративных станций, оснащенных замечательной техникой. Они осушили уже многие тысячи гектаров заболоченных земель, построили десятки километров магистральных каналов-водоприемников, раскорчевали и привели в порядок заросшие осокой и кустарником луга.

Но задача освоения Мещеры не под силу одним мелиораторам. Работы ведутся широким фронтом и комплексно с участием почвоведов, ихтиологов, зоологов, экономистов, геологов. Проведены большие изыскания в Клепиковском и Спасском районах, составлен проект регулирования водного режима реки Пры.

Пра не случайно привлекает внимание мелиораторов. Протекая по низким и заболоченным местам, она является как бы естественной сточной канавой для избыточных вод Мещерской низменности. Если бы удалось спустить по руслу реки лишние паводковые воды, это значительно понизило бы уровень воды в бассейне Пры, помогло бы осушить тысячи гектаров плодородной земли.

Полным ходом идут в Мещере осушительные работы. Пройдет немного времени, и на месте этого болота раскинутся плодородные колхозные поля

Осушение Мещеры и освоение ее болотистых земель — дело важное, но вместе с тем и чрезвычайно сложное. Оно требует научного подхода к решению целого ряда важнейших проблем, опытов и исследований. С этой целью и была создана в Солотче Мещерская зональная опытно-мелиоративная станция (МЗОМС).

Генерал Жилинский рассчитывал осушить Мещеру с помощью одних магистральных каналов и довольно неглубоких осушительных канав. В его распоряжении не было никакой мелиоративной техники, одни только лопаты да гужевой транспорт. И через год, казалось бы, осушенные земли снова заболочивались, потому что очень трудно было с помощью одних довольно неглубоких канав понизить уровень грунтовых вод. Сотрудники МЗОМС разрабатывают научные методы осушения болот и пойменных земель с помощью закладки дренажных труб, "кротового" дренажа, ложбин и глубоких каналов, врезанных дном в песок. Они создают и испытывают новые мелиоративные машины, внедряют в колхозное и совхозное производство новейшие достижения сельскохозяйственной науки. В распоряжении МЗОМС—замечательная техника: экскаваторы, бульдозеры, канавокопатели, корчеватели...

Осушительные работы в Мещере проводятся в больших масштабах. Гудят тракторы и бульдозеры на пойменных землях под Солотчей, в районе реки Белой — притока Пры и во многих других местах, чавкают экскаваторы, пробивая прямые, как стрелы, магистральные каналы. И недалеко то время, когда вся Мещера превратится в сказочно богатый край, где на вчерашних болотах и песках будут выращивать такие удивительные урожаи, какие не могли сниться генералу Жилинскому.

Нам удалось побывать на одном из болот, где работники МЗОМС проводили осушительные работы. Это километрах в трех от Солотчи, в местечке, которое носит довольно "болотное" название — Тинка. Еще в прошлом году на этом месте было непроходимое болото. Гусеничные тракторы проваливались здесь по кабину, и их приходилось вытаскивать тягачами. А огромные экскаваторы с размаху бросали в ржавую воду свои ковши и, тяжело урча, выгребали оттуда море болотной жижи. Теперь Тинка, иссеченная глубокими осушительными траншеями, покорила людям. Работы подошли к концу. Бульдозер уже засыпал траншеи, по дну которых были проложены осушительные трубы из керамики. Излишняя влага стекала по этим трубам в магистральный канал-приемник, понижая уровень грунтовых вод.

Обратно мы шли через знаменитый солотчинский бор. Бронзовые сосны неподвижно застыли на крутом берегу, где-то вверху тихо гудел ветер, а земля от солнечных пятен казалась огромной расстеленной под соснами шкурой леопарда. Не знаем почему, но вдруг вспомнились стихи из маленькой книжки, которую мы увидели в солотчинской библиотеке.

Сосны	дышат	росистым	рассветом,
Все	разбуженной	жизни	полно!
Поневоле	здесь	станешь	поэтом
Воздух льется в меня, как вино!			—

Со страниц поэтического сборника на нас смотрело энергичное молодое лицо поэта. Всеволод Антонов,— прочли мы в аннотации,—бывший полярник, строитель, кандидат наук. Он же мелиоратор и директор МЗОМС. Мы не удивились: наверное, для того чтобы по-настоящему, по-хозяйски осваивать богатства Мещеры, нужно быть еще и поэтом.

Воздух в Солотче действительно удивительный. И сосны, и песчаные пляжи на старице, и окские луга — замечательные. Здесь нет ни одного предприятия, ни одного даже маленького завода. Зато есть пионерские лагеря, дом отдыха, гостиница, туристская база. Солотча — это курортный поселок, где летом отдыхают тысячи трудящихся из разных городов нашей страны. Это поселок туристов и пионеров, любителей—рыбаков и грибников, которые приезжают сюда из Рязани и Москвы целыми семьями. Богаты грибами чудесные солотчинские леса, окрестности живописнейших озер—Черного, Сегден, Урженского...

Солотча—это поселок художников и писателей. Многие останавливаются здесь, чтобы побродить с этюдником или полюбоваться на знаменитые закаты с холма Солотчинского кремля.

В Солотче, в доме замечательного русского гравера Ивана Петровича Пожалостина, жили и работали К. Паустовский, Р. Фраерман, А. Гайдар. Здесь бывали писатели А. Фадеев, К. Симонов, Г. Штурм, В. Гроссман, Ф. Панферов, А. Коптяева.

Каждый год с ранней весны до осени приезжает сюда и немало туристов, любителей Мещерского края. Здесь на местной туристской базе начинаются путешествия по Мещере, отсюда туристские группы расходятся по самым отдаленным уголкам этого удивительного лесного края. Через Солотчу едут в Мещеру охотники и самодеятельные туристы. И у въезда в поселок, там, где шоссе Рязань — Тума вступает в пределы мещерских лесов, их приветливо напутствуют дорожные транспаранты: "Туристы! В поход по красивейшим местам Мещеры!", "Проводите свой отпуск в мещерских лесах", "Приезжайте отдыхать к нам, в Солотчу". Плакаты и призывы с изображением шагающих туристов, розовощеких здоровяков с налитыми мускулами и бронзовых девушек в ярких купальниках сопровождают вас по всему поселку. Солотча лишней раз напоминает о том, что вы въезжаете в знаменитый Мещерский край. Ведь не зря же ее назвали воротами в Мещеру.

Поход начинается с библиотеки

На дворе еще снег, по вечерам метет поземка. Но днем на солнце уже тепло и с крыш начинают капать первые капли талого снега. Скоро весна... И чем ближе к лету, тем учащеннее бьется сердце туриста — любителя летних путешествий. В который уж раз он бережно снимает с гвоздика провисевший всю зиму без дела рюкзак и развертывает старую, потрепанную карту Мещерского края: куда отправиться в поход, какие посмотреть новые места?

Прежде всего, конечно, нужно выбрать маршрут. Такой, чтобы был интересным и увлекательным и чтобы отвечал целям путешествия и наклонностям его участников. Пунктиры туристских троп пересекают Мещеру в самых различных направлениях: водные и пешеходные, велосипедные и автомобильные, плановые и самодеятельные.

Если вы новичок в туризме или по каким-либо причинам не сможете подобрать группу для самодеятельного похода, приобретайте туристскую путевку и отправляйтесь в путешествие по плановым маршрутам. По Рязанской Мещере проложено три таких маршрута, которые начинаются или с Солотчинской турбазы или с ее филиала — туристской базы в Клепиках.

Наиболее популярный из них—путешествие на лодках по лесной речке Пре. Он предназначается для любителей водных походов, для тех, кто любит греблю, рыбную ловлю, песчаные пляжи и сосновые боры.

Более подготовленным туристам можно рекомендовать другой, не менее интересный маршрут — по озерному краю. Начинается он от турбазы Клепики, где туристы получают лодки, снаряжение и закупают продовольствие. Отсюда они отправляются в десятидневное самостоятельное путешествие по Клепиковским озерам (так называемое Мещерское озерное кольцо). Это путешествие называется самостоятельным, потому что туристы сами разрабатывают маршрут, сами, без инструктора, плавают по озерам и выбирают места для стоянок.

Есть и еще один плановый маршрут. Он знакомит с достопримечательностями Солотчи, ее архитектурными памятниками и живописными окрестностями. Туристы в течение десяти дней живут на турбазе, отдыхают в чудесном солотчинском бору, катаются на лодках по старице Оки, совершают пятидневный лодочный поход по Оке на родину Сергея Есенина—село Константиново.

Но если вам хочется забраться в глухие уголки Мещеры, куда еще не проложены плановые маршруты, если вам нравится открывать новое и неизведанное, если вы любите исследовать и искать, тогда лучше отправляйтесь в самостоятельный поход.

Такое путешествие особенно увлекательно, наполнено тем духом поиска и пусть маленьких, но первооткрытий, которые всегда являются верными спутниками любого интересного похода.

Конечно, очень приятно плыть на лодках по рекам, любоваться красотой природы, ловить рыбу и загорать на золотистых пляжах. Но насколько интереснее становится поход, когда не только созерцаешь с лодки проплывающие мимо леса, поля и деревни, а интересуешься историей, экономикой и культурой мест, по которым путешествуешь. Очень верно сказал об этом известный советский поэт Михаил Светлов: "Без поисков ты только турист, с поисками ты открыватель".

Поиски полезных ископаемых, изучение животного и растительного мира, записи народных преданий и легенд, знакомство с настоящим и прошлым края, с его памятниками и архитектурой— что может быть интереснее и привлекательнее для туриста? Кто знает, вдруг вам повезет и вы найдете то, чего до вас еще никто не находил: новую стоянку древних людей на берегу Пры. неизвестное письмо Есенина или новый архиповский этюд на пыльном чердаке егоровских старожил. Много еще нераскрытых тайн таит в себе наша земля, и кому, как не туристам, быть в первых рядах первооткрывателей.

Глубоко ошибаются те, кто считает, что путешествие начинается с того момента, когда они втиснут свои рюкзаки в узкую дверь отходящего поезда. Нет, поход начинается раньше, значительно раньше. С подбора группы, с беготни по магазинам в поисках продуктов и снаряжения, с разработки маршрута и, конечно, со скрупулезного изучения района путешествия. Собственно говоря, именно с библиотеки, с путешествия по книжным полкам и каталогам и начинается туристский поход. И в этом путешествии тоже есть своя прелесть, и своя романтика.

Спешим вас предостеречь: не думайте, что в библиотеках вы найдете обширную литературу о Мещере. Хотя это и не Тянь-Шань или Приполярный Урал, но до сих пор этот район не изучен как следует, много еще белых пятен на туристской карте Мещерского края. Разрозненные статьи в журналах, отдельные главки в брошюрах и книгах о Рязани и Рязанской области, небольшой путеводитель "Рязань — Солотча — Клепики — Тума", недавно изданный "Атлас Рязанской области"— вот, пожалуй, и вся литература о Мещере.

Но это вовсе не значит, что Мещерский край прошел мимо внимания исследователей и краеведов.

Много интересных сведений о настоящем и прошлому Мещеры можно найти в трудах Рязанского педагогического института, областного краеведческого музея, Окского государственного заповедника.

До революции немало полезного для изучения Мещеры сделали члены Рязанской ученой архивной комиссии. Ими составлены первые описания населенных мест, произведены археологические раскопки, собран ценнейший географический и этнографический материал. Свои работы рязанские краеведы печатали в "Трудах Рязанской ученой архивной комиссии", а до этого — в неофициальной части "Рязанских губернских ведомостей". После революции их дело продолжило общество исследователей Рязанского края, которое имело свой печатный орган — "Труды общества исследователей Рязанского края". Туристам — любителям старины следует познакомиться с материалами этих изданий, и донныне представляющих немалый краеведческий интерес.

Вообще перед тем, как отправиться в поход, нужно постараться изучить всю литературу, которая имеется по избранному маршруту. И пусть эти издания будут старыми, пусть часто и нельзя согласиться с их авторами, по зато вы узнаете немало такого, о чем только из этих книг и можно узнать: о происхождении названий отдельных сел и деревень, о народных промыслах, о местных обычаях, о том, как жили и чем занимались мещеряки.

Однажды, копаясь в старых, потрепанных книгах в букинистическом магазине, мы натолкнулись на фолиант в кожаном переплете. Чья-то осторожная рука вырезала с обложки герб Российской империи, и теперь на его месте зияла круглая, с рваными краями дырка. На переплете красивыми буквами было выведено: "Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей под редакцией В. П. Семенова [Тян-Шанского]. Том. II. Среднерусская черноземная область. С.-Петербург. Издание А. Ф. Девриена. 1902".

Есть книги, которые, несмотря на всю их внешнюю солидность и наукообразность, читаешь с захватывающим интересом, забывая, что перед тобой неувлекательный роман, а объемный труд на семьсот с лишним страниц с огромным количеством цифр, таблиц и диаграмм. Именно к таким любопытным книгам и принадлежит "Россия". Из нее мы почерпнули немало интересных сведений об истории Мещеры, о первых попытках освоения мещерских болот, о народных промыслах и занятиях ее населения, его быте и культуре. Но самой интересной была глава "Замечательные населенные места и местности", в которой дана подробная характеристика сотен крупных и мелких населенных пунктов, говорится о численности их жителей, роде их занятий и т. д. и т. п. И, несмотря на явную склонность авторов книги к старине, нам было очень интересно узнать о том, что представляла собой шестьдесят лет назад Мещерская сторона.

Каждый раз, готовясь к походу в Мещеру, мы составляли карту района путешествия, на которой кружочками отмечали наиболее интересные туристские объекты, с которыми хотели познакомиться во время похода. Это могло быть село, известное своими промыслами, или место, где сохранились интересные исторические памятники. И чем дальше мы знакомились с историей Мещерского края, тем больше кружочков появлялось на нашей туристской карте. Раскрашенные в разные цвета, они растягивались вдоль маршрута длинной цепочкой. А за каждым из этих кружочков стояли книги — наши добрые друзья и умные проводники.

Особенно интересной оказалась книжка русского географа М. Барановича с довольно скучным и длинным названием: "Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Рязанская губерния". Именно ей мы обязаны многими своими "открытиями". Издана она в Петербурге более ста лет назад и, как об этом свидетельствует поблекший чернильный штамп на переплете, некогда принадлежала личной библиотеке известного русского историка Ивана Егоровича Забелина.

Сами понимаете, когда раскрываешь книжку, которую держал в руках Забелин—современник Чернышевского, Добролюбова, Тургенева, Некрасова — и которая была написана еще до отмены крепостного права, то испытываешь какое-то трепетное волнение, такое чувство, будто держишь в руках кусок далекой и вместе с тем такой дорогой каждому из нас русской истории. Старые книги тем и интересны, что являются не только любопытными памятниками прошлого, но и заставляют как-то по-новому, другими глазами посмотреть на нашу современную жизнь, открывая в ней стороны, на которые мы раньше просто не обращали внимания.

Если вы задумали совершить поход по Мещере, обязательно перечитайте произведения Куприна, Есенина, Паустовского, творчество которых так или иначе связано с этим краем. Они лучше многих путеводителей раскрывают красоту и богатство Мещеры. Есенин, как никто другой, передал поэзию рязанских раздолий. Очерки Куприна читаются, как этнографические исследования. Побывав в 1901 году в Курше, где он проводил землемерные работы, он оставил нам великолепные рассказы "Болото" и "Мелюзга", запечатлев в них картины жизни дореволюционной Мещеры. А рассказы Паустовского — это маленькая поэтическая энциклопедия современной Мещерской стороны. Они настолько документальны, что по ним можно составлять описания маршрутов и туристских объектов. И даже получить ценные советы, которые могут пригодиться во время путешествия.

Туристы на озере Черном

Вы помните, наверное, что в одном из своих очерков — он называется "Мещерская сторона" — Паустовский рассказывает о карте этого края, которой он пользовался во время своих странствий. Карта была старинная, составленная по съемкам, произведенным до 1870 года. "Эту карту, — пишет он, — мне самому пришлось исправлять. Изменились русла рек. Там, где на карте были болота, кое-где уже шумел молодой сосновый лес; на месте иных озер оказались трясины".

Каждый турист знает, насколько необходимы в походе карты. Конечно, лучше поновее и покрупнее масштабom. Но путешествовать по старинной карте тоже интересно.

К сожалению, несмотря на предпринятые нами энергичные поиски, мы так и не смогли найти карту, о которой упоминает Паустовский. Зато натолкнулись на след другой, быть может, даже более интересной карты и даже не карты, а целого топографического атласа Рязанской губернии. Коротенькую ссылку на него мы обнаружили в списке литературы, приложенном ко второму тому "России".

Мы отправились в историческую библиотеку и, наконец, нашли то, что искали. И вот перед нами огромная, чуть ли не метровая толстая папка в твердом картонном переплете. На старой, потрепанной обложке надпись: "Топографический межевой атлас Рязанской губернии, составленный в 1859 году чинами Межевого корпуса под руководством генерального штаба генерал-лейтенанта Менде", а ниже более мелким шрифтом: "Издан по Высочайшему повелению Императорским географическим обществом и Межевым корпусом в 1 : 8400 долю в Москве".

Это были одни из самых подробных и, как потом выяснилось, едва ли не самых лучших топографических карт Рязанской губернии. Мы перевернули несколько твердых хрустящих листов, отыскивали нужную карту и... не узнали Мещерского края. Как будто чья-то невидимая рука стерла и черные ниточки железных дорог, со всех сторон опоясавших нынешнюю Мещеру, и красные змейки шоссе, бегущих через болота, и темно-зеленые пятна лесных массивов, и даже многие кружочки населенных пунктов, разбросав вместо них по неоглядным мещерским просторам десятки погостов с одинокими церквами, постоялые дворы, питейные заведения и смолокурные избы. Путешествовать по такой карте довольно сложно, но иметь ее во время похода при себе, так сказать, для сравнения было очень интересно.

Из современных карт, пожалуй, только одна туристская схема "По рекам Мещеры (Буже и Пре)" более или менее пригодна для путешествий. Но пользоваться ею надо с большой осторожностью: она тоже порядком устарела.

В значительной мере картографические пробелы восполняет изданный в 1965 году "Атлас Рязанской области". Он подготовлен большим коллективом картографов, рязанских ученых, статистиков и краеведов и является хорошим подарком для туристов, путешествующих по Рязанской Мещере. Из атласа можно узнать много интересного об экономике, культуре, народном образовании Рязанского края, его природных условиях, климате, полезных ископаемых. В него включены карты, отображающие участие рабочих и крестьян Рязанской губернии в революции 1905—1907 годов, в подготовке и осуществлении Великой Октябрьской социалистической революции.

Особый интерес для туристов представляет туристская карта области, на которой нанесены некоторые наиболее популярные туристские маршруты, места расположения туристских баз, важнейшие туристско-экскурсионные объекты.

В пояснительном тексте к карте дается краткая характеристика историко-революционных, археологических и архитектурных памятников, указываются места расположения музеев и населенных пунктов, связанных с жизнью и деятельностью знатных уроженцев Рязанской области. Несмотря на то что карты, входящие в состав атласа, довольно мелкие по масштабу (1 : 10 000 000, 1:15000000 и 1:25000000), этот атлас окажет большую помощь туристам при подготовке к туристским путешествиям.

А теперь последуем призыву дорожных солотчинских транспарантов и отправимся в поход по красивейшим местам Мещеры.

В плену мещерских заколов

Едва ли не самый популярный маршрут по Мещере—путешествие по озерному краю и реке Пре. Начинается он на реке Буже от небольшого полустанка Тасино Казанской железной дороги, а заканчивается возле пристани Кочемары, недалеко от впадения в Оку ее левого притока—Пры. Это типичный уголок Рязанской Мещеры с извилистыми реками, широкими и мелководными озерами, глухими лесами и с песчаными дюнами. Вот по этим местам мы и предлагаем вам отправиться в путь.

Большинство самостоятельных туристов, начинающих свое путешествие от Тасино, приезжают в Мещеру, так сказать, со своими "самоварами"—плавучими средствами самых разнообразных конструкций: байдарками, надувными резиновыми лодками, самодельными баркасами, обтянутыми брезентом, и даже портативными плотами, которые собирают прямо тут же на берегу Бужи из десятков надутых волейбольных камер.

Без "водного транспорта" в Мещере не обойтись. В этом болотистом да озерном крае, как сказал нам один знакомый рыбак из маленькой мещерской деревушки Бужа, "лодка что лошадь: на ней и косить ездят, и сено перевозят, и рыбу ловят". И даже в гости тоже ездят на лодках. Сначала нам казалось, что местные жители чересчур уж преувеличивают значение лодочного транспорта. Решили даже однажды попробовать пойти вниз по Пре пешком—берегами. Но вскоре оставили эту затею. Всякий раз, когда нам казалось, что мы уже вышли на прямую и сухую тропу, путь нам перегораживали болото, старица или топкая и сырая лощина, которую приходилось иногда обходить многие километры. Конечно, по Мещере можно путешествовать и пешком, но все-таки лучше всего на лодках или на байдарках.

Тихо и неторопливо течет среди лесов небольшая река Бужа. Отсюда многие туристы начинают свое путешествие по Мещерскому краю

Наша флотилия состоит из двух разнокалиберных лодок, приобретенных у рыбаков в соседнем селе Тюрвищи, что раскинулось на берегу Бужи недалеко от впадения в озеро Святое. Село это издавна известно своими красильными промыслами. С помощью трафареток красили, как их называют в Мещере, изготавливали цветные платочки, коврики, подушки и другие вещи, которые пользовались большим спросом у местного населения. С развитием промышленности красильный промысел захудал. Но любовь к ярким цветам, к украшению осталась, и теперь многие дома, раскрашенный в яркие тона, напоминают затейливые сказочные терема.

...Большая часть нашей группы едет на новенькой плоскодонке. За лето она здорово рассохлась и сейчас довольно интенсивно подтекает. Каждый вечер по совету руководителя нашего похода московского инженера Станислава, прозванного "адмиралом", мы заливаем ее водой и топим недалеко от берега, "чтоб забухла". Поэтому наш баркас и называется "Забухающим". В "Забухающем" еду я, Владик, которому присвоено звание "капитана", Сережка, в обычной жизни кандидат филологических наук, но в походе человек без определенной профессии, Нина, наш корабельный лейб-медик, и Лешка, слесарь по профессии, а в душе исследователь и краевед.

Наш адмирал вместе с Петей Осиповым, "боцманом", обосновался на долбленке—длинной сигарообразной лодке, сделанной из распиленных пополам и выдолбленных изнутри сосновых комлей. Такие лодки до сих пор в большом почете у местных жителей. Длинные и узкие, с мелкой осадкой, они как нельзя лучше подходят для мелководных речушек и заросших осокой и камышом мещерских озер. От долбленки пахнет смолой и дегтем и еще какими-то другими древними и таинственными запахами.

Помните картину художника А. Е. Архипова "Рыболов"? Узкая река, деревянные мостки на другом берегу. А прямо на зрителя плывет на долбленой лодке старик рыбак.

В руках у него весло, впереди — немудрящие рыболовные снасти. Нос лодки немного задран, толстые деревянные борта высоко подняты над водой, и она легко скользит по реке, рассекая водную гладь своим крепким, просмоленным носом. Это и есть долбленка.

Искусство делать такие лодки уходит в глубь веков. В Рязани в краеведческом музее выставлен потрескавшийся от времени древний челн, удивительно похожий на современные мещерские

долбленки. Не случайно ведь формы лодок и способы их изготовления сохраняются на протяжении многих столетий, и по ним даже можно определить границы расселения древних жителей Мещерского края.

Кто эти, неведомые нам мастера, смастерившие первый такой челн, — неизвестно. Но то, что они вложили в изготовление лодок весь свой талант, наблюдательность и сноровку, сразу видно по вертким и ходким мещерским долбленкам.

Уже на озерах — во Владычине — мы познакомились с одним из таких лодочных мастеров. Ловко орудуя топором, он обтесывал нос лодки, плотно пригоняя его к бортам. Чтобы лодка была шире и устойчивее, между бортами вставляют днище в виде плоской, но довольно-таки толстой сосновой доски, которая крепится к бортам железными скобками.

На дворе лежали две почти готовые лодки: одна, как наша, метра четыре, а другая широкая и длинная. В нее запросто вошло бы человек десять экипажа, да еще с рюкзаками в придачу.

— Это для груза,—объяснил хозяин. Вот на такой долбленке и плывут Петя с адмиралом. На борту ее в знак уважения к руководителю нашего похода мы вывели белой краской: "Адмирал Станислав". Адмирал был "скромнен" и против такого названия не возражал.

Бужа — маленькая, но очень живописная лесная речка, с крутыми песчаными берегами. В ее темной, похожей на деготь воде, как в зеркале, отражаются нависшие над самой рекой белоствольные березы и раскидистые ветлы. Слово ажурные мосты, они перекидываются с одного берега на другой и, почти сплетаясь в вышине своими ветвями, образуют живописные зеленые шатры. А внизу прямо из воды торчат полузатонувшие деревья, причудливые коряги, почерневшие бревна, похожие на огромных, вылезавших на берег крокодилов. Кто-то бросил в темную воду палку. Он подняла фонтанчик брызг и замерла, не двигаясь с места. И вообще вся Бужа какая-то сонная, тихая и неподвижная.

Так она и течет километров десять по глухим, ненаселенным местам, пока не выплескивается у Тюрвищ из своих узких берегов и, раздробившись на множество рукавов, разливается огромным озером по обширному заливному лугу. Река сильно заросла осокой и камышом, в ней много проток и заводей, в которых легко заблудиться.

Но самые интересные достопримечательности Бужи—это заколы. Перегораживая реку от одного берега до другого, тянутся длинные цепочки торчащих из воды кольев. Переплетенные хворостом, они очень похожи на изгороди, которыми в деревнях обычно огораживают выгоны для скота. За одной изгородью на расстоянии нескольких десятков метров тянется вторая, третья, четвертая... Все русло Бужи разрезано изгородями на множество узеньких прямоугольных полосок.

Вот они, мещерские заколы. В устье реки Бужи и на озерах они иногда тянутся на десятки метров, от одного берега до другого

Отсюда начинается царство знаменитых мещерских заколов, или, как их называют местные рыбаки, езов. Ими покрыта не только Бужа, но и многие озера, протоки и речки Мещеры. Когда они появились, никто не помнит. Старики, которых мы спрашивали об этом, задумчиво покачивали головами:

— А кто его знает, всегда так было, и отцы, и деды, и прадеды наши ловили рыбу в этих вот езах. Так уж издавна повелось.

Речные заколы возникли в те далекие времена, когда рыбная ловля и охота служили чуть ли не единственным средством существования местных жителей. В старину в Мещере рыбным промыслом занимались целые села, на рыбную ловлю часто выходили все жители деревни вплоть до ребятишек.

Заколы простирались от одного берега до другого, иногда на протяжении более версты. В них делали специальные проходы — "заелды", в которые ставили мереды — сплетенные из ивовых прутьев верши — и сети. Ничего, кроме вреда рыбному хозяйству, эта водяная чересполосица принести не могла, и поэтому с первых же лет Советской власти местные органы повели борьбу с заколами.

Сейчас, утратив свое прежнее значение, многие заколы пришли в упадок. Подгнили и обломались почерневшие колья, половодье, размыв хворостяные заслоны, унесло с собой целые звенья изгородей, но во многих местах они еще сохранились.

Немало неприятностей доставляют езы туристам. Проходить их надо с большой осторожностью: того и гляди скрытый под водой кол вонзится в днище лодки или она застрянет в узком и тесном проходе. Вот тут-то и сказались все преимущества нашей старенькой долбленки. Она, как уж, проскальзывала мимо кольев, даже не задевая за них бортами, и оказывалась по ту сторону закола. А потом ее экипаж позволял себе немного развлечься, ехидно наблюдая за тем, как будет "прогрызать" ез широкобокая плоскодонка.

Зрелище было, действительно, любопытное.

За несколько метров до закола лихо летевший по волнам "Забухающий" убрал весла и на полном ходу врезался в середину прохода. Раздавался треск, и плоскодонка прочно застревала между кольями. Начинался второй этап "перелезания через забор". Лешка вылезал прямо на "тын" и изо всех сил дергал лодку вперед, а присмирившая команда "помогала" ему тащить застрявшую посудину своими довольно противоречивыми советами. Когда его усилий оказывалось недостаточно, на другую сторону "тына" вылезал Владик, и они, как акробаты, балансируя по скользкому плетню, вместе пытались освободить лодку от крепких объятий хворостинной изгороди. Они дружно гикали, раскачивали лодку, забор ходил под ними ходуном, лодка жалобно трещала, но никак не хотела двигаться с места. После получаса возни, перекуров, криков и споров ез, наконец, сдавался, и пружинистые колья, скользя по бортам лодки, "выстреливали" ее по другую сторону закола.

Езы — это довольно серьезное испытание для лодок и байдарок. Поэтому, если вы успешно минуете бужанские заколы, считайте, что ваши лодки выдержали первый экзамен на прочность.

Пропавшее озеро

Святое озеро—первое в системе Клепиковских озер, длинной цепочкой вытянувшихся с севера на юг. Вокруг, насколько хватает глаз, сверкая тысячами солнечных бликов, расстилается огромная равнина, словно в половодье залитая выплеснувшейся из берегов водой. Казалось, она затопила и деревья, и кустарник, и прибрежные холмы, оставив посередине только зеленые островки осоки.

Подходило время обеда, и все с надеждой посматривали на крутой лесистый левый берег озера, словно самой природой созданный для туристских привалов.

— Ну как, повернем?—спросил сидевший на руле Владик.

Но Лешка отрицательно покачал головой и махнул рукой в сторону низкого правого берега, у горизонта сливавшегося с безбрежным морем неподвижно застывших зарослей камыша. Судя по тому, как лихорадочно блестели его глаза и палец бегал по расстеленной на коленях карте, мы стояли на пороге великих географических открытий.

Дело в том, что еще в Москве, готовясь к путешествию, мы натолкнулись на любопытное упоминание о каких-то рыболовных сооружениях, воздвигнутых сотни лет назад на берегу Святого озера мещерскими рыбаками. Баранович, из книги которого мы почерпнули эти сведения, был довольно краток. "Из всех озер, — писал он,—самое замечательное по рыбной ловле Святое (в с.-з. углу Егорьевского уезда). Прилегающие к этому озеру селения Левашове, Митино и Петровское с давних пор промышляют рыбным промыслом и сльвут в торговле под названием стобновских рыбаков... К озеру прорыто с западной и южной сторон множество больших (от 2 до 4 верст) и малых (от 80 до 150 сажений) канав, по которым течет с окрестных высот ключевая вода".

Стобновские рыбаки соорудили на берегах озера плоны с заслонами, так рассчитав падение воды, что даже в сильные морозы вода в канавах не замерзала. Зимой когда озеро было покрыто льдом, рыба охотно шла к потокам свежей, богатой кислородом воды и теснилась около них. В день лова все рыбаки одновременно перекрывали плотины, и рыба, приваженная к свежей воде, из глубины озера шла к берегам, где ее без большого труда ловили неретами, мелкими снастями и даже ручными черпаками.

Как и многие другие промыслы (углежжение, плетение лаптей, охота), рыбная ловля стобновским способом была связана с хищническим уничтожением природных богатств Мещерского края. Рыбу сотнями пудов вылавливали из рыболовных канав, не задумываясь над тем, какой ущерб это может нанести рыбному хозяйству.

Со временем рыбы в озере стало меньше, большинство канав было запущено и пришло в негодность. И все-таки нам было интересно найти и посмотреть остатки этих гидротехнических сооружений, воздвигнутых много лет назад мещерскими рыбаками.

Но тут-то и случилось самое непонятное. Сколько мы ни искали эти странные канавы, найти их так и не могли. Западный и южный берега Святого озера были низкими и болотистыми, и никакая вода самотеком, как утверждал Баранович, не смогла бы идти в озеро по прорытым канавам.

— Да, здесь что-то не то, — в растерянности почесывал Лешка затылок. — Неужели Баранович ошибся? Или канавы успели зарости?

— Ну, хорошо, — возразил Сережка, водя соломинкой по карте, — канавы действительно могли зарости. Но вот почему местное население о них ничего не знает? И вообще откуда ты взял, что именно это озеро имел в виду Баранович?

— А какое же еще, конечно, это. Тут больше и озер-то с таким названием нет.

— А это, — Сережка показал соломинкой на маленький кружок где-то в районе реки Поли, — или это, — соломинка уткнулась прямо в Окский государственный заповедник, в центре которого синело еще одно Святое озеро, — или вот это...

Многие Клепиковские озера сильно заросли тростником и осокой. Едешь по ним, а за кормой остается длинная, узкая просека

За несколько минут в разных местах карты мы обнаружили четыре Святых озера, два Дубовых, несколько Черных и Белых и бесчисленное множество Великих — от огромного, расположенного в самом центре Мещерского края возле города Клепики, до малюсеньких точек, разбросанных по обширным просторам Мещерской низменности. Но какое же из четырех Святых озер имел в виду Баранович?

— Так ведь в книге же прямо сказано: озеро расположено в углу Егорьевского уезда, — не сдавался Лешка, — а сто лет назад Егорьевский уезд входил в состав Рязанской губернии, и вот это самое Святое озеро находилось в самой что ни на есть правой его части. Это же ясно, как божий день. А ты вон куда забрался, в другой конец карты.

— Но ведь у Егорьевского уезда, наверное, были и другие углы... — робко возразил Сережка.

— И в каждом из них по Святому озеру, — насмешливо перебил его Лешка.

Спор пришлось прекратить ввиду полной невозможности выяснить истину с помощью тех скудных и весьма неопределенных сведений, которыми мы располагали.

Так и не отыскав обещанных Лешкой следов старых гидротехнических сооружений мещерских рыбаков, мы поплыли дальше, в душе кляня и наши несовершенные карты, и Святые озера, как близнецы, похожие одно на другое, и Барановича, на удочку которого так опрометчиво клюнул чересчур доверчивый Лешка.

Но однажды, когда все уже позабыли про досадную историю со Святым озером и даже перестали подтрунивать над Лешкиной страстью к исследованию прибрежного рельефа, мы вдруг случайно натолкнулись на то, что так долго искали.

Это было на озере Шагара. Мы пристали к небольшому песчаному мыску возле деревни Подсвятье, чтобы переждать надвигающуюся грозу. Пока адмирал разжигал костер, а дежурные готовили обед, Сергей с Лешкой отправились на разведку. Каково же было их удивление, когда шагах в тридцати они обнаружили какой-то странный, заросший ельником, травой и заваленный

сосновыми шишками ров. Сережка спрыгнул на дно и вытянул руки: ров был довольно глубокий — два — два с половиной метра и шириной метра три. Он тянулся от берега озера между двумя рядами довольно редких сосен и заканчивался у небольшого болотца, отгороженного от канавы земляной дамбой.

— М-да, любопытно,—произнес Лешка, посмотрев на крутой склон канавы, опутанный, словно паутиной, корнями огромных сосен. Наученный горьким опытом Святого озера, на этот раз он не спешил с выводами.

За деревьями что-то зашумело, ветви раздвинулись, и из-за них высунулась любопытная веснушчатая мордашка, за ней вторая, третья, а потом на поляну высыпала целая стайка местных ребятишек. Они с независимым видом уселись на бруствер канавы и стали разглядывать нас, готовые, впрочем, при первой же опасности дать стрекача.

Ох, уж эти симпатичные, всезнающие и ведающие босоногие деревенские ребятишки! Сколько же мы их встречали на своем пути — белокурых и черноволосых, каштановых и огненно-рыжих, в выгоревших на жарком июльском солнце рубашонках, с исцарапанными руками и ногами. Мы встречали их и на берегах рек и озер, где они ловили рыбу своими нехитрыми самодельными снастями, и в густых зарослях камышей, по которым они отважно пробирались на долбленых лодках, ловко орудуя не по росту большими веслами, или в густых зарослях малинника, куда они забирались с огромными плетеными корзинами. Они составляли наш почетный эскорт, как только мы появлялись в деревне, их озорные и любопытные глазенки, как маленькие огоньки, сверкали в кустах, когда мы разбивали свои палатки недалеко от жилья, и они же были нашими верными и бескорыстными проводниками, лучше которых мы не встречали на своем пути.

Сначала ребята немного дичились нас, с опаской поглядывая на наши заросшие длинной щетиной очкастые физиономии, но потом, видимо, убедившись в наших мирных намерениях, подошли поближе и полукругом уселись вокруг костра.

Разговаривать с деревенскими ребятишками одно удовольствие: они тут же рассказали нам и о своей школе, и о единственной учительнице, которая "ух, какая строгая", и о том, как и на что берет местная рыба, и где копать червей, посоветовали на то, что в местное сельпо давно уже не завозили крючков и лески, и только после этого Лешка решил им задать тот самый проклятый вопрос, который не давал ему покоя вот уже несколько дней.

— А что это за канава у вас там выкопана? — и он небрежно махнул рукой в сторону заросшего травой рва.

— Какая канава? А-а, эта,—равнодушно протянул веснушчатый паренек с огненно-рыжей шевелюрой, — да в ней раньше рыбу ловили.

— Рыбу?—насторожились мы.—Это когда же?

— Ну, это мы не помним, это еще до нас было, а старики рассказывали: много рыбы в таких канавах ловили, — и ребята гурьбой повели нас к остаткам старого рыболовного сооружения.

Канавка оказалась не очень длинной: метров сорок—пятьдесят. Судя по глубоким морщинкам, оставленным на ее склонах дождевыми ручейками, она имела небольшой наклон в сторону озера. Как нам рассказали ребята, на перемычке, отделявшей канаву от небольшого болотца, раньше стояли высокие козлы, сколоченные из бревен. К ним подвешивали на веревках плиту — деревянное корыто, которым и черпали воду из родника.

Как и в "святых" канавах Барановича, свежая вода, попадая в канаву, стекала по ней к озеру, привлекая рыбу. Во время лова (обычно это бывало в конце зимы - начале весны) воду перекрывали, и рыба косяками шла в канаву. Тут ее и ловили сетями и черпаками.

...Все небо заволочло темными тучами, подул сильный порывистый ветер, заморосил мелкий дождь. А до ночлега было еще далеко. Мы поспешили проститься с нашими маленькими друзьями и отправиться дальше. Лешка сидел на корме и с довольным видом поглядывал на всех нас, посмеявшись усомниться в научной добросовестности "самого" Барановича. Мы чувствовали себя провинившимися школьниками и вообще неполноценными людьми. Надо ли говорить, что Баранович был тут же реабилитирован, а история с исчезнувшим Святым озером мгновенно забыта.

Но Лешка, видимо, о ней не забыл. Когда мы возвратились из похода в Москву, он направился в историческую библиотеку разыскивать атлас Менде. Каково же было его удивление, когда в левом верхнем углу Егорьевского уезда, недалеко от нынешней Шатуры, он действительно нашел еще одно Святое озеро. И возле него три деревни—Митино, Левашове и Петровское,— где жили таинственные стобновские рыбаки. С южной стороны прямо в озеро сбегали тоненькие змейки многочисленных каналов, тех самых каналов, которых мы так и не смогли отыскать на болотистых берегах "ненастоящего" Святого озера. Ну что ж, даже с великими путешественниками случались подобные курьезы...

Блуждающая церковь

На Мещерских озерах очень трудно разобрать, где кончается одно и начинается другое озеро. Они тянутся длинной цепочкой, то сужаясь до небольших узких протоков, как озеро Имлес, то разливаясь на многие километры, как озеро Великое. И вместе с тем каждое из них сохраняет свое своеобразие;

свои особенные черты, которые делают их не похожими друг на друга. И эти их отличительные особенности подчас очень верно и точно подмечали те первые безвестные нам жители Мещеры, которые давали этим озерам названия.

Вот, наверное, в такой же погожий безветренный солнечный день вышли они на берег тихого, задумчивого лесного озера. Вышли и остановились как вкопанные, пораженные его величавой, неземной красотой. "Ну и озеро, — прямо, как святое", — вырвалось у богомольных мужиков. И стало озеро Святым. А на следующем озере их поразило другое. Постояли они на высоком, поросшем могучими соснами берегу, посмотрели на широкую водную гладь, гадая, как бы им перебраться на другой берег: "Ишь, какое великое". И стало озеро Великим.

Впрочем, это только наше предположение. А вот о названии Дубового озера можно сказать более определенно. Когда-то очень давно его берега сплошь были покрыты могучими дубравами. Они росли у самой воды, отражаясь в ней, как в огромном естественном зеркале, и казалось, будто раскидистые дубовые кроны вырастали прямо из воды, придавая ей темно-зеленый, "дубовый" оттенок. Потом лес поредел, дубовые рощи повыверили местные жители, постепенно заболачивались и зарастали осокой берега. А озеро называлось все так же, как и сто, двести, триста лет назад, — Дубовое.

Вообще мещерская топонимика отличается большим разнообразием, и ее любители могут найти здесь для себя много интересного. Названия населенным пунктам, озерам и рекам давались не только по их природным особенностям—озеро Черное (потому что в нем темная вода), село Дубровичи (было расположено среди дубрав),—но и по занятию населения (деревня Лаптеве), в связи с различными историческими событиями.

Особенно интересны происхождения названий, связанных с племенами и народами, некогда населявшими Мещерский край. На это указывали многие исследователи еще в начале прошлого века. "Но вот камень преткновения, — писал один из них, — как дознаться в точности, каким народам эти слова принадлежали?" Действительно, в Мещере очень много населенных пунктов с татарскими названиями (вспомним город Касимов), а также названиями, которые оставили после себя древние жители этого края — финские племена.

На берегу Ивановского озера расположено село Ушмор (более древнее название Ушмар). Не правда ли, странное название? А между тем в нем явно угадывается марийское происхождение: уш—умный, мар—мари. Такого же происхождения и название села Кочемары; кочо—горький, мар—мари. Их оставили родственные мещере марийские племена, или черемисы, которые раньше жили в этих местах. По-видимому, к разряду финских (мордовских) топонимов относятся и такие названия, как Чарус, Ламша, Шостья, Пекселы. Да и наименование реки Пры, очевидно, тоже мордовского происхождения ("голова", "верхове").

Но если вы посмотрите на карту, то найдете и такие чисто русские названия: Борисово, Фомино, Макеево, Сергеево, Егорово, Наумово, Тимохино, Натальино, Гришино. Это все деревни, расположенные недалеко от Клепиков. Так и представляешь себе какого-нибудь бородатого Тимоху в дырявом зипунишке с топором, засунутым за кушак. Забрел незнамо по какой причине в эти глухие места, осмотрелся и поставил на косогоре Рубленую избу, пахнущую свежей смолой. И стал жить, и рыбу ловить, и землю пахать, и детей рожать. А там глядь—и деревенька выросла. И уж Тимохи давно в живых нет, а деревня так и называется — Тимохино.

Чем дальше в глубь озерного края подвигалась наша флотилия, тем все интереснее и красивее становились места. Глухие маленькие протоки и огромные плесы с белыми барашками волн в ветреную погоду, низкие болотистые берега и крутые обрывы с частоколом отливающих бронзой сосен, золотистые песчаные отмели и неоглядные заросли тростника, куги и осоки, которым не видно ни конца, ни края,—такими разнообразными и не похожими одно на другое предстали перед нами мещерские озера.

И все-таки всех их роднила одна черта, одна особенность: они были так мелки, что многие из них легко было перейти вброд. Когда распашные весла нашей плоскодонки впервые коснулись дна на самой середине Святого озера, мы подумали, что натолкнулись на случайную мель. Но когда эти подозрительные мели начали попадаться нам чуть ли не на каждом шагу и добровольцы лезли в воду, чтобы столкнуть лодку с места, мы поняли, что попали в край хотя и обширных, но до смешного мелководных, или, как мы их называли, пешеходных озер.

По временам, когда надоедало скрести веслами песчаное дно, мы вылезали в воду и брали лодку на буксир. Это было очень странное и любопытное зрелище: посередине огромного озера, берега которого еле-еле видны на горизонте, бредут наши отважные капитаны по щиколотку в воде и, как Гулливеры, тащат свои отнюдь не лилипутские корабли.

— Эй, адмирал!—кричит Владик,—что вы та тащитесь, как старая кляча. Подтолкнуть, что ли?

— Это нас-то?—адмирал воинственно расправляя плечи и деловито вскидывает на плечо цепь.—А ну, кто кого?

И начинаются гонки по самому центру Дубового озера. Вода бурлит за кормой, каскад брызг разлетается в разные стороны, а два капитана под крики и улюлюканье своих болельщиков бойко бегут к синееющему где-то далеко впереди противоположному берегу, выбрасывая высоко из воды свои длинные загорелые ноги

И что самое интересное, чем больше озеро, тем оно мельче, и наоборот. Достаточно сказать, что глубина самого большого из Клепиковских озер—Великого, занимающего площадь в 2 200 гектаров, составляет в среднем всего около двух метров, а расположенного неподалеку от него небольшого озера Белого — более 80 метров. Неправда ли, странная особенность! Но объясняется она довольно просто.

Ивановское озеро. На этом берегу возле деревни Ушмор любят останавливаться на привал многие туристские группы

Дело в том, что большинство мещерских озер ледникового происхождения. Отступая на север, ледник таял, и талые воды заполняли впадины и низины, образуя бесчисленное множество больших и малых озер. Но в наиболее низких местах огромные ледяные языки и глыбы задерживались и, не успев растаять, засыпались песком и другими наносными породами. Образовывались гигантские подземные погреба, которые по мере таяния в них льда "проваливались" все глубже и глубже вниз, пока не упирались в коренные породы. Возникшие на их месте озера получили название "провальных", или, выражаясь научным языком, термокарстовых. Как правило, они глубокие, с крутыми высокими берегами, удивительно чистой и прозрачной водой и цепким песчаным дном. А широкие пологие долины, выровненные ледником, словно могучим бульдозером, наполнялись талой водой и превращались в обширные мелководные озера.

Однажды — это было на Ивановском озере — мы разбили свой лагерь недалеко от деревни Ушмор в чудесном сосновом бору. Дул сильный ветер. Угрюмо гудели сосны. О песчаную отмель, узкой полоской протянувшуюся вдоль берега, с шумом разбивались вспененные волны. Ну прямо как на Рижском взморье! Внизу зашуршал песок, и на тропинке показалось несколько местных парней и девчат. Они не спеша разулись и засучив штаны и подоткнув подола платьев, неторопливо, как ни в чем не бывало, зашлепали по воде голыми ногами.

— Эй, куда же вы?—не выдержал Петя, видя, как парни и девчата все дальше и дальше удаляются от берега.

— В деревню, куда же еще, — отозвался один парень, поправляя перекинутые через плечо ботинки. — Праздник там у них, ну вот мы к ним и идем, вроде как в гости. — И он махнул в сторону деревеньки, видневшейся на противоположном берегу.

— Вброд?—испуганно ахнула Нина, с опаской поглядывая на огромное озеро.

— А то как же, у нас все так ходят.

— А не глубоко здесь?

— Не, — рассмеялся парень, — здесь курице по колено. Ну, кое-где до пояса вода дойдет, а так по колено—не больше. Мелкое наше озеро.

Мы долго стояли на высоком песчаном холме и с изумлением смотрели вслед медленно бредущим по воде людям, пока они не превратились в маленькие, еле заметные точки.

— Ну и ну,—разочарованно протянул Лешка,— не озеро, а блюдечко с водичкой. И как только в нем рыба живет?

Однако Ивановское озеро считается рыбным озером. В нем, как, впрочем, и в других мещерских озерах, водятся щука, окунь, ерш, плотва, а также карась, линь и язь, которые наиболее устойчивы к кислородному голоданию. Заморы — это бич для рыбы в мелководных мещерских озерах. В зимы обычной продолжительности рыба еще кое-как переживает трудное время до поступления вешних вод. Но бывают зимы, когда водоемы промерзают чуть ли не до дна, и рыба массами гибнет от недостатка кислорода. Не спасают даже проруби, которые местные жители делают во льду, чтобы открыть доступ в воду свежему воздуху.

От Ушмора до Клепиков по суше рукой подать: километров восемь — десять, не больше. А если плыть по воде, то на это уйдет целый день да и то если вы не собьетесь с пути и не застрянете в какой-нибудь непроходимой протоке. Это самый сложный и вместе с тем самый интересный участок пути. В этом месте Пра течет по почти совершенно заросшему руслу, с трудом пробивая себе путь через тростниковые заросли, а потом, описав вокруг Владычинского полуострова огромную петлю, снова возвращается к Клепикам теперь уже полноправной рекой, которую никак не спутаешь с узкой и полузаросшей протокой. Но именно с такой длинной и постепенно сужающейся до нескольких метров протоки, идущей от Ивановского озера, и начинается Пра.

По поводу этого Лешка прямо в лодке произнес короткий спич, не преминув зачитать нам выдержку из тридцать четвертого тома Большой Советской Энциклопедии. Вот краткие "анкетные данные" Пры: длина 162 километра, площадь бассейна 5 900 квадратных километров, протекает по сильно заболоченной Мещерской низменности. Питание преимущественно снеговое, замерзает в конце ноября, вскрывается в начале апреля... Впадает в Оку недалеко от пристани Кочемары.

Берега Пры в этом месте довольно низки. Они обильно поросли кустарником, травой и зелеными лопухами. Разделенная на несколько рукавов, река выписывает здесь такие замысловатые вензеля, что нашу плоскодонку приходилось буквально на руках протаскивать через узкие проходы и изгибы коварного фарватера. Она, как слепой котенок, тычется носом то в один, то в другой берег, становится поперек течения, застревает в дощатых заколах, перегородивших во многих местах русло реки, и вообще ведет себя довольно строптиво.

Но вот поворот, еще поворот, берега убегают куда-то в стороны, и Пра двумя рукавами разливается по огромному, заросшему осокой и тростником полю.

У развилки мы останавливаемся и, как богатыри на распутье, начинаем гадать, по какой протоке следует продолжать путь. Лешка с глубокомысленным видом водит пальцем по карте, Владик, как Илья Муромец на заставе, прикладывает руку ко лбу и вглядывается а туманную даль, а адмирал, как всегда, предлагает самое радикальное решение вопроса—съездить к видневшейся в конце правой протоки деревеньке с церквушкой на, пригорке и расспросить местных жителей о дороге. Побеждает все-таки Лешкина "научная" точка зрения, и наши лодки поворачивают налево.

Еле заметная протока, то исчезая, то появляясь вновь, вывела нас в заросшее, похожее на огромное болото русло Пры. Вывела и пропала, растворившись в огромных, высотой в человеческий рост камышовых зарослях.

Еще в Москве знатоки Мещеры предупреждали нас: "Будьте осторожнее на озерах, по ним можно долго плутать, пока выберешься на верную дорогу". И в подтверждение приводили историю, которая произошла с одной группой туристов-байдарочников: сбившись с пути на Мартыновом озере, они забрели в такие непроходимые дебри, что вынуждены были провести одну не очень приятную ночь среди воды и безбрежных тростниковых зарослей. Мы весело рассмеялись тогда, не особенно веря в правдивость этой истории. А вот сейчас все больше и больше убеждались, что с нами начинает происходить примерно то же, что и с теми заблудившимися туристами: мы не знали, куда мы плывем, в какую сторону, где начинается берег и кончается озеро и вообще где мы находимся. Выбившийся из сил Сережка в конце концов бросил обвитые тиной пудовые весла и сказал, что гребля, может быть, и способствует оздоровлению организма, но что он всегда терпеть не мог бессмысленной работы, и потребовал от Лешки заверения, что наши лодки движутся туда, куда надо, а не в обратном направлении.

На всякий случай решили еще раз обозреть окрестности. Лешка с Сергеем встали друг против друга на борту лодки, а Владик взгромоздился на их плечи. Но и с этой импровизированной пирамиды ничего не было видно, кроме разбросанных по огромным заливным лугам копен с сеном и далекой кромки синеющего слева леса. И тростник, тростник кругом, насколько хватает глаз.

— А церковь?—спросил Лешка.

Церковь была единственным ориентиром и маяком этом огромном тростниковом царстве. И мы всегда надеждой поглядывали назад, где далеко-далеко из-за зеленой кромки осоки возвышались маковки ее куполов.

— Церковь?—вытянул шею Владик.—Да вон она!

И он махнул рукой куда-то вправо.

Мы двинулись дальше, стараясь держаться немного левее. Но не успели проехать и с полчаса, как церковь снова показалась вдаль, но теперь уже с другой стороны. А потом началась самая настоящая чертовщина. Церковь то убегала куда-то вдаль, пропадая в зеленоватой камышовой дымке, то вдруг вырастала впереди нас, затем слева, потом опять справа и снова сзади, а мы в каком-то диком бесовском танце кружились вокруг нее, не в силах освободиться от этого чертовского наваждения.

— Мистика,—изрек, наконец, Сережка.

— Бесовские проделки, — поддержал его Владик, подозрительно косясь на "бегущую" церковь.

Но дело было, конечно, не в мистике и не в бесовских проделках. Церковь, естественно, стояла на месте, на берегу Сокорева озера, а фарватер реки Пры так петлял, то удаляясь, то на время приближаясь к ней, что создавалось впечатление, будто бежит сама церковь.

Судя по старинной карте Менде, за советом к которой мы постоянно обращались в таких случаях, церковь стояла на этом месте возле села Стружаны еще сто лет назад. Только озеро тогда было больше и не таким заросшим и заболоченным, как теперь. Интересно прошлое этого старинного мещерского села, история которого восходит к допетровским временам. В одной из окладных книг (1676 года) уже говорится о "церкви Воскресения Господня на Стружанех", построенной, по-видимому, значительно раньше. Эта церковь, славившаяся своим богатством, упоминается во всех церковных справочниках Рязанской губернии. В свое время в ней хранились уникальные свадебные венцы из древесного лубка с изображением святых. Но есть и более ранние сведения о Стружанах. Это старинное мещерское село, упоминается еще с 1625 года в жалобе "села Кузминска вотчины боярина Василия Петровича Морозова крестьян, ехавших в Стружаны торговать, об ограблении их Стружанской волости сыном боярским Алексеем Григорьевым Турчаниновым".

В те далекие времена Сокорово озеро, на берегу которого раскинулись Стружаны, было окружено дремучими лесами и сосновыми борами. Говорят, и само озеро получило свое название от деревьев осокорь, которые росли возле воды. Вот на эту-то глухую мещерскую деревушку и пал в свое время выбор Петра I. Свыше двух веков назад здесь, на берегу тогда глубокого и полноводного озера, по приказу Петра были воздвигнуты верфи для строительства стругов. Со многих мещерских деревень согнали плотников-умельцев. Струги строили из высоченных корабельных сосен, которые темной стеной подступали к самой воде, и сплавляли по Пре в Оку, а оттуда в Волгу.

Отсюда и название села Стружаны. Не случайно одна из речек, протекавшая возле села, называлась Работники; здесь жили рабочие — строители стругов. Да и в дальнейшем жители Стружан славились как искусные плотники. Многие из них промышляли изготовлением струговых и барочных досок, другие, завернув в холстину свои пилы, отправлялись на отхожие промыслы — в Пензенскую, Саратовскую, Астраханскую губернии. До сего времени у жителей Стружан и соседних деревень сохранилась любовь к плотницкому делу да к тому самому топору, под стук которого более двух столетий назад зарождалась слава русского флота.

...Мы уже подплывали к Владычинскому полуострову, а "бегающая" церковь все еще кружилась где-то вдали, поблескивая маковками куполов.

Черная гора

Огромной зеленой подковой вдается в реку Пру и Мартынове озеро Владычинский полуостров. По утрам от воды идет пар, плотная пелена белесого тумана висит над камышовыми зарослями. Туман стелется по заливным лугам и перелескам, словно ватой окутывает длинную песчаную отмель, стремясь взобраться на крутой, поросший травой и кустарником берег, изъеденный какими-то странными каналами, да так и замирает, обессилев, у самого подножья соснового бора. В бору почти всегда тихо, но если лечь на голую, лишенную подлеска землю, под уходящими высоко в небо огромными желтовато-бронзовыми соснами, можно услышать глухой и таинственный шум. Это ветер гудит в верхушках деревьев.

Особенно прекрасен бор вечером, при заходе солнца, если смотреть на него со стороны реки. Закаты на реках и озерах вообще красивы — то тихие и спокойные, со светло-оранжевым отблеском, медленно, всеми цветами радуги переходящим в начинающую темнеть синеву, то мрачные и величественные, с контрастными черно-красно-сиреневыми оттенками слоистых облаков, сгрудившихся у самого горизонта. Во Владычине закаты свои, особенные. Они огромным багряно-красным заревом полыхают позади бора, огненными языками лижут стволы столетних сосен и, с трудом пробившись сквозь их плотный заслон, длинными отблесками падают в красновато-темную воду реки. Кажется, будто кто-то поджег на поляне за лесом огромные стога сена, и языки пламени, взметнувшись вверх, уже перекинулись на верхушки оцепеневших сосен.

За сосновым бором, на пригорке, раскинулись избы небольшой деревни Владычино. Эта деревня под названием Владычня помечена на карте Менде и упоминается в старинных писцовых книгах. Несколько веков назад она принадлежала Рязанскому архиерею — владыке, откуда и произошло ее название. Но люди поселились на берегу Пры значительно раньше — около четырех тысяч лет тому назад. Свои поселения они устраивали возле воды, которая их кормила, поила и служила единственным средством сообщения. Об этом свидетельствуют открытые археологами стоянки людей каменного, бронзового и железного веков на мещерских озерах Глухом, Белом, Великом, Лебедином, обнаруженные при раскопках могильники и многочисленные орудия труда.

Одна из стоянок находилась на берегу Пры, неподалеку от деревни Владычино. Местные жители, прорывая рыболовные каналы, нет-нет да и находили какие-то странные предметы: черепки с узорчатым орнаментом, наконечники стрел, рыболовные крючки, сделанные из кости...

В 1928 году небольшая экспедиция под руководством тогда еще молодого археолога Отто Николаевича Бадера прибыла во Владычино и приступила к раскопкам. В слое каменного века было открыто древнее поселение с остатками керамики, наконечниками дротиков, скребками, теслами и другими каменными орудиями. По имени деревни, возле которой производились раскопки, открытая Бадером стоянка людей каменного века получила название Владычинской.

Сейчас на том месте, где находилась стоянка, расположен пляж пионерского лагеря. Но несколько лет назад, когда мы впервые попали на Владычинский полуостров, это была тихая зеленая лужайка, на которой любили останавливаться проплывающие мимо туристы. Она полого спускалась к воде, переходя в небольшую песчаную косу.

Даже самые обычные предметы на этой поляне представлялись нам удивительными и загадочными. И куски гранита, лежащие на берегу, и почерневший от дождей и солнца обломок доски, и перевернутая долбленка с разошедшимися боками — на всем этом, казалось, лежала печать давно минувших веков.

Здесь, на самом берегу Пры, четыре тысячелетия назад кипела жизнь первобытной стоянки, горели костры, упираясь в небо черными столбами дыма, суетились охотники и рыбаки, каменными скребками чистили шкуры женщины.

Удивительно красивы закаты на мещерских озерах!

...Адмирал прыгнул в старую рыболовную канаву, которая тянулась к воде, и потрогал рукой обнаженный отвал: песок был темный и вязкий, как будто замешанный на золе.

На дне канавы ничего не оказалось, кроме куска гранита, испещренного серебристыми слюдяными прослойками. Пока Лешка с адмиралом спорили, можно ли высечь из него огонь, боцман с серьезным видом человека, понимающего толк в археологии, сел на корточки и начал меланхолично и не спеша разгребать песок деревянной палочкой. Шансов найти что-нибудь в этой куче песка у него не было почти никаких, но великие открытия потому и называются великими, что не подчиняются общим закономерностям. Петя ткнул палочкой в какой-то небольшой, величиной с трехкопеечную монету, комочек земли, осторожно, двумя пальцами положил его на ладонь, поколдовал над ним и совершенно спокойно сообщил:

— А я, кажется, что-то интересное нашел.

— Да ну?—Лешка с адмиралом бросились к нему, Петя раскрыл ладонь, и ребята увидели небольшой камешек ромбовидной формы.

— Наконечник стрелы, — растерянно прошептал адмирал.

Как он оказался на этой песчаной косе, чуть ли не на самой тропке, ведущей в деревню, сказать трудно. То ли его вымыла вода при половодье, то ли при раскопках кто-нибудь случайно выбросил вместе с "ненужной" землей.

Петя отмыл наконечник от грязи, бережно вытер его! носовым платком, и на граненых боках камня забегали солнечные зайчики. Подумать только, четыре тысячелетия назад чья-то искусная рука обработала этот грубый кусочек камня, потом охотник, накрепко привязав его к черенку, превратил в быструю стрелу, не раз, наверное, приносившую удачу в охоте, и вот сейчас он лежит на петиной ладони — этот маленький камешек, который, казалось, хранит на своих зазубренных гранях тепло рук древних жителей Мещерского края.

Посмотреть на Петину находку сбежалась вся наша группа. Даже самые отъявленные скептики, вроде Сережки и Владика, притихли и сделали вид, что они тоже всегда интересовались археологией. Мы разбрелись по песчаной косе, с любопытством набрасываясь на каждый подозрительный камешек, в которых наше воображение хотело видеть наконечники стрел или каменные скребки для звериных шкур.

Теперь уже никто из нас не сомневался, что именно здесь, на самом берегу Пры, и находилась стоянка древних жителей Владычинского полуострова.

В старину земли были населены слабо. На десятки километров вокруг не было человеческого жилья. Одни леса, звери, да реки. И если уж стояли рядом два поселения, то, наверное, было это место и рыбное, и для охоты добычливое. Видимо, к такому "густонаселенному" первобытному району и принадлежало Мартынове озеро.

На другой стороне Пры, напротив Владычина, археолог И. К. Цветкова в начале пятидесятых годов обнаружила еще одну стоянку древних жителей Мещерского края. По своему значению, по количеству уникальных находок и интереснейшего материала, добытого в ходе раскопок, эта стоянка является сейчас наиболее значительным памятником каменного века на территории Рязанской Мещеры.

Если ехать вниз по течению Пры от Стружан, то вскоре справа покажется цепь высоких песчаных дюн, которая тянется вдоль берега на протяжении около четырех километров. На одном из этих песчаных холмов даже издали можно заметить столбы с охранной доской. Это и есть Черная гора, где в течение нескольких лет проводит раскопки археологическая экспедиция государственного

исторического музея под руководством И. К. Цветковой. Этот песчаный холм не случайно носит такое, на первый взгляд, странное название. Стоит только его увидеть, как сразу замечаешь, что по цвету он отличается от соседних холмов. Все они, как правило, светлые, сложены из белых кварцевых песков. Зачерпнешь такой песок рукой, и он маленькими светлыми струйками бежит сквозь пальцы, как в песочных часах. А этот холм темный, почти черный — песок в нем смешан с пеплом костров, золой и различными органическими остатками, которые являются верными спутниками каждой большой первобытной стоянки. Поэтому и назвали местные жители этот холм Черной горой.

В выкидах земли на месте раскопок можно увидеть много интересных вещей: остатки рыбьей чешуи, кости птиц и животных, осколки раковин, моллюсками которых питались обитатели стоянки, глиняные черепки...

Раскопки на Черной горе ведутся несколько лет, и уже сейчас видно, какой большой интерес представляет эта стоянка для науки. Поэтому хочется предупредить туристов, путешествующих по Пре, чтобы они заботились о сохранении столь интересного археологического памятника.

На местах древних стоянок, которые находятся под охраной государства, категорически воспрещается разрывать землю и вообще предпринимать какие-либо самостоятельные поиски. Раскопки могут производиться только по специальному разрешению и под руководством археолога. Другое дело—обследование песчаных дюн или поиски по берегам рек и озер древних черенков и каменных орудий, которые могли быть вымыты водой. Здесь туристы могут оказать существенную помощь археологам, навести их на след новой, еще не открытой стоянки или могильника. В случае удачи об этом надо немедленно поставить в известность местный краеведческий музей, Московский институт археологии или Государственный исторический музей, точно зафиксировать место находки, составить ее подробное описание.

Дюны возле деревни Фомино были заселены еще в период нового каменного века, четыре с половиной тысячи лет назад. Это было большое поселение, в котором, как и на Владычинской стоянке, жило племя охотников и рыболовов. Культура этого племени была на достаточно высоком уровне. Археологи обнаружили на Черной горе большое количество изделий из керамики, кремниевые и костяные орудия—скребки, ножи, тесла, наконечники стрел и дротиков, кинжалы, рыболовные крючки, мотыги из кости и рога, гребни для расчесывания пряжи, украшения в виде привесок из зубов животных, миниатюрные тщательно выделанные скульптурки с изображением птиц, оленей... Смотришь на них и думаешь — каким талантом, трудолюбием и художественным вкусом должны были обладать первобытные мастера, чтобы из костей птиц и диких животных вырезать эти скульптурки и украшения грубыми каменными ножами. Археологи нашли на Черной горе так много костяных поделок, оружия и орудий труда, что это наводит на мысль о существовании в этом месте неолитических мастерских косторезов, ювелирных дел мастеров.

Особый интерес представляют три уникальные первобытные флейты, сделанные из трубчатых костей животных. Сверху в них аккуратно просверлено по четыре круглых отверстия, а поверхность одной из флейт покрыта тонким нарезным орнаментом, напоминающим полосатый ствол березы. Это самый древний музыкальный инструмент, найденный в Европейской части Советского Союза. Видно, уже в те далекие времена люди были не чужды красоте, уже тогда думали не только о хлебе насущном.

Несмотря на то что флейты пролежали в земле тысячи лет, они настолько хорошо сохранились, что на них до сих пор можно играть. Две из этих флейт вместе с другими находками Рязанской археологической экспедиции экспонируются в Московском историческом музее, а третья занимает почетное место в Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии.

Когда речь идет о нашем далеком прошлом, всегда хочется знать: какими они были, эти древние жители Мещеры, и как они выглядели внешне? И на этот вопрос скоро ответят ученые. Дело в том, что Черная гора—это не только стоянка, но и древнейший могильник, где найдено около тридцати погребений. Многие скелеты настолько хорошо сохранились, что по ним можно восстановить облик человека черногорской стоянки. Известный скульптор-антрополог Михаил Михайлович Герасимов уже приступил к работе, и скоро мы увидим, как выглядели древние обитатели таинственной Черной горы—охотники и рыболовы, косторезы и музыканты (Подробнее о стоянке Черная гора и найденных в ходе раскопок предметах можно прочитать в публикациях начальника Рязанской археологической экспедиции Московского государственного исторического музея И. К. Цветковой: "Стоянка Черная гора" ("Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры". Вып. 75, М., 1959); "Флейта, которой тысячи лет" (журнал "Наука и жизнь", 1, 1965)).

...Вечером, когда зашло солнце и на землю спустились сумерки, река Пра показалась нам еще более прекрасной и таинственной. Из-за сосен выкатилась луна, похожая на щит древнего воина, и залила и реку, и дюны, и луга каким-то холодным серебристым светом. Мы сидели у костра и молча смотрели, как магические светлые огоньки медленно пожирают толстые сосновые сучья. Вот так же, наверное, сидели у своих костров и те древние жители Мещерского края, сидели и задумчиво смотрели в таинственное и непостижимое огненное чудо. А где-то вдали слышался звук первобытной флейты. И так же ласково бормотал камыш, гулко шумели верхушки огромных сосен, а на их бронзовых стволах играли отблески первобытных костров.

Кто знает, может быть, не случайно выбрали древние люди это место для своих поселений. Может быть, оно просто понравилось им своей красотой, своими сое новыми борами, чистым, как родниковая вода, воздухом: ведь они тоже понимали толк в красоте.

На память об этих двух чудесных днях у нас осталась искусно вырезанная Петей из куска дерева фигурка древнего человека, которую мы храним среди прочих мещерских трофеев. Она стоит на полке, и маленький человек с раскосыми глазами и заостренными скулами гордо взирает с высоты пятиэтажного дома на вереницы машин, со свистом проносящихся по Ленинградскому шоссе.

Встреча с Есениным

"В этом городке, как нарочно, было собрано все, чем хороши такие наши городки: домики с рассохшимися мезонинами, цветные стекла на крылечках, старые вязы, гулкий деревянный мост через чистую реку, металлический крик потревоженных гусей, дамба у моста с дуплистыми седыми ивами и пыльной травой по откосам, мальчишки с удочками, суетливые галки, плотники с пилами, завернутыми в холстину, девушки, царственно несущие на коромыслах полные ведра с водой, жалобный свисток паровоза на узкоколейке, погромыживание далекого грома над заповедными лесами, снеговые вершины грозových облаков". Эти теплые слова написаны Паустовским о маленьком тихом мещерском городишке со странным названием — Спас-Клепики.

Рассказывают, будто в далекую старину в глухих лесах поселились здесь братья-разбойники Клепиковы, которые, разбогатев на грабеже, построили церковь в честь Спаса. Потом на этом месте выросло село Спас-Клепики. По другой версии церковь Спасу воздвигли в честь избавления от разбойников Клепиковых, которых будто бы поймали и казнили. Существует и еще одна легенда: в склепах-углублениях, вырытых в земле, на том месте, где сейчас стоят Клепики, спасалось население, бежавшее в глухие мещерские леса от преследования татар.

Как будто бы ничего особенного нет в этом, похожем на большое село городке: ни огромных фабрик и заводов (кроме двух небольших предприятий), ни знаменитых музеев, ни театров и высших учебных заведений. Но как только вы оказываетесь вот в таком городке, то сразу попадаете под обаяние его тихих пустынных улочек, упирающихся прямо в поле, маленького пыльного скверика с вертушками вместо калиток всей его медленной и немного сонной жизни.

Впрочем, и эта медлительность, и эта размеренность очень обманчивы. Чем больше знакомишься с этим городком, тем все меньше он кажется таким тихим и безмятежным, каким описал его Паустовский. Нет уже гулкого деревянного моста через Пру — вместо него построен отличный бетонный мост, по которому мчатся комфортабельные автобусы, не видно плотников с пилами, завернутыми в холстину, и девушек с коромыслами—вот уже несколько лет как в городе проведен водопровод. Но старые вязы у деревянных домиков остались, остались и цветные стекла на крылечках, и дамба с дуплистыми ивами, и ребяташки так же ловят рыбу забрасывая удочки в стремительную Пру.

Мы давно мечтали побывать в этом небольшом городке, расположенном в самом центре Мещерского края Он привлекал нас не только своею тихой и задумчивой красотой, не только своими ватными фабриками, известными далеко за пределами Рязанской области, или знаменитой узкоколейкой, так проникновенно описанной Паустовским в его "мещерских рассказах". Нам интересно было побывать в этом городе и потому, что он неразрывно связан с именем одного из самых замечательных русских поэтов — Сергея Есенина.

Рязанская земля вскормила много талантов, прославивших нашу родину далеко за ее пределами: войнов и землепашцев, писателей и художников, ученых актеров. Уроженцами Рязанской стороны были академик Иван Петрович Павлов и основоположник ракетостроения Константин Эдуардович Циолковский, географ Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский и знаменитый флотоводец Василий Михайлович Головнин. Многие годы прожил в маленьком поселке Солотче, что раскинулся на

берегу Оки у самой границы мещерских лесов академик графики Иван Петрович Пожалостин, а совсем недалеко от Клепиков, в захолустной мещерской деревне Егорово, родился и провел свои детские годы известный художник-передвижник Абрам Ефимович Архипов. И в этом ярком созвездии талантов как звезда первой величины сияет самобытное дарование простого рязанского парня—Сергея Есенина, о котором Алексей Толстой сказал: "Его поэзия есть как бы разбрасывание обеими пригоршнями сокровищ его души".

Мы с детства любили и восхищались удивительно музыкальными и поэтичными стихами Есенина, наслаждались его замечательным искусством просто и вместе

тем очень ярко передавать сложнейшие человеческие чувства и переживания. Перед походом мы снова перечитали Есенина, и нам показалось, что кто-то настезь распахнул окно в удивительно прекрасный и неповторимый мир русской природы.

От его стихов так и веяло запахом свежескошенной травы и потревоженной ветром осоки, холодком утреннего тумана и дымком костра над станом деревенских косарей. Стихи Есенина помогли нам полюбить этот край еще до того, как мы впервые попали на мещерскую землю. И все-таки только здесь, на родине поэта, мы по-настоящему почувствовали всю поэтичность и прелесть есенинского стиха. Не случайно говорят: чтобы понять поэта, надо побывать на его родине.

Как приятно, бывало, лежа в палатке и прислушиваясь к монотонной дробе дождевых капель, открыть маленький томик его стихов и погрузиться в чтение замечательных, чистых и прозрачных, как колодезная вода, строф:

Низкий дом с голубыми ставнями, Не забыть мне тебя никогда,— Слишком были такими недавними Отзвучавшие в сумрак года.

До	сегодня	еще	мне	снится
Наше	поле,	луга	и	лес,
Принакрытые		сереньким		ситцем
Этих северных бедных небес.				

Это стихи о родине, о Рязанской стороне, где он вырос, провел свои детские и юношеские годы и любовь к которой пронес через всю свою жизнь.

Родился Есенин километрах в пятидесяти от Клепиков в селе Константинове, 21 сентября (3 октября) 1895 года. Село было большое и стояло на крутом берегу Оки. За рекой, насколько хватал глаз, расстились воспетые потом Есениным в его стихах "рязанские раздолья".

Не	видать	конца	и	края-
Только синь сосет глаза.				

Прямо напротив дома возвышалась Константиновская церковь. Сюда богомольная бабка водила маленького Сергея молиться "кроткому Спасу". Мальчик был впечатлительный. Он с робостью и страхом косился на расписанные богомазами своды, откуда величественно взирали на него царственно равнодушные лики христианских святых.

Воспитывался Есенин у своего деда по матери, у которого было трое взрослых сыновей. "Дядья мои, — вспоминает поэт, — были ребята озорные и отчаянные. Трех с половиной лет они посадили меня на лошадь без седла и сразу пустили в галоп. Я помню, что очумел и очень крепко держался за холку. Потом меня учили плавать. Один дядя (дядя Саша) брал меня в лодку, отъезжал от берега, снимал с меня белье и, как щенка, бросал в воду. Я неумело и испуганно плескал руками, и, пока не захлебывался, он все кричал: "Эх! Стерва! Ну куда ты годишься?.." После, лет восьми, другому дяде я часто заменял охотничью собаку, плавал по озерам за подстреленными утками".

Потом он скажет о своем детстве:

Худощавый		и		низкорослый,
Средь	мальчишек		всегда	герой,
Часто,	часто	с	разбитым	носом
Приходил я к себе домой.				

Позже, когда подрос, взрослые стали брать его за Оку—на сенокос. Потом—ночное, рыбалки на старицах и озерах. Бывало, целыми днями вместе со своими сверстниками мальчик пропадал в заокских лугах.

Хотя Константинове и находится в стороне от нашего туристского маршрута, но съездить туда стоит обязательно (для туристов, которые хотели бы более обстоятельно познакомиться с есенинскими местами и совершить путешествие на родину поэта, рекомендуется десятидневный плановый маршрут № 158, который начинается в Солотче). Когда идешь по этому старинному русскому селу, то какое-то острое, щемящее чувство охватывает тебя. Широкая улица, яблоневые сады у полисадников, полуразвалившаяся церковка на берегу Оки и маленький скромный домик со старым тополем, посаженным Есениным у плетня.

Эта		улица		мне		знакома,
И	знаком		этот		низенький	дом.
Проводов			голубая			солома
Опрокинулась						над окном.

Вижу	сад	в	голубых	накрапах,
Тихо	август	прилег	ко	плетню.
Держат	липы	в	зеленых	лапах
Птичий гомон				и щебетню...

Этот маленький домик давно уже стал местом паломничества туристов и любителей поэзии. Сейчас в нем мемориальный дом-музей Есенина, филиал Рязанского краеведческого музея. Сюда едут со всех концов России и даже из-за границы, идут пешком, чтобы посмотреть на эти священные для каждого из нас места, где родился один из самых тонких и лирических русских поэтов.

Сестры Есенина, Екатерина и Александра, бережно хранили все эти годы семейные реликвии, которые сейчас экспонируются в музее: деревянный сундучок, где будущий поэт держал свои книги и юношеские стихи, старое зеркало, обеденный стол, стулья... Обычная утварь крестьянской семьи того времени. В саду за домом — маленький амбар с одинокой яблонькой у двери и крохотная избушка, крытая соломой. Здесь во время своих приездов в родное село жил поэт и писал стихи.

Чтобы лучше почувствовать Есенина, надо посидеть на крутом косогоре над Окой, подышать свежим воздухом, пахнущим сеном и яблоками, половить рыбу с артелью рыбаков, походить по земле, по которой ходил поэт. И тогда понимаешь, откуда и эта широта, и эта поэтичность, и эта глубокая затаенная грусть в есенинских стихах, откуда эта беззаветная любовь к родному краю, которая всю жизнь его "томила, мучила и жгла".

Край	любимый!		Сердцу	снятся
Скирды	солнца	в	водах	лонных.
Я	хотел		бы	затеряться
В зеленях твоих				стозвонных.

Русская природа, традиции устной народной поэзии, любовь к родине—вот что питало творчество Есенина. Он, как никто, умел чувствовать и передавать красоту нашей природы, раскрывать ее душу и поэзию, учить нас великой любви к родине. Где бы он ни был, что бы ни делал, его помыслы были о милой и близкой его сердцу Руси. И всю-то земную красоту он мерил тоже на свой, на рязанский аршин:

Потому,	что	я	с	севера,	что	ли,
Что	луна	там	огромней	в	сто	раз,
Как	бы	ни	был	красив		Шираз,
Он не лучше						рязанских раздолий.

Когда Есенин окончил Константиновское училище, дед настоял на том, чтобы его внук продолжил учебу. Его мечтой было сделать из Сергея сельского учителя. Ближайшая учительская школа была в Спас-Клепиках, куда константиновские крестьяне часто ездили на ярмарки. Вот в этот маленький городок и отправили на учебу будущего поэта.

В Клепиках многое связано с Есениным. Здесь он три года учился в местной церковно-учительской школе. Здесь впервые начал писать стихи и "почувствовал" себя поэтом. Отсюда никому не

ведомым крестьянским пареньком приехал в Москву, удивив всех своим изумительным поэтическим талантом.

Здание церковно-учительской школы сохранилось до наших дней. Сейчас в нем находится школа-интернат. Она стоит на окраине Клепиков, рядом со средней школой. У входа — небольшая мраморная табличка со скромной надписью: "Здесь с 1909 по 1912 гг. учился известный советский поэт Сергей Александрович Есенин".

Помню, как несколько лет назад мы в первый раз побывали в этих местах. К своему знатному земляку здесь относятся с большим уважением, и поэтому едва мы переступили через порог школы, возле нас тотчас же появился добровольный экскурсовод.

— Здесь они учились, там были спальни,—охотно объяснил он.

— А в какой комнате жил Есенин?—спросили мы. Экскурсовод—парень с копной белобрых "есенинских" волос — мнетя.

В этом здании до революции размещалась Спас-Клепиковская церковно-учительская школа. Здесь в 1909—1912 годах учился, замечательный советский поэт Сергей Есенин

— Не знаю. Об этом лучше Григория Львовича Черняева спросите. Он ведь вместе с Есениным в этой школе учился. Он-то уж наверняка знает.

Вот уж чего мы не ожидали—так это встречи с однокашником самого Есенина. Мы знали, что на родине Есенина — в селе Константиново — живет немало людей, которые помнили его еще по детским годам. Но встреча в Клепиках со сверстником Есенина, вместе с ним сидевшим чуть ли не за одной партой, была неожиданной.

Григория Львовича мы застали в парикмахерской где он работал много лет. Как и всем одногодкам Есенина, ему было далеко за шестьдесят. Широкое открытое лицо, добрые, немного грустные глаза, высокий лоб обрамленный редкими седыми волосами, делали его похожим на старого сельского учителя. Говорил он спокойно, мягко, не спеша, точно объяснял урок своим ученикам.

— Какой он был? Да такой же, как все, — веселый шустрый, непоседливый. Любил шутку и озорство и был коноводом среди ребят.

В свободное от учебы время ученики Клепиковской школы убегали на речку или на глухие лесные озера, где "выткался алый свет зари", ходили в ночное, катались на коньках по закованной в ледяной панцирь Пре или бродили по знаменитым мещерским мшарам... Рыбалки, ночное, сенокос, споры у костра — вот в таком близком общении с природой и мужал талант Сергея Есенина — будущего певца волшебной страны березового ситца.

Еще в Москве, перечитывая Есенина, мы задавали себе вопрос: и как это простой рязанский парень, к тому же окончивший всего три класса учительской школы, приехав в город из глухого медвежьего угла, вдруг стал сочинять такие удивительные, музыкальные стихи? И откуда взялись слова у неискушенного в литературе и поэтическом искусстве рязанского паренька?

И только здесь, в родных есенинских местах, мы по-настоящему начали понимать, что не "вдруг" и "не сразу" стал поэтом Сергей Есенин, да и легенда о неграмотном рязанском пареньке, в свое время выдвинутая некоторыми литературоведами, оказалась весьма далекой от истины.

Несмотря на тяжелую казенную атмосферу, которая царила в Клепиковской школе, ее учащиеся жили интересной и напряженной жизнью. Они много читали, устраивали диспуты. Уже тогда Есенин увлекся литературой и устным народным творчеством, знал наизусть чуть ли не все "Слово о полку Игореве".

Занятию литературой во многом способствовали и уроки учителя словесности Хитрова — любимого учителя Есенина. Кто знает, может быть, этот скромный сельский учитель, который учил своих воспитанников любить литературу и искусство, понимать красоту, может быть, именно он и

заронил в душу начинающего поэта семена, которые дали потом такие чудесные всходы? Хитров активно участвовал в установлении Советской власти в Клепиках, боролся за ликвидацию неграмотности среди населения. Умер он в тридцатых годах и похоронен в Клепиках, на городской площади.

Жена другого учителя Есенина, и ныне живущая в Клепиках, Александра Петровна Гусева, которая вела практику с учениками церковно-учительской школы, рассказывает, как однажды она встретила в коридоре у двери Хитрова вихрастого русоголового паренька. Он робко стоял, переминаясь с ноги на ногу, держа в руках какую-то бумажку.

— Что это у тебя?—спросила Александра Петровна.

— Да вот хочу учителю показать, — ответил Есенин и протянул ей мелко исписанный листок бумаги с текстом одного из своих стихотворений.

Из таких вот листков вскоре составила целая тетрадь, в которую по просьбе Хитрова Есенин переписал свои первые стихи. Эту тетрадь Хитров сохранил и уже после революции передал в Институт мировой литературы.

...По вечерам, когда городок погружался во тьму, в доме одного из местных парней, Гриши Панфилова, собиралась клепиковская молодежь. Вместе с другими ребятами в кружок Панфилова входили Сергей Есенин и Черняев. Начали в кружке с разговоров о школьных Делах и чтения Ната Пинкертон и Ника Картера, а потом перешли к произведениям Пушкина, Белинского, Чернышевского, Толстого и Горького, революционным Стихам и песням. Особыми симпатиями Есенина, да и других кружковцев пользовались книги Льва Толстого. Вслух читали его роман "Воскресение", до хрипоты спорили о трактате "В чем моя вера?", хотели даже совершить паломничество в Ясную Поляну. По домам расходились за полночь, когда весь город уже спал. Взвзвись за руки, шумной гурьбой шли по улицам и пели песни, пугая сонных обывателей.

Уже тогда сверстники Есенина были знакомы с его стихами. Их он читал и в кружке у Панфилова, и в березовой роще недалеко от города, куда собиралась на сходки клепиковская молодежь. Стихи нравились, но никто не придавал им особого значения, в том числе и сам Есенин.

"Стихи он начал писать с первого года своего пребывания в школе,—рассказывает в своих воспоминаниях Е. М. Хитров—первый поэтический наставник Есенина.—Стихи его всегда подкупали своей легкостью и ясностью. Но здесь уже (в последний год учебы в школе.—А. П.) в его произведениях стали просачиваться и серьезная мысль, и широта кругозора... И все-таки я не предвидел того громадного роста, которого достиг талант С. Есенина, развиваясь непрерывно. Мешало мне рассмотреть и то, что в нашей школе у Есенина среди товарищей—однокурсников были сильные соперники в поэтическом творчестве. Из них наиболее выдающимся был Е. Тиранов, рабочий с Великодворского стекольного завода".

В Клепиках Есенин пишет свои первые стихи: "Выткался на озере алый свет зари...", "Там, где капустные грядки", "Подражание песне", "Сыплет черемуха снегом", "Тихо дремлет река" и другие. Они еще во многом несовершенны и незрелы по мысли. Да и сам поэт еще замкнут в узком мире своих юношеских переживаний. Но уже весной 1912 года, видимо под влиянием панфиловского кружка, он выступает с первой стихотворной декларацией, где говорит о гражданском назначении поэзии. Прощаясь со своим другом Гришей Панфиловым перед отъездом из Спас-Клепиков, он дарит ему на память свою фотографию, на обратной стороне которой пишет строчки "Поэта":

Тот поэт, врагов кто губит,
Чья родная правда мать...

В Москву Сергей Есенин едет с твердым желанием стать поэтом. Тихая рязанская деревня подарила России удивительное поэтическое дарование. Городу предстояло отшлифовать и отточить его мастерство.

В Клепиках как будто сам воздух наполнен есенинскими стихами. Они звучат в вас, когда вы проходите мимо сосновой рощи за школой, где, как говорят, он сочинял свои юношеские стихи, когда вы идете по улице, носящей его имя, спускаетесь по тропинке к Пре, в которой он любил купаться со своими сверстниками. Где-то там внизу, в небольшом заливишке, под порывами легкого ветерка стонет тростник, словно сказочная царевна, а вдали тревожно шумят бескрайние мещерские леса.

Здесь, в этом "задумчивом и нежном" краю, Есенин вырос, здесь он учился и здесь набирала силы его светлая и чистая поэзия.

На родине Архипова

Поход—это всегда узнавание знакомство с новыми местами и с новыми людьми. Поэтому не надо спешить расстаться с Клепиками. Этот город заслуживает того, чтобы задержаться в нем еще на два-три дня. И не только потому, чтобы как следует осмотреть его достопримечательности, не и потому, чтобы совершить отсюда экскурсию на родину другого выдающегося уроженца Рязанщины — крупнейшего советского художника Абрама Ефимовича Архипова.

Помню, как много лет назад мы с товарищем впервые попали в Третьяковку. Пробежав, не переводя дыхания, по многочисленным залам музея, мы спустились вниз, где были выставлены картины советских художников. Голова гудела от усталости и обилия впечатлений. Века, живописные манеры, названия картин и фамилии художников— все перемешалось так прочно что разобраться в этом было уже невозможно. Мы хотели было пробежать дальше, как вдруг наше внимание привлекла одна картина.

Нет, она совсем не была похожа на то, что приходилось видеть раньше. Краски! Больше всего поражают яркие, пестрые краски — красная, голубая, оранжевая, зеленая. Наполненные солнцем и воздухом, они светились какой-то удивительной силой, радостью и здоровьем. Прямо на нас, положив сильные рабочие руки на колени, глядела розовощекая крестьянская девушка, слегка улыбаясь пухлыми, розовыми губами Мы посмотрели на подпись: "Девушка с кувшином". Это была наша первая встреча с Абрамом Ефимовичем Архиповым.

Потом мы часто приходили в Третьяковку и каждый раз с изумлением смотрели на крепких и задорных архиповских баб. Были в них какая-то удивительная сила и мощь, и броская красота, и здоровье, и хозяйская сметка. Таким все ничо чем: ни трудности, ни тяжелые невзгоды, выпавшие на долю русских крестьянок, ни мужская работа.

...Ничего-то	не	боятся	—
Им	работать	да	смеяться!
—	Кто	нас	краше?
Кто сильней?			

Вызов	искрится	во	взорах...
В	них	залог	грядущих
Луч,	сверкающий	в	просторах,
Сила родины моей!			

Так писал об архиповских бабах В. А. Гиляровский. Так их и воспринимали современники—как символ новой России, разбуженной революцией.

Смотришь на этих крепких и розовощеких молодок в пестрых паневах, ярких платках и кацавейках и удивляешься—и где это их увидел, где подсмотрел Абрам Ефимович и откуда он так тонко, до мельчайших подробностей знает детали крестьянского быта? Такое не изучишь по книгам да по этнографическим справочникам. Нужно было самому родиться крестьянином, самому хлебнуть горестей тяжелой крестьянской жизни, чтобы так поэтично воспеть и природу Руси, и душу ее народа.

Наш народ не случайно, как величайшие национальные реликвии, хранит память о выдающихся поэтах, писателях и художниках. Михайловское, Ясная Поляна, Спасское-Лутовиново, Константинове — они ценны для советского человека не только как памятники прошлого, но и как те святые и близкие для каждого из нас места, где мужали и набирались сил могучие таланты, впитывая в себя с молоком матери и любовь к народу, и к этим русским березкам и косогорам, без которых трудно представить себе родину. В жизни и творчестве Архипова его родная деревня Егорове сыграла такую же роль, как для Есенина — Константинове.

От Клепиков до Егорова—пять километров. Самый короткий путь — через старинное мещерское село Екшур, известное своей ватной фабрикой. Построена она была в конце прошлого столетия разбогатевшим мужиком Иваном Дроздовым. Его брат Алексей владел ватной фабрикой в Задне-Пилеве, а на родине Архипова—в Егорове такую же фабрику построил местный предприимчивый

крестьянин Дворецкий. Работали они на привозном сырье да на дешевой рабочей силе. До сих пор на Пре возле Екшура виднеются остатки полукустарных отбельных сооружений.

Екшур и до революции был большим торговым селом, куда по праздникам собирались крестьяне со всех окрестных деревень. Здесь была каменная церковь, устраивались ярмарки, в семидесятых годах прошлого века открылась земская школа. Вот в эту школу и бегал из соседней деревни вместе со своими сверстниками мальчик Архипов. Ему повезло. Люди, которые окружали его, старались всячески поддерживать рано открывшиеся в нем способности к рисованию. А рисовал он везде, где только мог, — мелом и углем на воротах хлева, на стенах домов, на дверях. Одним из первых рисунков был намазанный глиной на двери сарая с жерновами огромный профиль, почему-то названный Ермилом Кузмичом. Однажды в школе на уроке нарисовал черта. Не успел закончить, как к нему подошел учитель. Взял листок, повертел в руке. Видно, рисунок понравился. "Молодец,—похвалил он мальчика.—Рисуй еще". И усадил его за свой стол. С этого дня учитель начал давать Архипову карандаши и бумагу, стал первым ценителем его таланта.

Екшур связан еще с одним знаменательным событием в жизни Архипова, в дальнейшем определившим всю его судьбу. Приехала как-то в село артель богомазов расписывать своды местной церкви, а вместе с ними студент Московского училища живописи, ваяния и зодчества Зайков. Отец Архипова познакомился с ним где-то на ярмарке и показал ему рисунки сына. Зайков долго молча рассматривал их, а потом воскликнул: "Да это же настоящий талант! Учиться ему надо!" Через несколько лет тот же Зайков подготовит Архипова к экзаменам и поможет ему, простому крестьянскому парню из глухого мещерского села, сделать первый шаг на пути овладения высотами художественного мастерства — поступить в Московское училище живописи, ваяния и зодчества.

На родину Архипова еще не проложено торных путей и дорог. Приходится идти на ощупь, отыскивать старожилов, уточнять детали. Еще в Клепиках знакомые краеведы скептически покачивали головами: "Да ничего вы там не узнаете, только зря проходите". И вдруг—первая удача. Оказывается, в самом Екшуре живет не кто иной, как племянница Абрама Ефимовича — Екатерина Васильевна Брякова. Правда, она не просто племянница, а внучатая племянница, и мы долго разбираемся в сложной генеалогии рода Архиповых, но тем не менее Екатерина Васильевна лично знала Абрама Ефимовича, жила в Москве у него на квартире, бывала в доме Архиповых в Егорове...

Екатерина Васильевна достает из комода семейные реликвии—две фотографии Архипова. На одной из них он изображен в своей московской мастерской, на другой — за самоваром вместе со своим учеником художником Григорьевым.

Мы долго рассматриваем репродукции.

— А знаете, ведь для "Обратного" Абраму Ефимовичу позировал мой отец, — говорит Екатерина Васильевна.

"Обратный"... Мы помним эту картину; вечер спустился на поле, куда-то вдаль убегает проселочная дорога, а на переднем плане задумчивая фигура молодого ямщика. Только что он отвез на пролетке кого-то в город и теперь порожняком возвращается обратно. Знакомые мещерские просторы, заливные луга, душистые цветы на полянах и вечерние сумерки над темнеющей вдали полоской леса.

Вместе с Екатериной Васильевной лесной дорогой мы идем в Егорове. Сосны да ели сопровождают нас до околицы. По этой дороге Архипов бегал в школу вместе со своими товарищами, по ней он возвращался обратно в деревню. Лес, темный и угрюмый, подступал к деревне со всех сторон. Зимой за околицей выли волки. Метель свистела в печной трубе. Весна была праздником. Ночное, запах скошенного сена, рыбалка на быстрой Пре, походы за ягодами. Ягод так много, что полянки красным сукном кажутся.

Вот здесь, в этих местах, и родился Абрам Ефимович Архипов. В свидетельстве, выданном Рязанской духовной консисторией, говорится: "...по метрикам Рязанского уезда села Екшур за 1862 год под № 81 значится: деревни Савинской (так раньше называлось Егорово.—А. П.) мещанин Ефим Никитин Архипов, жена его Ирина Федоровна, оба православные. У них сын Абрам, рожден 15, крещен 19 августа".

Детство Абрама Ефимовича было тяжелым и безрадостным. Его отец был крепостным местного помещика Чуфаровского. Мужик хозяйственный и толковый, он не любил гнуть спину на хозяина. И за это тот возненавидел его лютой ненавистью. Семейное предание рассказывает, как накануне отмены крепостного права Чуфаровский потребовал от отца Архипова большой выкуп за освобождение. Но тот отказался. Тогда помещик решил отдать его в солдаты. С грехом пополам семья собрала необходимые деньги, распродала веса имущество, но разорилась окончательно.

Сам Архипов так вспоминает о своем детстве: "Зимние вечера в тесной избе с лучинами. Мать пряла, приходили соседки. Лучины дымили... Я спать не мог и все ревел, мать ложилась вместе со мной у выходной двери, голову мою в дверь держала... Жили грязно и бедно, ели бедно".

Новую избу смогли построить лишь много лет спустя после отмены крепостного права. Ее берегли, и первое время в ней не жили, а только "ходили в праздники".

Так вот откуда у Архипова это острое внимание к деревенским сюжетам, к деревенской жизни, к сельскому труду, эта любовь к русской деревне. Позднее художник скажет о себе: "...писал только то, что видел и чувствовал. Я только тогда искренен и уверен в том" что делаю, когда делаю с натуры".

С натуры Абрам Ефимович писал охотно и много, во время учебы в училище живописи, ваяния и зодчества он каждое лето приезжает в Егорове, бродит с этюдником по окрестностям, пишет портреты односельчан. Он совершает по Мещере длительные путешествия, странствует с чемоданчиком и шкатулкой, делает зарисовки. Наверное, поэтому его творчество так тесно связано с Егоровом, с его родными местами, с любимым Мещерским краем.

"Нужно писать там, где живешь",—любил повторять Абрам Ефимович. И он писал там, где жил, и жил там, где писал.

Дом в деревне Егорово, в котором жил и работал народный художник республики А. Е. Архипов

В 1880 году Архипов заканчивает портрет отца. Отец ему позирует и в другой, на этот раз жанровой картине—"У шинкарки". Летом 1885 года в Егорове он пишет "Подруг", в которой изображает свою мать и приехавшую навестить ее сестру. Эта картина была приобретена у художника знаменитым Третьяковым. В 1889 году, совершая путешествие по Мещерскому краю, Архипов попадает в Куршу, где пишет картину "Деревенский иконописец".

"Поденщицы" — это списанный с натуры кусок жизни работниц небольшого чугунолитейного завода "на Гусю". А в картине "На Оке" запечатлена переправа через Оку, которую художнику приходилось переезжать на лодках, когда он из Москвы возвращался в родную деревню. Из Егорова Архипов каждый раз

привозил с собой много пейзажей. Особенно он любил рисовать зеленые ели с обнаженными корнями на песчаных холмах.

Первыми же своими работами он заявляет о себе как талантливый и зрелый художник, удивляя своим мастерством и вкусом таких корифеев русской живописи, как Поленов, Серов, Коровин. Но стоит пройтись по Егорову, посмотреть на его добротные избы, искусно украшенные резными наличниками и затейливыми крылечками с деревянными кружевными орнаментами, и начинаешь понимать, что дело тут не в одной только природной даровитости художника, а что корни его яркого и жизнерадостного творчества глубоко уходят в народное искусство, в народные промыслы и народные художественные традиции.

В русском народе всегда жило постоянное стремление к красоте, к ярким и светлым краскам. На ярмарках в Екшуре народные умельцы бойко торговали затейливо разрисованными деревянными и глиняными игрушками, иконами, деревянными ложками, цветастыми ковриками и половиками, кружевами, плетеными корзинами. На всю страну славились своим искусством мещерские чудо-плотники и резчики по дереву. Уж если строили они дом, то обязательно с выдумкой, затейливым коньком на крыше или деревянными резными крылечками с цветными витражами. До сих пор во многих мещерских деревнях местные жители любовно украшают свои избы и деревянными скульптурами, и узорчатой вязью деревянных кружев. Не отсюда ли и у Архипова эта любовь к ярким цветам и ярким краскам, ярким сарафанам и пестрым паневам, которые так нравились мещерским молодницам?

Во многих мещерских деревнях издавна процветал иконописный промысел. Иконы писали целыми артелями и возили продавать в большие города. Часто такие артели приезжали и в Екшур. Спасы и иисусы, богородицы и миколы, целая вереница святых с детства окружали Архипова, смотрели на него с икон, со стен екшурской церкви. Целыми днями он пропадал у богомазов—своих первых учителей и наставников в живописи. А среди них были и талантливые мастера, великолепные умельцы, из-под кистей которых выходили богородицы и иисусы, слишком уж похожие на мещерских баб и мужиков. Вот у них и проходит первую школу живописи юный Архипов.

Более ста лет прошло со дня рождения художника, давно нет в живых его сверстников и товарищей по детским и юношеским годам. В избе знакомой Екатерины Васильевны, Анастасии Ивановны Пыриковой, собираются несколько местных старожилов, в основном женщины.

Помнят Абрама Ефимовича плохо ("гломя уже прошло", то есть много времени). Лучше помнят его двух братьев и даже отца, который всю жизнь прожил в Егорове. Больше с чужих слов вспоминают, как приезжал Абрам Ефимович в родное село, как ходил с этюдником по окрестностям и рисовал. Любил он рисовать и в большом яблоневом саду, сзади архиповского дома (теперь там находятся детские ясли). Дочь Архипа Яковлевича Пырикова, Нина, рассказывает, что Архипову часто позировал ее отец — тогда маленький мальчишка (их дома стояли рядом). Кто-то вспоминает со слов бабки Матрены, как "фотографировал" (то есть рисовал) ее Архипов прямо на току, когда она цепами молотила рожь.

— Веселая такая баба была, голосистая...

Мы перебираем в памяти архиповские картины. Чуть ли не каждая из них посвящена женщине: "Больная", "Поденщицы на литейном заводе", "Ледоход", "Сплетницы", "Радуница", "Жница", "Прачки" и целая вереница женских портретов из цикла "Рязанские девушки и молодичи".

Случайно ли это? Думается, нет. Так или иначе, но в творчестве Архипова отразилась та особая роль, которую играли женщины рязанской и в первую очередь мещерской деревни. Женщина в Мещере никогда была забитой и бесправной. В то время как мужики уходили из деревень в город на отхожие промыслы, женщины оставались полновластными хозяйками: они пахали, косили, метали стога и выполняли другую чисто мужскую работу. Старожилы рассказывают, что когда из города на побывку приезжали мужики, то они, отвыкшие от сельского труда, не всегда могли поймать на поле и запрячь диких мещерских лошадей. А бабы это делали ловко и быстро, с чисто мужской сноровкой. Вот почему рождение девочки не считалось в Мещере уж таким несчастьем, как в других районах Руси. Конечно, мужчина в семье кормилец, но "и девочка не щепочка, за окно не кинешь", — гласила старая пословица. Не случайно даже на сельские сходы бабы приходили как равные и решали различные хозяйственные вопросы наравне с мужчинами, часто поражая их своей мудростью и хозяйской сметкой.

Но была и еще одна причина, почему художник, начав с пейзажей и жанровых картин в духе передвижников, вдруг именно после революции обращается в своем творчестве к образу своей современницы, к портретам крестьянок.

Его лучшие работы последнего периода: "Девушка с кувшином", "Крестьянка в зеленом фартуке" и другие—это светлый гимн радости, бодрости, духовной физической красоте, это символ раскрепощенного революцией крестьянства, пробудившегося к новой, счастливой и радостной жизни.

Но поднимаясь до больших художественных обобщений, до символа, Архипов и здесь остается верен себе, своему творческому кредо—писать с натуры, писать только правду, черпать из самой жизни художественные образы.

Однажды — это было летом 1929 года в Солотче, куда часто приезжал работать художник, — он увидел из окна крепкую розовощекую крестьянку в цветастом платье с лукошком в руках. Она сразу же заинтересовала художника, и он окликнул ее.

— Откуда ты?

— Из Полкова.

— А как звать?

— Егорова, Прасковья Петровна.

С этого дня Прасковья Петровна каждое утро приходила из соседнего села Полкова в Солотчу и позировала художнику. Была она бабой веселой и смешливой. Пока Абрам Ефимович рисовал, рассказывала ему о своем нелегком житье-бытье, пела песни. Через пятнадцать дней портрет был готов.

Посмотрела на него Прасковья Петровна и удивилась:

— Неужели я такая красивая? Вот уж не думала. Здоровое, розовощекое лицо, сильные руки, сложенные на коленях, и широкая белозубая улыбка. Эта картина находится в Третьяковской галерее, и вот уже много лет на нас смотрит с холста, доставляя нам истинное наслаждение, "женщина в зеленом фартуке" — простая мещерская крестьянка Прасковья Петровна Егорова.

Нет, это не выдуманный художником образ. Как удалось установить рязанскому краеведу Д. А. Кононову, эта женщина здравствует и поныне, проживая настоящее время в Рязани. И хотя с тех пор прошло уже более трех десятилетий и время отложило на Прасковье Петровне свой отпечаток, но все так же весела и задорна ее улыбка и все так же молодо блещут ее глаза как у той "женщины в зеленом фартуке", которую запечатлел на своем холсте Абрам Ефимович Архипов.

И все-таки мы покидаем Егорове с некоторой грустью и неудовлетворенностью. Нет, не потому, что мы не узнали ничего нового или, не нашли архиповского этюда, о котором нам рассказывали старожилы. Все дело в другом — в недостаточном внимании к памяти крупнейшего художника, одного из основоположников советской живописи. Не следует упрекать в этом одних односельчан, наверное, это зависит не только от них. Но очень хотелось бы видеть мемориальную доску на доме, в котором Архипов жил и работал. И было бы очень хорошо, если бы егоровских ребятишек, переступающих порог своей школы, каждый раз встречала скромная надпись на фасаде: "Школа имени А. Е. Архипова".

Ведь речь идет о художнике, чьи произведения хранятся не только в картинных галереях нашей страны, но и в музеях других стран, продолжателе великих реалистических традиций передвижников. Речь идет о советском художнике, которому первому было присвоено звание народного художника республики, наконец, о патриоте своей родной русской земли.

Кордон Желтова

Мы уже привыкли к своей постоянной зеленой свите, бегущей за нами по обеим берегам Пры. Казалось, привыкла к этому и сама река: лес был ее верным спутником и соседом.

И вдруг он исчез. Пра стремительно пронеслась под быками Клепиковского моста и растерянно заметалась по огромному заливному лугу. Лес пропал. Только далеко на горизонте синела маленькая темная полоска. Словно поддразнивая встревоженную реку, она то приближалась к ней, то снова убегала куда-то вдаль.

А осиротевшая река все петляла и петляла по заливным лугам, не зная, куда ей деться от палящих лучах июльского солнца.

К вечеру, обессиленный погоней, лес, наконец, сдается. Он подождал, пока сердитая Пра достигнет его опушки, а потом виновато побежал рядом, чтобы не разлучаться с ней уже до самой Оки.

За деревней Взвоз начинаются леса. Исчезли поляны, луга и перелески. Леса, одни леса на десятки, может быть, и сотни километров вокруг. Об этих местах в книге Барановича сказано: "По выходе из озера Мартынова Пра течет 100 верст по низменным, покрытым болотами и лесами местам Рязанского и Спасского уездов. Вода в ней, так же как и в притоках ее Кади, Белой и Кокре, красноватого цвета от рудных свейв дна, а к берегам прилегают обширные болота. Заселение по р. Пре, в большей части ее течения, самое ничтожное, а левый берег почти необитаем. Близ с. Гришина при стально-инструментальном заводе находится на р. Пре мельница"...

Лешкины глаза снова загорелись фанатическим блеском: ну, разве можно проехать мимо, так ничего и не узнав об этом любопытном заводе, продукция которого в свое время пользовалась всемирной известностью? Но впереди нас ждало разочарование. Ни самого завода, ни даже места,

где располагались его деревянные корпуса, мы не нашли. Цепочка почерневших от времени свай возле моста через Пру да странное название деревушки, приютившейся на высоком песчаном косогоре, — вот все, что осталось от некогда знаменитого Гришинского завода.

Более ста лет назад на месте теперешней Рабочей слободы стояли деревянные бараки, в которых жило около шестисот оброчных крестьян, согнанных с окрестных сел для работы на фабрике помещицы Яковлевой. Труд крепостных был дешевый, энергия Пры, на которой работали кузница, точильни, токарные и полировочные станки, даровая, и фабрика процветала. Из привозного железа, свинца и других материалов мещерские умельцы искусно изготавливали довольно дефицитные для того времени вещи — ножи, ложки, бритвы, тончайшие хирургические инструменты и даже оружие. Превосходно отделанные, изящные и прочные, они пользовались большой популярностью не только в России, но и за границей.

Гришинская стально-инструментальная фабрика в 1843 году получила золотую медаль на выставке в Москве, в 1849 году сохранила право чеканить на своих изделиях государственный герб, что считалось большим почетом. Ее продукция неоднократно отмечалась на выставках в Петербурге, Лондоне и других городах. Впоследствии фабрика захирела и пришла в упадок. Но и до сих пор местные ребята, купаясь в Пре, нет-нет да и находят в песке старинные сабли и трехгранные штыки от винтовок. Лешка с Сергеем тоже решили попытать счастья. Они разделись и начали нырять на дно в надежде обнаружить хоть какой-нибудь старинный сувенир. Лешке почему-то очень хотелось стать обладателем вилки с государственным гербом Российской империи. Но после того как стремительная Пра едва не сдернула с его носа очки, бесплодные эксперименты пришлось прекратить. Дюжины ложек и вилок с государственными гербами остались лежать нетронутыми на песчаном речном дне.

В этот день мы разбили свой лагерь километрах в пяти от Рабочей слободы, на небольшой лесной поляне, круто обрывавшейся к реке. Разбили по всем правилам и даже с некоторыми излишествами.

Какое это все-таки приятное и чудесное слово "дневка"! Где-то, снаружи гремят мисками дежурные, чертыхаясь, копаются у строптивного костра боцман, а ты лежишь, блаженно потягиваясь, в палатке, и не нужно тебе, словно ошалелому, вскакивать на пронзительный крик адмирала- "Подъем", молниеносно укладывать рюкзаки, нагружать лодку, а потом до боли в плечах грести, грести, грести...

На дневках все делают не спеша и обстоятельно. Не спеша лечат царапины и раны, не спеша чинят рубахи и штаны, не выдержавшие борьбы с мещерской природой, стирают белье, варят обед, едят и даже передвигаются как-то лениво и не спеша.

Наши палатки стоят на самом берегу реки, в том месте, где от нее в сторону леса уходит заросшая осокой и кувшинками протока—старое русло Пры. Даже в ветреную погоду здесь тихо и спокойно. В протоке водятся язи и полосатые окуни, по окраске напоминающие адмиральский матрац. Они жадно хватают насадку и дерзко топят поплавков на дно, чем приводят в неистовый восторг наших доморощенных рыбаков. От реки протоку отделяет длинная песчаная коса—наш пляж. В прошлом году ее не было, а сейчас она протянулась вдоль реки узеньким саблевидным островком, перегородив путь в протоку. Оттуда целый день раздаются крики и визги — это адмирал "приучает" к воде не умеющих плавать членов флотилии. В таких случаях Лешка с Владиком сматывают удочки и, чертыхаясь, идут искать более тихие места для рыбной ловли.

От нашего лагеря вдоль протоки бежит, извиваясь, лесная стежка, усыпанная сосновыми шишками и пахучими иголками. Во многих местах прямо на ней попадаются норы, вырытые бобрами. Эта маленькая стежка с утра будоражит наше воображение. Нам почему-то кажется, что если пойти по ней, то она обязательно приведет к какому-то очень интересному и любопытному месту: может быть, к шалашу смолокуров, почему-то представляющемуся нам в виде старинного индейского вигвама из романов Фенимора Купера, или к домику рыбака, а может быть, и к отдаленному табору колхозных косарей, затерявшемуся среди необъятных мещерских мшар.

Каждый раз, когда река Пра описывает очередную петлю, мы гадаем: а что нас ожидает впереди? И каждый раз ошибаемся: настолько разнообразны и изменчивы меццерские пейзажи

Только лишенный воображения адмирал скептически цедит сквозь зубы:

— Куда-нибудь на скотный двор приведет — не иначе. Вот увидите.

Но таинственная тропинка оказалась хитрее всех нас. Пробежав несколько сот метров вдоль протоки, она юркнула в небольшую ложбинку, перемахнула через маленький дощатый мостик и, вспорхнув на косогор, остановилась на большой лесной полянке. Прямо перед нами стоял добротный пятистенный дом, на крыше которого по белому фону были четко выведены Цифры — 57.

— Что это?—растерянно проговорил адмирал.

— Кордон, наверное, — ответил Лешка, махнув рукой на номерной знак: такие знаки выведены на домах веников, чтобы

по ним легче было ориентироваться с самолета.

Слушайте, а может, это и есть тот самый кордон 273, в котором бывал Паустовский?—осенило вдруг Сережку. — Ведь он где-то в этих местах находится.

— А номер?—засомневался адмирал.

— В сенях раздалось чье-то осторожное покашливание, заскрипели половицы, и на пороге с косой в руках появился невысокий бородатый старик.

Это было так неожиданно, что нам показалось, будто он шагнул к нам прямо из той старинной притчи о волшебном стеклышке, о которой рассказывалось в начале книги. Только на голове старика была надета вполне "земная" фуражка с двумя медными дубовыми листочками, свидетельствующая о его принадлежности к многочисленному отряду меццерских лесников.

— Желтов,—поздоровался он.

Представьте себе, что где-нибудь на Невском вы случайно повстречались с элегантно одетым молодым человеком в цилиндре и с тростью. Он взглянул бы на вас и сухо отрекомендовался: "Евгений Онегин". Или на каком-нибудь молодежном балу вы увидели бы не знакомую молодую девушку, танцующую мазурку с гусарским офицером. "Как? Неужели вы не узнаете?"—ответили бы вам. — Да ведь это же Наташа Ростова из "Войны и мира".

Примерно такое же впечатление произвела на нас и эта встреча на лесном кордоне. Нам всегда очень нравился чудесный рассказ Паустовского "Кордон 273". Но, честно говоря, мы относились к нему как обычному художественному произведению, созданному фантазией автора, а к его герою—"обветренному старику в выгоревшей зеленой фуражке со значком объездчика на околыше" — как к самому настоящему литературному образу. И вот этот "образ" стоял перед нами на пороге избы в белой майке и сдвинутой набекрень фуражке и хитро улыбался из-под своих мохнатых, выцветших на солнце усов.

Благодаря Паустовскому желтовский кордон уже давно превратился в место паломничества туристов, а сам Алексей Дмитриевич стал чуть ли не штатным экскурсоводом: ничего не поделаешь, приходится расплачиваться за широкую литературную известность. Летом проплывающие по Пре туристы атакуют его вопросами: когда здесь бывал Паустовский, где жил да как написал рассказ.

Но Желтов только руками разводит: жил на сеновале, охотился, ловил рыбу — "стоящий мужик". А как писал? Кто ж его знает, это уж у него самого спросите.

Рассказ Паустовского он, конечно, читал, и читал не раз, — не каждому ведь выпадает счастье еще при жизни стать литературным героем. Первый раз прочитал и не поверил. Неужели это о здешних местах написано, неужели правда, что нет их красивее на всем свете? А потом прочитал второй, третий раз—верно все написано, правильно. И места здешние, знакомые. Только смотреть на них надо по-особенному, не каждому они свою красоту открывают...

Наверное, в этом-то все и дело. Сотни туристов проезжали мимо этих мест, проходили десятки охотников, и, наверное, им тоже нравились эти сосновые боры и лесной кордон на пригорке. Но только Паустовский открыл для всех нас эту красоту, потому что взглянул на нее по-своему, через стеклышко своего восприятия, и все вдруг удивленно заметили: "А ведь действительно как красивы и прекрасны эти места".

В рассказе "Кордон 273" есть знаменательные слова: "Мы привыкли говорить "левитановские места" и "нестеровская Россия". Эти художники помогли нам увидеть свою страну с необыкновенно лирической силой". Так и Паустовский тоже помогает нам видеть красоту этих заколдованных мест, передает очарование этих боров, трав и великой тишины, которое охватывает вас в мещерских лесах.

Как Левитан и Нестеров, Паустовский тоже создал свою удивительную сказочную страну, в которой он сам является "проводником по прекрасному". И вот сейчас мы и находились на этой "паустовской земле", где глухие затоны таинственной Пры терялись в сумраке прогретых лесов, лежали под деревьями слои сухих шишек, в которых нога тонула по косточку, звенел воздух от взмахов птичьих крыльев и где волнами набегали на вас лесные запахи: дыхание можжевельника, вереска, воды, брусники, гнилых пней, грибов, кувшинок, а может быть, и самого неба... И желтовский кордон был частью этой огромной и прекрасной земли.

Разговаривать с Алексеем Дмитриевичем одно удовольствие. Мы сидим на крылечке и слушаем его рассказы о здешних новостях: и о том, что лето нынче сухое, знойное, того и гляди жди пожара ("смотрите, костры как следует заливайте"), и о том, что Пра мелеет из года в год и, если так дело пойдет дальше, пропадет река, и о бобрах, которые водятся в протоке ("мельче стало, вот и уходят бобры"), и о малине, которая растет на болотистых берегах озера Орсо, и о том, что лесникам повысили зарплату и жить стало совсем хорошо.

Хоть Алексею Дмитриевичу и за семьдесят, а выглядит он довольно молодо: густая с проседью "толстовская" борода, живой острый взгляд, крепкая загорелая шея, мозолистые руки, привыкшие к любой работе.

— А с чего мне болеть-то, — весело улыбается он, — работа у меня здоровая, воздушная.

Когда мы, напившись чудесной студеной воды из колодца под косогором, покидали кордон, лесник крикнул нам вдогонку:

— Вы на Орсо путь держите? Гляньте там с наблюдательной вышки — неровен час где-нибудь дымок появится. Одна искра, и пойдет полыхать...

Пожары и сейчас представляют большую опасность для мещерских лесов, а в старину они были настоящим бичом. Огонь безжалостно уничтожал народное достояние, на больших площадях дотла выгорали знаменитые сосновые боры. Да и мещерские деревни тоже были подвержены страшным пожарам, особенно в ветреную и сухую погоду. До революции по количеству пожаров Рязанская губерния занимала одно из первых мест в России: сорок пожаров в год на сто населенных пунктов. Ежегодно горел чуть ли не каждый второй дом. И тянулись по российским дорогам в города вереницы погорельцев, чтобы хоть как-нибудь прокормить милостыней себя и своих детей.

...Тропинка выводит нас на проселочную дорогу. Добежав до лесного озера Шуи, дорога резко сворачивает влево и незаметно начинает взбираться вверх. Здесь, на небольшом песчаном холме, заросшем соснами и ельником, и находится желтовская наблюдательная вышка. Как и все подобные вышки, она сделана из сосновых бревен, скрепленных железными скобами. Наверху — площадка для наблюдения.

Отсюда лес просматривается на много километров. Стоит леснику заметить дымок, как он тут же сообщает об этом в лесничество или в ближайшую деревню (многие вышки телефонизированы). В каждом лесничестве висит на стене карта лесных угодий, разрисованная какими-то на первый взгляд странными и непонятными кругами с делениями. Непосвященному в таинства лесного дела эти круги и квадраты кажутся бессмысленным нагромождением линий. А на самом деле в них скрыт большой и глубокий смысл. К центру каждого круга, обозначающего место, где стоит наблюдательная вышка, прикреплена нитка с иголкой, а сам круг, как компас, разбит на 360 градусов. Одному леснику с вышки видно только одно направление, где возник пожар, другому — другое. По их сигналам и переставляются нитки на карте. По точке их пересечения и определяется

место возникновения пожара. Очаги пожара, как правило, обнаруживаются очень быстро и уничтожаются в самом зародыше.

Мы гуськом поднимаемся вверх по шатким скрипучим лесенкам-жердочкам. В ушах свистит ветер, слегка кружится голова от непривычной высоты.

С верхней площадки вышки вся местность видна как на ладони. Где-то на горизонте дымчат ватные фабрики Клепиков, извивается Пра, скрытая в лесных зарослях, а вокруг тянутся бесконечные мещерские леса.

Прямо под нами среди огромного лесного океана раскинулось удивительно нежное по своей светло-зеленой окраске болото с крохотным окошечком воды посередине. Это озеро Орсо. Дальше и немного правее от него небольшим пятнышком синееет Линевое озеро. Оно тоже сильно заболочено, а его низкие берега заросли осокой и кустарником. С восточной стороны озера в глубь леса тянется полузаросший канал, который, по словам Алексея Дмитриевича, соединял озеро Линевое с Прой. В старину здесь действовала целая система каналов, прорытых мелиоративной экспедицией генерала Жилинского.

Обратно мы возвращаемся в сумерках. Сосновый бор уже не кажется таким приветливым и спокойным, как днем. Он обступает нас со всех сторон, мрачный и настороженный, а темные сосны стоят, скрестив, как руки, свои ветви, и исподлобья смотрят нам вслед.

Где-то вдаль, на Жуковских выселках, одиноко залаяла собака и смолкла. И снова все погрузилось в тревожную тишину, неслышно крадущуюся по пятам. Густая темнота скрыла и дорогу, и лес, и озеро Шую, мимо которого мы только что прошли.

Лес оцепенело стоит темной стеной, погрузившись в ночную дремоту. И вдруг впереди сверкнул огонек. Сосны расступились, и перед нами замаячил темный силуэт желтовского кордона. Мы шли уже берегом старицы Пры. Было слышно, как в воде возились щуки, разбивая хвостами лунную дорожку, стремительно проносились над лесом летучие мыши, а вслед нам приветливо светил из-за сосен маленький желтый огонек. Вот уже много лет подряд и летом, и зимой, и в дождливый осенний вечер освещает он путь тем немногим путникам, что забредают в здешние заповедные места. И каждый находит приют в гостеприимном лесном кордоне, как много лет назад впервые нашел здесь приют Константин Паустовский, чтобы поведать миру об этом уголке Рязанской Мещеры.

О Бreme, ядовитых змеях и безобидных ужах

Удивительная эта река — Пра. Ее красота не бросается в глаза с первого взгляда, не бьет на внешний эффект, а как-то медленно и незаметно овладевает всем твоим существом, и ты не в силах противиться очарованию этих поросших соснами и дубняком берегов, золотистых песчаных отмелей, таинственных заводей, упрятанных от посторонних взоров прибрежными зарослями ивняка, от залитых ярким солнцем лесных полей, над которыми стоит густой, словно настоенный на полевых цветах, терпкий медвяный аромат.

От кордона Желтова до Деулина Пра течет среди густого, большей частью хвойного леса. Река стремительно несется вниз, подмывая песчаные берега и корни огромных корабельных сосен. Многие из них не выдерживают единоборства с рекой и с вывороченными корнями падают в воду, словно стараясь своими телами остановить стремительный бег реки. А она хлещет через сучья и стволы и снова несется дальше, намечая очередную жертву.

Многие деревья покоятся на дне реки, и только еле заметные бурунчики на поверхности воды говорят о подстерегающей туристов опасности. С виду они довольно безобидные, но мы уже по опыту знаем, что если не хочешь пробить дно лодки, лучше объехать их стороной. Едва раздастся грозный крик нашего впередсмотрящего: "Слева по борту бурун!", как рулевой начинает отчаянно табанить кормовым веслом, и наши лодки боком проносятся мимо опасного места, царапая Дном по лежащему под водой бревну.

Кормовое весло доверяется на плоскодонке только Владу и Лешке. Пытались было обучить этой премудрости и Сергея, но после того как наша плоскодонка прочно села на кол, торчащий из воды (Сергей с испуга перепутал, где право, где лево), от этого пришлось отказаться.

Каждый раз, когда строптивая Пра описывает очередную петлю, мы гадаем: а что нас ожидает за этим поворотом — и всегда ошибаемся, настолько разнообразны и изменчивы мещерские пейзажи.

После Деулина, большого села на высоком правом берегу реки, Пра резко меняется. Все ниже становятся ее берега, все реже встречаются сосновые рощи, уступая свое место пышным зеленым дубравам и кудрявым зарослям ольхи и орешника. Иногда кроны деревьев почти сплетаются где-то в вышине, и река течет по живописному зеленому туннелю. Даже в самую ясную погоду здесь темно и прохладно, пахнет болотной сыростью и прелыми прошлогодними листьями. В одном из таких мест и произошло наше не совсем приятно столкновение с одним из представителей мещерской фауны.

Наш переполненный "Забухающий" торжественно, словно Ноев ковчег, двигался вперед, царапая по дну своим зашпаклеванным днищем, как вдруг сидящий впереди Сережка крикнул:

— Смотрите!

Впереди, прямо по курсу нашей лодки, из воды выскочило какое-то странное существо. По своему внешнему виду оно удивительно походило на торчащий из воды небольшой черный сучок от поваленного в воду дерева. Но "сучок" стремительно несся наперерез лодке, грозно поблескивая на солнце черными чешуйками. Змея!..

О том, что в Мещере много змей, в том числе и ядовитых, мы слышали и раньше. Еще на кордоне старик Желтов, бросив подозрительный взгляд на наши босые ноги, предостерег:

— А змей не боитесь? Много их тут у нас в мшарах водится. Без сапог по болотам лучше не ходите — как бы беды не случилось.

После этого мы несколько дней не снимали кедров и ходили, с опаской посматривая под ноги. Вечером у костра Нина, наш походный эскулап, извлекла из своего рюкзака какие-то книжки и начала знакомить Наг с литературой о змеиных укусах, которую мы предусмотрительно захватили с собой из Москвы. Из всех способов борьбы со змеиными укусами нашим мужчинам больше всего понравился так называемый "народный". По этому способу укушенному дают выпить определенную дозу спирта, который, вступив в какую-то таинственную реакцию со змеиным ядом, якобы сразу делает его безвредным.

Река Пра в районе кордона Глумского

Боцман тут же объявил, что предоставляет себя в распоряжение науки, и потребовал в качестве профилактики именно с него начать испытание этого чудесного "народного" способа. И у боцмана оказалось настолько много пылких сторонников, что наш медик во избежание опустошения походной аптечки сочла за лучшее перевести разговор на другую тему.

Через несколько дней мы уже забыли о "змеиных" разговорах и тут—на тебе!—эта неожиданная встреча на реке.

Легко рассекая воду и гипнотизируя нас своими маленькими злыми глазками, змея неслась прямо на лодку.

— Гадюка, — растерянно прошептал Сережка.

— А может, все-таки уж?—Владик с надеждой посмотрел на Нину.

Нина слыла у нас авторитетом по части местной флоры и фауны. Как уверяли некоторые, перед походом она проштудировала все три тома Брема и теперь поражала всех своими зоологическими познаниями. Она могла часами рассказывать о каких-то крылатых муравьях, которые, как птицы, летают по воздуху, с ученым видом цитировать изречения ученых и даже различать птиц по голосам. Поэтому авторитет ее был непререкаем.

Нина с опаской посмотрела на плывущую змею, потом на экипаж "Забухающего" и безапелляционно объявила:

— Гадюка.

В "ноевом ковчеге" началась легкая паника. Экипаж вскочил со своих мест и бросился к противоположному борту лодки. Она угрожающе накренилась. Чем бы все это кончилось, неизвестно, но змея, вдруг потеряв к нам всякий интерес, вильнула хвостом и благообразно повернула к берегу. Перепуганный "ковчег" облегченно вздохнул.

— Ага, испугалась! — радостно крикнул Сережка, снова хватаясь за весла.

В наших мужчинах, оправившихся от первого потрясения, вдруг проснулся воинственный дух, и воздух огласился их мужественными криками. Ощетинившись палками, удочками, веслами и другими орудиями, "Забухающий" ринулся в атаку.

Первым на берег спрыгнул Владик, за ним Лешка и Сергей. Они окружили змею на песчаном пригорке и придавили веслами к земле. Но она и не думала сдаваться: вырвавшись из-под весла, змея свернулась, как пружина, и, грозно высунув свой раздвоенный язык, стремительно метнулась вниз, где стояла Нина. Раздался крик, и длинная черная лента обвилась вокруг ее ног. Все оцепенели.

Дальше все произошло мгновенно. Мы долго молотили змею веслами и палками, пока она не перестала раскрывать свой хищный рот с раздвоенным жалом. Бледная Нина стояла рядом и смотрела, как совершается возмездие.

Когда все было кончено, мы осторожно перевернули змею палкой. Каково же было наше удивление, когда по желтым пятнам на голове мы узнали, что это был уж. Да, да, самый обыкновенный безобидный уж.

— М-да, — Протянул Лешка, Многозначительно посмотрев на присмирившую Нину, — вот тебе и три тома Брема.

Все рассмеялись: все-таки очень хорошо, что все обошлось благополучно.

Но это были, так сказать, цветочки, а ягодки ожидали нас впереди. Ночью наш походный лагерь, разбитый в небольшой дубовой рощице, подвергся, как казалось нашему болезненному воображению, настоящему змеиному нашествию. Словно издеваясь над нами, они шмыгали в темноте вокруг палатки, шуршали в прелых листьях и даже как будто гремели оставленной у костра посудой. Мы лежали в застегнутых наглухо палатках и вздрагивали от каждого шороха: кто его знает, может быть, на этот раз змеи действительно были ядовитыми?

Осада продолжалась всю ночь, а когда наутро Сережка осторожно разбаррикадировал выход и выглянул наружу, он испуганно отшатнулся: у входа мирно дремала на солнце свернувшаяся в клубок змея. Вела она себя на редкость спокойно и флегматично, не обращая никакого внимания на встревоженный шум, доносившийся из палатки.

Такого обилия ужей мы никогда не видели. Ими буквально кишело все вокруг. Они спокойно ползали возле наших палаток, лежали на пнях и пригорках и даже ухитрялись залезать в наши рюкзаки. Особенную активность проявляли маленькие ужата — змейки длиной в несколько сантиметров, от которых вообще некуда было деваться. Как это ни странно, но постепенно мы к ним настолько привыкли, что брали в руки, кормили мухами и даже вместе грелись на солнце.

По наблюдениям сотрудников Окского заповедника в районе реки Пры водятся только два вида змей: уж и гадюка. Уж обитает в сухих местах и дубравах по берегам реки, а гадюка — в низинах и болотах. Она бывает черной, коричневой, рыжей и серой. Многие туристы очень часто принимают за гадюку или медянку безногую ящерицу — веретеницу. На первый взгляд они действительно как будто похожи. Но распознать, их не так уж трудно. В отличие от гадюки у веретеницы почти полностью отсутствует шея. И бояться ее не следует, она совершенно безвредна.

Вообще надо сказать, до сих пор о змеях ходит немало всевозможных самых невероятных легенд и рассказов. Говорят, что они сами нападают на человека, подстерегают его где-нибудь на тропе и, улучив момент, жалят в незащищенное место. Есть даже такое выражение "хитрый, как змея". Некоторые утверждают, что змеи могут атаковать лодки и даже гоняться за людьми, свернувшись в колесо. Но все эти легенды никакого отношения к действительному положению вещей не имеют, потому что все змеи, включая и ядовитых, очень пугливы и осторожны и при встрече с человеком стараются побыстрее скрыться в свои норы. Если ядовитые змеи и пускают в ход свое оружие, то

только в порядке самообороны, когда на них невзначай наступают ногой или отрезают им путь к норам.

Тем не менее туристам надо быть осторожными, особенно во мшарах и прибрежных болотах, где встречается немало ядовитых гадюк. И уж во всяком случае не ходить по лесу босиком. Алексей Дмитриевич Желтов прав: лучше всего предохраняют от укуса змей резиновые сапоги. Но если все-таки произошло несчастье и от змеиного укуса пострадал кто-нибудь из туристов, необходимо немедленно наложить жгут выше укушенного места, промыть рану крепким раствором марганцовки или спиртом и как можно быстрее доставить пострадавшего в ближайшую больницу. Не следует высасывать яд из ранки, прижигать ее или принимать спиртные напитки. Это может только ухудшить состояние здоровья пострадавшего.

Что же касается гадюк, то в этих "ужиных" местах мы их почему-то не видели. В чем тут дело, не знаем. Одно можно утверждать определенно: там, где живут ужи, ядовитых змей не встречается. Откуда мы это узнали? Не из Брема, конечно, и не из Нининых зоологических познаний. Так сказали нам местные косари, которых мы повстречали на берегу Пры, там, где слева впадает в нее маленькая лесная речка Кадь.

Лесная песня

Откуда начинаются реки? Из маленького родника, который притаился между корней старых сосен, или из крохотного лесного озера, окруженного вереницей задумчивых берез, а может, как Волга, из обыкновенного неказистого болотца, заросшего осокой и кувшинками. Каждая река имеет свое начало. Но поди найди его в лесной чащобе и топких сырых болотах. Белой змейкой бежит по лесу маленький ручеек из неведомого нам глухого и таинственного царства. Где его начало? Поди отыщи!

Один лесник сказал нам как-то: "Реки начинаются в глуши. Они не любят посторонних взглядов". Наверное, прав был этот старик, всю жизнь проживший в лесной глухомани. Рождение реки — это всегда загадка. Идешь вдоль берега, и, кажется, не будет этой речке ни конца ни края. А она все манит и манит тебя в лесную таинственную глушь. И жуть берет от этой гулкой и тревожной тишины, и все хочется идти вперед, чтобы найти, наконец, то таинственное место, откуда начинаются реки. Доберешься до маленького родничка, припадешь губами к холодной как лед воде и с удивлением подумаешь: "Неужели в этом вот крохотном ручейке с взбаламученными песчинками на дне и рождается настоящая река?"

Каждая река откуда-нибудь начинается. Кадь начинается в болотах — мшарах, со всех сторон обступивших Голованову дачу. По такому болоту ступаешь, словно по мягкой зеленой подушке, а она колыхнется и прогибается под тобой, как молоденький ледок на только что скованном морозом озере.

Как и все лесные реки. Кадь начинается с небольшого, беззащитного ручейка. Укутанный в траву и кустарник, заваленный прошлогодними пожелтевшими листьями, он тихо журчит по ложине, притаившись в тени осин и берез. Такой ручеек и на речку-то не похож. Перешагнешь его с пренебрежением и пойдешь, дальше. А он, глядь, уже и разлился, набрал силы раздвинул тесные берега. И перейти-то его теперь так просто. Приходится порядком поколесить, прежде чем отыщешь кладку на другой берег.

Возле деревни Оборона Кадь—уже довольно широкая речка. У деревянного моста местные ребята удят рыбу. По залитому солнцем лугу важно расхаживаются гуси. Где-то вдали запоздало поют деревенские петухи. Это последняя деревня на берегу Кади. Река описывает возле нее петлю и исчезает в темных лесных зарослях. На много километров вокруг нет больше жилья, кроме разве одного-двух кордонов лесников да шалашей колхозных косарей.

Эта маленькая сказочная речка совсем не похожа на Пру — та широкая, с длинными песчаными плесами, залитыми солнцем, быстрыми круговоротами и спокойными заводьями. А по Кади в среднем ее течении даже на байдарке и то не проберешься. Сосны и березы замерли на ее берегах, сплетаясь вверху своими ветвями. Посмотришь вверх—и не увидишь неба. Только через просветы в листьях тянутся сверху, словно паутина, тоненькие солнечные нити и исчезают в черной как деготь воде реки. Вода темная не только от вечно царящего здесь сумрака, но и от торфяных болот, в которых рождается Кадь и ее притоки.

Мы идем вниз по Кади с Головановой дачи. Сначала лесной дорогой, размытой недавно прошедшим дождем, а потом еле приметной извилистой стежкой. Идти вдоль реки довольно трудно: то старица перегоридит дорогу, то вдруг повстречается такой завал, что его приходится обходить стороной. Подмытые водой деревья с вывороченными корнями падают поперек русла, образуя живописные висящие мосты. Многие из них сползают в воду и запруживают речку. В таких местах вода течет медленно и степенно. По вечерам здесь ходят возле коряг стаи окуней и с шумом выскакивают из воды плотва, спасаясь от щук.

Я сижу с удочкой на поваленной сосне и ловлю окуней. Сверху с легким треском отрывается пожелтевший ольховый лист и, медленно кружась, падает в воду. Потом он плывет рядом с поплавком, но у старой, почерневшей от воды коряги поплавок вдруг стремительно ныряет, и лист продолжает свой путь один. А у моих ног судорожно пляшет на траве здоровенный окунь.

Укутанная в траву и кустарник, тихо журчит по ложине сказочная речка Кадь, притаившись в тени осин и берез

Когда солнце скрывается за верхушками сосен, Кадь погружается в сумерки. Это очень здорово—сидеть на берегу и слушать, как медленно замирает лесная жизнь. Смолкли кузнечики на соседней поляне, попрятались в густые заросли травы легкие стрекозы, одна за другой устало замолкают птицы. Только дрозд никак не может успокоиться — видно, не успел умяться за долгий летний день. Тихо и спокойно кругом. И тебе почему-то тоже удивительно спокойно. И не хочется никуда идти и ни о чем думать, а просто вот так бы сидеть на бревне и ощущать всеми клеточками своего тела охватившее тебя блаженство — и эту тихую вечернюю прохладу, и монотонный плеск воды, и погружившуюся в сумрак Кадь, в заводях которой водятся трудолюбивые бобры. И грустно становится при мысли, что не родился ты в этой вот сказочной глуши и что не суждено тебе вечно испытывать это непередаваемое блаженство, которое, увы, слишком мимолетно для нас, горожан, чтобы познать его в полную меру. И тоска охватывает тебя, как будто ты только что встретился с хорошим и надежным другом и тотчас же должен с ним расстаться.

По обоим берегам Кади тянутся леса: то сухие сосновые на песчаных пригорках, то ольховые и березовые по низинам и ложинам, то дубовые с подлеском из орешника и осинника. Мы идем по лесной тропинке вниз по Кади и собираем грибы. Это похоже на сказку — прямо к тропинке подбегают из лесной чащобы желтые маслята, красные подосиновики, коричневые подберезовики на тоненьких ножках. Но их никто не трогает, потому что по мещерским понятиям есть только один настоящий гриб, который стоит брать: это белый. Боровики стоят тут же на обочине дороги во весь рост и во всей своей красе, не думая скрываться от посторонних взглядов: ну кому они нужны в этой глуши?

Грибы в Мещере растут в самых неожиданных местах — и на полянках, и на дорогах, и на берегах рек. Едешь на лодке по Пре, а на тебя весело глядят сдвинутые набекрень шляпки боровиков. Не случайно некоторые местные жители наловчились собирать грибы с лодок. Вооружаются длинными палками с железными крючками и плывут вдоль берега. Увидят гриб, подцепят его крючком — и в лодку. Обратно возвращаются с полным, что называется, кузовом.

В летние месяцы по всей Мещере начинается грибная лихорадка: и стар и млад—все отправляются за грибами. Полчаса побродят—и ведро с верхом. Конечно, одни белые. Однажды мы отдыхали на деревянной скамейке, сооруженной лесником у дороги. Неожиданно подошел грузовик. Шофер остановил машину, взял ведро и прямо с подножки шагнул в лес.

Минут через пятнадцать возвращается.

— Ну что, набрали?—спрашиваем.

— Да вот собрал немного, — и протягивает ведро, полное грибов.

Грибная лихорадка передается и туристам. Плывут по мещерским рекам туристские флотилии, обвешанные гирляндами сушеных грибов.

Чем дальше по течению Кади, тем все более извилистым становится ее бег. Нам надоедает пробираться сквозь лесной бурелом, и мы поднимаемся выше, на песчаный остров, вдоль которого,

извиваясь ужом, бежит лесная дорога. Мы знаем, она ведет на кордон лесника, о котором нам еще в Рязани говорили, что во всей Мещере нет места тише и красивее. Кордон появляется неожиданно — сосны вдруг расступаются, и мы выходим на обширную поляну. Справа, у самого берега Кади, теперь довольно широкой и полноводной, приютились домик лесника и хозяйственные постройки со скворечниками на длинных шестах. Прямо к стене дома прибита дощечка: "Кордон Платунина". Так звали первого хозяина кордона, прожившего в этих местах более сорока лет. Теперь здесь живет другой лесник, но название кордона осталось прежним. Как и сорок лет назад, все называют его кордоном Платунина.

Сосновый бор обступает поляну со всех сторон, оттесняя дом лесника к самой Кади. У другого берега река намыла песчаную косу из чистейшего песка, как будто просеянного через мельчайшее сито. Под обрывом—деревянные мостки и дощатая лодка, привязанная к столбу. Чуть в стороне от кордона под корнями дуба родник с удивительно прозрачной и вкусной водой. Заглянешь в него и видишь, как на дне вокруг старого, обвешанного гирляндами пузырьков корня ведут хоромы крохотные песчинки.

Где-то в лесу, по ту сторону реки, монотонно звенит колокольчик. Это хозяйская корова бродит по лесу. Звук то замирает, то снова доносится до нас. Коров здесь никто не пасет. Они сами ищут себе пищу, сами приходят домой на дойку и снова уходят в лес. Бывает, пропадают на день и два, но по звуку колокольчика их все равно нетрудно отыскать.

Вдоль обоих берегов Кади нескончаемой вереницей тянутся сосновые боры, наполненные хмельным, пьянящим запахом смолы. Войдешь в такой лес, и вдруг вырастают перед тобой стройные сосны с причудливыми надрезами. Солнечные зайчики, с трудом выпутавшись из густой хвои, легко скользят и по бронзовым стволам, и по шишкам, устилающим землю, и по янтарным каплям смолы, медленно сползающим вниз в жестяные чашки. Живица!..

Вот уже несколько дней мы живем на кордоне, и никак нам не удастся повидаться с хозяином здешних сосновых плантаций, хотя он каждое утро и проезжает мимо на велосипеде из деревни Игнатовка.

Но однажды утром, когда мы спали, открылась дверь и на пороге показался мужчина средних лет в брезентовой куртке и таких же штанах, заправленных в сапоги. И сразу же дом наполнился терпким запахом свежей смолы, как будто кто-то распахнул окно прямо в сосновый бор, омытый теплыми грозowymi дождями.

— Масаев, вздымщик, — здоровается мужчина и смущенно прячет пахнущие смолой руки за спину.
— Так это вы хотели посмотреть, как добывается живица?

Природа всегда таит в себе много загадок, маленьких и больших тайн. Одним из таких чудес и является живица. Видели ли вы как быстро затягивается смолой рана на сосне? Казалось бы, дереву нанесен тяжелый и страшный удар топором, от которого оно не сразу оправится. Но пройдет несколько дней, и рана уже подсохла, и по-прежнему гордо стоит на косогоре красавица сосна. Живица! Не случайно народная молва приписывает ей чудодейственное свойство заживлять раны, восстанавливать силы и давать жизнь деревьям. Наверное, поэтому и носит она такое чудесное и поэтическое название.

Взмах острого ножа, и в жестяной приемник потекла

густая пахучая смола — живица

Вместе с Масаевым мы идем на сосновые плантации. Они совсем рядом с кордоном — километра полтора-два, не больше. Михаил Михайлович надевает рукавицы и берет в руки хак — инструмент с острыми ножами. Короткий взмах, и хак прочерчивает на стволе глубокую борозду. Затем вторую, третью... И набухает кора, и бежит из надрезов в приемник густая, как мед, смола. Таких борозд на каждом дереве десятки. Иногда на сосне делаются надрезы с двух сторон — это двухкаррная сосна, а на более толстом дереве делают три карры. И под каждой каррой — приемник.

Михаилу Михайловичу помогает его жена — сборщица смолы. Специальным ножом она прочищает желобки, по которым течет живица, выковыривает из приемников застывшую смолу и собирает ее в ведра. Каждый приемник—это двести граммов смолы, пятьдесят приемников—ведро, двести ведер—бочка, доверху наполненная ароматной живицей. Потом эту бочку грузят на телегу и везут на Голованову дачу. Густая и тяжелая, смола мерно колыхнется в бочке, распространяя вокруг себя терпкий, ароматный запах.

Из смолы производят канифоль и скипидар, которые используются в мыловаренном, бумажном и лакокрасочном производствах. Даже в ампулах с камфарой тоже есть живица, добытая в сосновых заповедных лесах. Так что живица лечит не только деревья, но и людей, которым сосны отдают все свое богатство — капля за каплей.

Все реки откуда-то начинаются, и все они куда-то впадают. Кадь впадает в Пру. Но не маленьким неказистым ручейком, через который можно перешагнуть, не замочив кедров, а широкой и спокойной рекой. Мы долго ищем кладку на другой берег — ствол огромного дуба, упавшего поперек реки. Он еле-еле достает до песчаной отмели на той стороне Кади. Теперь она не такая беззащитная, как в верховьях: пополнила в талии, разлилась по заливному лугу, но и здесь не утратила своих неповторимых черт лесной речки из русской сказки.

Мы сидим на берегу и бросаем и воду щепки. Они плывут медленно и торжественно, маленькой лебединой стайкой. А мы сидим и смотрим им вслед. А щепки все плывут и плывут, туда, где темно-коричневые воды Кади смешиваются с золотистыми струями стремительной Пры.

Все реки откуда-то начинаются, и все они куда-то впадают. Кадь впадает в Пру, Пра—в Оку, а Ока—в Волгу. И если вам когда-нибудь придется плыть по этим рекам, то знайте, что в их светлых водах есть и частица темной, пахнущей кувшинками и живицей воды маленькой мещерской речки Кади.

По следам одного доноса

Еще в Москве, знакомясь с прошлым Мещерского края, мы натолкнулись на один любопытный документ, датированный 1905 годом (Крестьянское движение в Рязанской губернии в годы первой русской революции (документы и материалы). Ряз. книжное издательство, 1960).

Это был донос старосты села Бельского Спасского уезда на учителя и крестьян села Кидусова, которые занимались революционной агитацией на сельском сходе.

"6 декабря сего 1905 года,—сообщал староста,— мною был собран сельский сход по делам, касающимся нашего общества, на который явились учитель Кидусовской школы и крестьяне д. Нагорной Осип Назаров Петрушкин и Лаврентий Данилов Шебаев... чем учинили в народе ужасное своеволие и неподчинение. Глупый же наш народ одно говорит, что не следует платить никаких повинностей, и не хочет признавать поставленных над ним властей".

В тот вечер мы долго сидели и спорили об этом любопытном документе, приоткрывшем для нас одну из страничек революционного прошлого Мещеры. Но он был краток и скуп на факты. Действительно, ну кто этот безвестный учитель, фамилия которого даже не названа в доносе? И какое отношение к нему имели крестьяне Петрушкин и Шебаев? И чем они так прогневали местные власти?

— Ладно, — сказал тогда Лешка, переписывая текст доноса в свой дневник,—будем на месте—обязательно узнаем.

Так на нашей карте возле села Кидусова появился маленький красный кружочек.

...И вот по узенькой тропке, петляющей по заливному лугу, наша небольшая экспедиция направляется, так сказать, в глубь континента на поиски Кидусова и таинственной деревни Нагорной, которая не значится ни на одной современной карте. Наши сведения о Кидусове крайне скупы. Мы знаем только, что расположено оно недалеко от села Бельского, километрах в пяти от впадения реки Белой в Пру, что это старинное мещерское село, жители которого в свое время славились на всю округу как углежог, а само Кидусово считалось центром углежжения, в прошлом широко распространенного в Мещере.

...Тропка круто поднимается вверх и выводит нас на песчаный косогор, поросший соснами и травой. Вот оно, современное Кидусово: длинные улицы, добротные дома, новенькие срубы, пахнущие стружкой и краской, шум тракторов и тархтение автомашин, везущих бидоны с молоком.

В свое время Сергей Есенин с грустью и болью в сердце писал о нищих, приходящих в упадок рязанских деревеньках. Помните его стихи?

Край	ты	мой	заброшенным,
Край	ты	мой	пустырь,
Сенокос			некошенный,
Лес да монастырь.			

Избы			набоченились,
А	и	всех-то	пять.
Крыши		их,	запенились
В заревую гать.			

А сейчас? Мы медленно идем по главной улице мимо колхозного молокозавода, больничного городка, сельской аптеки, просторного, недавно отстроенного Клуба... Видно, неплохо живут колхозники в этом старинном мещерском селе.

Вот и школа: низенький заборчик, большие-светлые окна, добротная крыша под железом, но постройки, судя по всему, старые. "Может, та самая?"—тихо шепчет Лешка, внимательно осматривая школьный двор.

Скажем прямо, мы не очень надеемся на успех. Как-никак, а шестьдесят лет — срок нешуточный. Помнят ли здесь о тех далеких и бурных событиях? Не забылись ли они? И сохранились ли очевидцы, которые были их свидетелями?

Директор школы Клавдия Антоновна Леснянская, к сожалению, ничем не могла нам помочь. Она работала в школе не так давно и ничего не знала об интересующих нас событиях.

— А школа та?—спрашиваем мы.

— Нет, та от пожара сгорела. А эта уже после выстроена... Да вам лучше обо всем этом с нашими стариками поговорить. Ну, например, с Александрой Трифоновной Клопковой: она во время революции активисткой была, в комбед входила — или с Антоном Михайловичем Куликовым. Он тут неподалеку сторожем на каланче работает. Вот уж они наверняка эти события помнят.

Александр Трифоновну мы не застали дома. А вот с дедом Антоном нам повезло. Он оказался словоохотливым и, несмотря на свои восемьдесят лет, еще довольно бодрим стариком.

Когда мы зачитали ему выдержки из доноса бельского старосты, он неторопливо снял картуз, почесал затылок, словно вспоминая что-то, и так же неторопливо сказал:

— Осип Петрушкин? Ну как же, помню-помню. Да и Лаврентия Шебаева тоже. Правильные были мужики, работающие.

Потом помолчал немного, вынул кисет и начал крутить самокрутку.

— Значит, донес-таки, подлец, — это о старосте, — ну да от него и нечего было ждать другого.

И на наших глазах начали оживать, обрастать новыми фактами и деталями скупые строчки предательского доноса.

События, о которых рассказал нам Антон Михайлович, относились к концу 1905 года, когда по всей России прокатилась мощная волна крестьянских восстаний. Не миновала она и Рязанской губернии. Крестьяне отказывались признавать власть земских начальников, силой захватывали и делили между собой помещичьи земли, поджигали дворянские усадьбы. Под мощными ударами крестьянских выступлений трещала по швам самодержавно-помещичья Российская империя.

В декабре 1905 года, крайне обеспокоенный нарастанием крестьянских волнений в Рязанской губернии, начальник губернского жандармского управления доносит департаменту полиции: "...Озлобленность в Рязанской губернии против земских начальников громадная. К ним не идут за разрешением своих сомнений. Кроме открытых насильственных действий, в течение ноября произведены в разных местах губернии тайные поджоги помещичьих усадеб..."

Мещерская сторона, в которой сельское хозяйство не играло такой важной роли, как на юге Рязанской губернии, также оказалась вовлеченной в бурные вихри первой русской революции. Сельский сход крестьян села Аграфенина Пустынь приговорил: "земля должна быть не чьею, а общей". В Спасском уезде крестьяне решили явочным порядком уравнилельно разверстать между собою луговую площадь и приступить к укусу трав. Какой-то неведомый нам Дмитрий Филиппов Прошкин из деревни Тальново Касимовского уезда, увидев на стене портрет царя, стал призывать к бунту против "Николашки". А когда ему сказали, чтобы он побоялся бога, "богохульно" ответил: "А мне нечего бога бояться, ведь нет ни бога, ни государя".

В Кидусове борьбу крестьян за свои права возглавил молодой учитель местной школы Кочетков. Человек передовых, демократических взглядов, он организовал в селе революционный кружок, который посещали многие местные крестьяне. В кружке изучали революционную литературу, читали книги, спорили о будущем России. Среди самых близких друзей Кочеткова были крестьяне Осип Петрушкин и Лаврентий Шебаев, фамилии которых упоминались в доносе. Особенно большим уважением среди односельчан пользовался Петрушкин. Он был на редкость умным и способным человеком. Сам научился читать, писать, был хорошим оратором. Дома у него было много книг, газеты. Мужики любили заглянуть на огонек к Осипу и послушать его умные беседы. А беседы эти были явно крамольного характера. Петрушкин говорил, что земля Должна быть не помещичьей, а крестьянской, и что ею должны распоряжаться не царь и помещики, а сами крестьяне, призывал к неповиновению местным властям.

Кочетков и его друзья смело пропагандировали свои взгляды, используя для этого многолюдные сельские сходы. 6 декабря они явились в Бельское на сельский сход и начали агитировать за вступление крестьян в недавно созданный Всероссийский крестьянский союз. Как ни пытался староста успокоить крестьян, сход вышел из повиновения и пошел за "крамольниками" и "бунтарями". Было принято решение не подчиняться местным властям, не платить никаких податей, не отправлять рекрутов в армию. Антон Михайлович сам был среди этих рекрутов и помнит, что они долго еще после этого не могли выехать на сборные пункты—то ли местные власти были напуганы бунтом крестьян, то ли не работала железная дорога, парализованная забастовкой железнодорожников.

Недовольство крестьян явно перерастало в бунт.

Видимо, для того чтобы утихомирить мужиков, а заодно и расправиться с местными агитаторами, в Кидусово прибыл пристав. Но его миссия закончилась полным провалом. Разъяренные крестьяне (и среди них Данила—отец Лаврентия Шебаева) избивали пристава, и тот еле-еле спасся бегством.

Донос бельского старосты заканчивался любопытными словами: "Объяснив о сем, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство принять оное во внимание и объяснить мне, как мне действовать в служебном отношении и со сбором повинностей".

Это донесение, видимо, всерьез встревожило земского начальника. Из Спасска было срочно вызвано подкрепление, бунт подавлен, а его главари арестованы. Среди них были учитель Кидусовской школы Кочетков, Осип Петрушкин и Лаврентий Шебаев.

Как сложилась дальнейшая судьба Кочеткова, неизвестно. В село он больше не вернулся. Петрушкин как будто был сослан в Сибирь, и с тех пор о нем ничего не слышали.

— А Шебаев?—спросили мы.

— А Шебаев еще долго жил после этого в нашем селе, работал в колхозе и не так давно умер... Ну да о нем вам лучше расскажет его жена, Матрена Лаврентьевна. Вон ее изба на Нагорной стороне.

И вот мы снова идем по пыльной улице. Нагорная сторона — это и есть та самая деревня Нагорная, которая упоминается в доносе. На карте Менде она четко обозначена маленьким прямоугольником на довольно-таки почтительном расстоянии от Кидусова. Теперь деревня окончательно сомкнулась с Кидусовым, превратившись в одну из его улиц.

Матрена Лаврентьевна только руками всплеснула, узнав о цели нашего прихода. Но, к сожалению, смогла прибавить к рассказу Антона Михайловича очень немного. Ей было уже за восемьдесят, и многие события стерлись из памяти. Она помнила только, что деревня долго бунтовала, шумели на сходках мужики, а после подавления бунта ее мужа, как одного из главных бунтовщиков, увезли в Спасск. Там он некоторое время сидел в тюрьме, а потом местные власти, боясь дальнейших волнений, вынуждены были выпустить его под надзор полиции.

Вот, собственно, и все, что мы узнали о событиях, которые упоминались в предательском доносе. Как будто не было в них ничего особенного — просто маленький эпизод из революционного прошлого Мещерского края. Но из таких эпизодов и складывается история народа.

Мы снова идем по той же улице мимо школы, нового клуба, аптеки, больничного городка, но, странное дело, теперь мы смотрим на них как-то совсем по-другому, более серьезно и внимательно, и только сейчас по-настоящему начинаем понимать, сколько сил, труда, пота и крови, сколько жизней пришлось отдать этим простым мещерским мужикам, чтобы их дети, внуки и правнуки могли пользоваться и этой больницей, и этим новым клубом, и этим недавно построенным магазином, чтобы по улицам села буднично тарахтели полуторки и тракторы и чтобы мимо нас лихо пронеслась на мотоцикле молоденькая девушка в ярком сарафане, весело помахавшая нам на прощание своим красным, как флажок, платочком.

Дела рыбацкие

Когда в Москве мы составляли смету походных расходов, боцман весьма неохотно включил в нее одну, на его взгляд довольно подозрительную статью: "поступления от рыбной ловли". Включил и поставил против нее большой вопросительный знак. Как человек хозяйственный, он не очень-то верил в способности наших рыбаков. Если уж говорить начистоту, то для этого у него было достаточно оснований. Из всей нашей рыбацкой троицы только один Лешка более или менее умел рыбачить. Что же касается Владика, то он всего лишь несколько раз в своей жизни держал удочку, ну а Сережка оказался самым настоящим самозванцем, и рыбаком его называли только потому, что он был владельцем складного спиннинга, одолженного у тестя.

Рыбная ловля у наших ребят на первых порах действительно не клеилась, несмотря на обилие научной литературы и самых разнообразных снастей, которые они захватили с собой в поход. Когда по вечерам они раскладывали их возле палаток, наш бивак сразу становился похожим на прилавок магазина общества "Рыболов-спортсмен". Здесь были и бамбуковые удочки с красными перьевыми поплавками, и донки с колокольчиками, и жерлицы, и Сережкин складной спиннинг, к которому, правда, наши рыбаки-поплавочники относились с некоторым предубеждением. Если бы на каждую из этих снастей попалась хотя бы по одной рыбе, мы бы и тогда не знали, куда ее девать. Но снасти не срабатывали, и наши рыбаки понуро возвращались с Бужи, стыдливо таща за собой несколько мальков, которых можно было принять за рыб только с помощью сильно развитого воображения.

Так продолжалось несколько дней, пока однажды (дело было на озере Шагара) наши ребята торжественно не притащили в лагерь свою первую щуку. Лешка величественно нес ее за поводок, а Сережка с Вадиком бережно поддерживали за длинный, остроугольный хвост. Щука удивленно смотрела на нас своими злыми глазами, как будто спрашивая: "И как это меня угораздило попасться на ваш спиннинг?"

При выходе из Ивановского озера река Пра довольно узка. Здесь можно ловить рыбу прямо с мостков

Что уж там помогло нашим ребятам — "Рыболовный Календарь" Сабанеева, с которым они не расставались всю дорогу, или изменчивая мещерская погода, но после этого случая рыболовная фортуна явно сменила гнев на милость.

Рыбы на мещерских озерах оказалось много. Рано утром, пока лагерь мирно похрапывал в палатках, наши рыбаки отправлялись на рыбалку. Они устраивались где-нибудь возле осоки, привязывали лодку к кольям и забрасывали удочки. С этого мгновения для них ничего не существовало, кроме маленьких поплавок, неподвижно торчащих из воды. Но вот один из них дрогнул, дернулся в сторону и быстро юркнул в воду. Рывок, и на дне лодки уже бьется упругий полосатый окунь. Ловить окуней одно удовольствие — они дерзко топят поплавок на дно, смело, без разбора хватают наживку. Плотва, наоборот, осторожна и привередлива, точно разборчивая невеста. Она долго обнюхивает червяка, деликатно пробует его губами, стараясь стащить с крючка. Ну, а повадки щуки известны. Она охотно идет на живца — плотву, окуней и ершей и даже не брезгует своими более

мелкими сородичами. Ловить ее можно и спиннингом, и на дорожку, но лучше всего на кружки и жерлицы.

Когда мы плыли по озерам, то у осоки видели немало торчащих из воды колышков с висящими на них рогульками — этот вид рыбной ловли довольно широко распространен среди местных рыбаков. Так что если вы рассчитываете провести свой отпуск на мещерских озерах, обязательно захватите с собой с десяток жерлиц и сак для хранения живцов. Много щук вам не обещаем, но по две-три штуки в день вы будете иметь наверняка — вполне достаточно, чтобы накормить и большую группу, чем наша.

Единственно, что сдерживало энтузиазм наших рыбаков,—это отсутствие червей. На озерах черви—лучшая наживка, но достать их там (как, впрочем, и на Пре) не менее трудно, чем хорошую разборную байдарку в московских магазинах. В сухое и знойное лето червей не так-то легко накопать даже в тех редких деревеньках, которые встречаются на пути. Как местные ребята кричали нам вдогонку: "Дяденька, дай крючочек", так и мы, завидев мальчишку, сидевшего с удочкой на берегу, выклиничивали у него "немножко червячков". А когда это не удавалось, наши рыбаки, как корабейники, вытаскивали из своих рюкзаков наборы крючков, поплавок и запасных лесок и, заискивая поглядывая на счастливого обладателя банки червей, уговаривали его произвести взаимовыгодный для обеих сторон обмен.

Лески, крючки и поплавки высоко котируются у местных ребятшек. Сколько раз, проезжая мимо маленьких рыбаков, сидевших с удочками на берегах Пры, мы удивлялись их допотопным самодельным снастям. Длинное ореховое удилице, суровая нитка, пробковый поплавок и изогнутая вязальная спица вместо крючка — вот и вся нехитрая удочка. Но с помощью этой снасти они ловят таких больших язей и голавлей, что у наших ребят глаза разбегаются от зависти.

Реки Пра и особенно Кадь, пожалуй, наиболее интересны для любителей рыбной ловли. Тихие, поросшие осокой заводи, упавшие в воду деревья, песчаные отмели, где в прогретой солнцем воде держится крупная плотва, глубокие омуты со щуками и окунями — ну как здесь не забиться азартному сердцу рыбака! На блесну хорошо ловится жерех, в устье Пры — судак, на Крупного червя и донку охотно берет лещ. Стерлядь и сом в Пре очень редки, хотя раньше они водились здесь в большом количестве. Надо сказать, что сомы значительно хуже других рыб переносят кислородное голодание, и поэтому их с каждым годом все меньше и меньше становится в мещерских водоемах. Однако работники Окского заповедника рассказывали, что весной после спада воды они находили на окских заливных лугах 30—40-сантиметровые черепа крупных сомов. Это значит, что в Оке, видимо, до сих пор водятся огромные двухпудовые сомы до двух с половиной метров длины.

Как и на озерах, на Пре рыба тоже сильно страдает от заморозов. Как правило, зимуют в реке только некоторые породы, наиболее устойчивые к кислородному голоданию. Большая часть рыбы осенью спускается вниз по реке в Оку, где и переживает зиму в глубоких омутах. А весной рыба снова начинает подниматься из Оки вверх по Пре и по ее притокам — Кади и Белой. Здесь в теплой воде, в заводях, где много корма, и происходит нерест рыбы. А потом снова наступает осень, и снова она устремляется в Оку, чтобы весной опять подняться вверх по Пре, подчиняясь великому закону сохранения потомства.

На озерах и реке Пре на спиннинг хорошо берет щука

Больше всего наслаждения доставляла нам ловля язей. Они охотно клевали на самые разнообразные наживки: на червей, кузнечиков, тесто, кашу и, конечно, на хлеб. Чтобы он не размокал в воде и плотно держался на крючке, мы добавляли к нему немного ваты и катали небольшие плотные шарики. Такую насадку нелегко стащить с крючка даже привередливой плотве. А если в эти шарики добавить немного пахучих анисовых капель, то лучшей наживки для язей трудно и придумать.

Водятся они в тихих местах под корягами и упавшими в реку деревьями. Если наклониться и посмотреть в воду, то видно, как они медленно ходят возле дна, поблескивая своими золотыми чешуйками. Клюют осторожно, но все-таки достаточно уверенно и сразу норовят утащить поплавок под корягу. Поэтому для ловли рыбы на Пре или на ее притоке Кади нужно захватить с собой побольше запасных снастей: зацепы и обрывы следуют один за другим.

Однажды — это было неподалеку от кордона Красенького — мы остановились на ночлег на небольшом мысочке. Пока дежурные готовили ужин, Лешка с Владиком решили порыбачить. Лешка залез на ствол огромной сосны, упавшей в воду, а Владик остался на берегу. Через секунду оттуда раздался его радостный крик:

— Вот это язь!

Смотреть язя сбежались все ребята. Даже боцман и тот пощупал его толстые желтоватые бока и милостиво кивнул головой:

— Хорош!

Лешка тоже хотел было посмотреть на язя, но в это время поплавок его удочки дернулся раз, второй и стремительно юркнул под корягу.

Такого клева у нас еще не было. Ребята закидывали удочку в крохотное окошечко чистой воды, ограниченное стволом дерева и сучком, и не успевал поплавок проплыть по течению и половины метра, как мгновенно нырял под корягу, и на берег летел здоровенный язь, тяжело шлепаясь к ногам нашего боцмана. За каких-нибудь полчаса Лешка с Владиком натаскали десятка полтора здоровенных язей. Их разделявали тут же ни берегу и бросали на сковородку. Семисот-восьмисот-граммовые язи довольно обычны для Пры и хорошо идут на удочку. Встречается здесь и более крупная рыба — по два-три килограмма, но значительно реже.

...Шли дни, а с ними рос авторитет наших рыбаков. Теперь мы действительно были завалены рыбой по самую макушку. Ели ее и на завтрак, и на обед, и на ужин. Ели во всех видах — и вареную, и жареную, и печеную. Боцман, скептически относившийся к рыболовным увлечениям наших ребят, наконец, смилостивился. Однажды он вынул свою тетрадь и против графы "поступления от рыбной ловли" вместо большого вопросительного знака поставил жирную галочку: рыболовная статья начала приносить доход.

Брыкин бор

Высокий берег реки. На пригорке столб с табличкой. На ней надпись: "Окский государственный заповедник". Отсюда начинаются владения заповедника, в границах которого река Пра течет более чем 50 километров. Темной стеной стоит по левому берегу заповедный лес. Хотя внешне он ничем не отличается от правобережного, но уже одно то, что к нему категорически запрещается приставать, придает ему загадочный и таинственный вид. Нам почему-то кажется, что он весь так и кишит лосями, пятнистыми оленями, медведями, волками и другой живностью. И действительно, по ночам вокруг нашего лагеря раздавались какие-то непонятные звуки, слышался треск сучьев и всплески воды. Петя беспокойно ворочался в палатке и уверял, что снаружи бродят целые табуны голодных волков и медведей. Но это были не волки и не медведи. Утром недалеко от наших палаток мы увидели лосиную тропу. Очевидно, ночью сохатые ходили по ней на водопой.

Близость заповедника чувствуется по всему: и по обилию бобровых погрызов на деревьях, и по следам выдры на песчаной отмели, и по хищному полету коршуна в прозрачной безоблачной синеве. Он долго кружил над нашими лодками, сопровождая нас чуть ли не до самого Брыкина бора.

Чем ближе к Оке, тем все больше появляется перелесков и лугов, а сосновый лес сменяется дубравами и кудрявыми березовыми рощами. Стрелка компаса в этих местах ведет себя странно. Она крутится на все стороны, и по временам нам кажется, что мы плывем в обратную сторону.

На одном из поворотов реки мы повстречали рыболова. Он сидел на берегу и лениво смотрел на свои поплавки. Был полдень, и клевало, видимо, неважно.

— Далеко ли до Брыкина бора?—подъехав, спросили мы.

— А это как считать,—хитро сощурился он.

— Обыкновенно, на километры. Рыболов иронически хмыкнул:

— Так ведь разные бывают километры-то: по дороге одни, по воде другие. Ежели по дороге, так километров десять — больше не будет, а ежели по воде, то двадцать с гаком наверняка наберется.

Есть у гидрографов такой научный термин — коэффициент извилистости реки. Это значит во сколько раз длина русла реки по течению больше, чем расстояние по прямой. Так вот в этих местах коэффициент извилистости Пры достигает двух и даже больше. Короче говоря, один километр по берегу равняется двум по воде. В пути мы развлекались тем, что заставляли работать на нас этот самый коэффициент. Вылезешь на берег, пройдешь несколько десятков метров по лесу и ляжешь под березу в ожидании, пока лодка обогнет огромную излучину и снова вернется к тебе, но уже с другой стороны.

Наш испытанный советчик и друг—топографическая карта Менде — на этот раз ничем не могла помочь. Даже беглого взгляда на нее было достаточно, чтобы понять, насколько не похожа теперешняя Пра на ту реку, что изображена на старой карте: не те извилины и заводи, не на том месте луга и леса и даже деревни и села как будто стоят не на том месте. Видно, не раз меняла Пра свое русло, не раз пробивала новую дорогу в песчаных берегах, чтобы через несколько лет снова возвратиться обратно и снова начать все сначала.

Летом Пра сильно мелеет, и во многих местах ее без труда можно перейти вброд или переехать на телеге. Но встречаются и глубокие омуты, где, сколько ни ныряй, дна не достанешь. Спиннингистам здесь раздолье. Надо только умело бросать блесну вдоль травы и стараться не задеть коряг, которых здесь великое множество. Во всяком случае работники заповедника, отправляясь по служебным делам из Брыкина бора на кордон Старый, который стоит на левом берегу Пры, всегда захватывают с собой спиннинги и привозят обратно по пять-шесть здоровенных щук.

Омуты и различные участки Пры в пределах заповедника носят довольно любопытные названия: Мочи лово, Желтый брод, Чертопляс... Последнее название, видимо, связано с глубоким омутом, с быстрым течением и водоворотом, в котором вода пляшет, словно черти. А маленький песчаный островок на Пре недалеко от Брыкина бора почему-то прозван работниками заповедника Австралией. Так и говорят: "Сегодня я еду в Австралию" или "Черт бы побрал эту Австралию, опять там сел на мель".

В нижнем течении Пры во многих заводях встречаются заросли водяного ореха чилима. Вот одна из таких заводей возле кордона Красненького

В нижнем течении реки Пры очень много заливов и заводей, заросших осокой, кувшинками и водяными орехами — чилимом. Впервые мы увидели это любопытное растение возле кордона Красненького. Пристали к нему, чтобы купить молока, да разговорились со словоохотливой лесничихой: о малине, ежевике, грибах и сенокосе.

— А орехов-то наших вы не пробовали?—спохватилась вдруг лесничиха.

— Каких орехов?—удивились мы.

— Да водяных, они у нас еще чилимом или рогастыми называются.

Мы первый раз слышали о водяных мещерских орехах и поэтому недоуменно пожали плечами.

— Ну ладно, сейчас вам Тонька покажет, где они растут. Да только попозже вам надо было бы приезжать, не успели они еще.

Маленькая девочка с копной светло-русых волос повела нас к небольшому заливчику, сплошь покрытому большими зеленоватыми листьями, внешне очень похожими на смородиновые. От листьев до самого дна реки тянулись длинные тонкие стебли. Если их приподнять веслом, то под листьями на стебле можно увидеть небольшие черноватые коробочки с пятью шипами—рогами. Это и есть чилим. По размерам и вкусу он напоминает каштаны и пользуется довольно большой популярностью у местного населения. Осенью его собирают мешками, сушат и даже делают из него муку.

Чем ближе к Брыкину бору, тем все выше становится правый берег реки. Песчаные холмы подступают прямо к воде, а вверх по ним, наперегонки с березами: и осинами карабкаются стройные сосны. Потом березы отстают, не желая расставаться с сырыми и низинными местами, а сосны все бегут и бегут, пока не достигают вершины и не замирают в гордом и одиноком безмолвии. На холме в чудесном сосновом бору и раскинулся небольшой поселок, в котором находится управление Окского государственного заповедника.

Брыкин бор поражает своей тишиной, и своим воздухом, и своими соснами, и всем своим милым и спокойным деревенским обликом с задранными в небо колодезными журавлями, с мерно покачивающимися бадейками и старой деревянной бочкой на поржавевшем пожарном тарантасе, при помощи которого, наверное, тушили пожары еще в прошлом веке. В дневные часы, когда сотрудники заповедника расходятся на работу, поселок кажется вымершим: по песчаным дорогам бродят лишь стаи бесприютных гусей да глухо шумят сосны у берега Пры.

Вдоль оврага бежит дорожка, усыпанная хвоей и сосновыми шишками. Там, внизу, сквозь сосны блестит водная гладь реки, темнеют сырые и мрачные яры, поросшие березняком и ольшаником. Народное предание гласит, что где-то здесь, в этих глухих местах, вдали от царских воевод и исправников, скрывался в свое время знаменитый разбойник Брыкин со своими друзьями. И будто бы не было ни прохода, ни проезда дворянам да купцам ни по лесным дорогам, ни по реке Оке— везде их настигала справедливая кара неуловимых разбойников.

По народной молве был Брыкин благороден и справедлив. Раздавал отобранное у богатеев добро бедным крестьянам и оберегал их от притеснений помещиков. Но будто бы напали на его след царские ищейки, и, скрываясь от них в непроходимых мещерских лесах, закопал он часть сокровищ где-то в этих местах. Эта легенда имела в свое время широкое распространение. Целыми артелями приезжали сюда кладоискатели в поисках брыкинских сокровищ. Весь берег перерыли, но так ничего и не нашли. Насколько правдива эта легенда, сказать трудно, но уже с незапамятных времен этот маленький поселок носит название Брыкин бор.

Однако, судя по всему, разбойник Брыкин был далеко не первым, кто поселился в этих местах. Археологи считают, что уже в железном веке берег реки Пры был обитаем. Об этом свидетельствует городище — поселение древних людей, обнаруженное возле поселка на песчаном холме.

Время обошло стороной эти глухие лесистые места. Только однажды над Брыкиным бором задымили заводские трубы, заработали машины, загудел над Прой протяжный фабричный гудок. Проворные бельгийские заводчики, пронюхав про богатые залежи чистых кварцевых песков, открыли здесь стекольный завод Русско-бельгийского акционерного общества. Завод изготовлял

фигурное и цветное стекло, и его продукция пользовалась в свое время большой известностью. Но вскоре производство захирело. Отсутствие хороших дорог, глушь и отдаленность от больших городов — все это делало продукцию стекольного завода нерентабельной. Незадолго до начала первой мировой войны он был закрыт. Только развалины старых кирпичных построек, подземных кладовых и стекловарен да груды осколков цветного стекла под соснами напоминают о некогда существовавшем здесь большом по тому времени стекольном предприятии.

Мы живем в палатках, разбитых на правом берегу Пры. Мимо нас вверх по кособогу бежит маленькая юркая тропка. По ней никто не ходит. Только по вечерам со стороны поселка спускалась какая-то женщина с охажкой ольховых ветвей за спиной. Она долго бродила по берегу реки и ласково звала:

— Аида, Айк!

Потом грустно шла мимо нас обратно в поселок, неся на спине ольховые ветви. А мы с любопытством смотрели ей вслед и гадали, что бы все это могло значить. Так прошло два дня. А на третий на рассвете нас вдруг разбудил мелодичный звон колокольчика.

— Смотри, — прошептал Петя, толкнув Лешку в бок.

Слева от палатки шагах в десяти стояли два молодых красавца лоса. Огромные ветвистые рога, гордая осанка, стройные ноги. Ну, хоть прямо на картинку. На шее одного из них висел маленький колокольчик.

Они пугливо посматривали на Петю и на объектив его фотоаппарата и настороженно прислушивались к непонятным им шорохам.

Вдруг сверху раздался знакомый голос:

— Аида, Айк!

И лоси, переборов страх и нерешительность, медленно и осторожно побрели на зов мимо наших палаток. Мы видели, как они подошли к женщине и доверчиво уткнулись в охажку свежих ольховых побегов.

Позже мы узнали подробности этой трогательной дружбы. Маленькими лосенками взяла к себе Аиду и Айку местная библиотекаря Лидия Павловна Петрова. Одного ей дали в заповеднике, другого принесли колхозники. Какой-то браконьер убил его мать, и маленький лосенок в поисках пищи и убежища прибег к колхозной молочной ферме и жалобно попросил молока. Айк и Аида воспитывались у Лидии Павловны полтора года и стали совсем ручными. Днем они стояли в стойле, а на ночь, переплыв реку, уходили в заповедные леса, чтобы рано утром снова возвратиться к своей хозяйке. Но, очевидно, испугались нашей шумной компании и вот уже три дня пропадали в лесу. И все эти три дня ждала их Лидия Павловна на берегу.

Мещера издавна отличалась богатством животного мира. "Было время, когда Рязанский край, покрытый густыми лесами, славился в особенности пушным зверем", — писал в конце прошлого века один из исследователей Мещерского края. В старину здесь в изобилии водились и лоси, и медведи, и лисицы, и кабаны. А бобровые гоны да бортные места были знаменитыми на всю Русь и служили солидным источником доходов местных князей и феодалов.

В грамоте, данной рязанским князем Олегом епископу Феогносту, говорилось: "...И в реке Истоке (приток Пры—А. П.) бобры били ижевляне на себя и на владыку..." Иван Грозный в одной из своих грамот приказывал владимирцам: "Ведать этим бобровникам мою великокняжескую службу, ловить им бобров, а что добудут бобров, возить их шерстью в мою казну".

Но потом бобры были истреблены, и М. Баранович в 1860 году в своей книге о Рязанской губернии с грустью пишет об оскудении Мещеры, о полном уничтожении бобров и иных представителей животного мира. Другой исследователь Мещеры, С. Воскресенский, через четверть века выскажет еще более определенно: "В настоящее время с уничтожением лесов и хороших лугов Рязанская губерния разнообразием животных похвалиться не может". Уже в начале Х.Х века в Мещере не водилось ни бобров, ни других ценных пород зверей.

И кто знает, как бы дальше сложилась судьба животного мира Мещерской низменности, если бы не был в этих местах по решению правительства организован Окский государственный заповедник. Его работники ценой огромных усилий остановили неумолимо продолжавшийся процесс оскудевания Мещеры, акклиматизировали много ценных пород зверей, провели огромную работу по сохранению и размножению мещерской флоры и фауны. И хочется от всего сердца поблагодарить этих скромных тружеников, которые летом и зимой, в зной и холод, в весеннюю распутицу и под ледяными порывами осеннего ветра занимаются своим трудным! но таким необходимым для всех нас делом.

Была возрождена и былая "бобровая" слава Мещеры. Привезенные сюда в 1937 году из Воронежского заповедника бобры под охраной закона так расплодились, что в последние годы стало возможным не только отлавливать их для перевозки в другие районы страны, но и начать нормированную добычу бобровых шкур.

В зубровом питомнике
Окского заповедника

Бобры — животное ночное и пугливое. И увидеть их довольно трудно. Помню, как однажды мы всю ночь просидели возле бобровой норы и даже видели, как бобер, ловко руля хвостом, плыл с другой стороны озера с прутиком во рту. Но стоило кому-то из нас неосторожно кашлянуть, как он нырнул в воду, а где-то рядом с нами со страшным шумом плюхнулось в реку другое животное.

И все-таки однажды нам повезло. Это было совсем недалеко от заповедника. Мы проплывали по Пре мимо какой-то заводи, как вдруг услышали на берегу собачий лай. Подплыли ближе. Видим, стоит лодка, в ней какие-то клетки, а дальше у воды копошатся люди. А на берегу разъяренная собака обеими лапами разгребает нору. Это были боброловы из заповедника.

Бобры всегда копают себе норы с таким расчетом, чтобы вход в них находился целиком под водой. Чтобы попасть в свое "жилое помещение", бобер ныряет в воду, входит в нору и по подземным коридорам поднимается в свою "комнату". Она располагается выше уровня воды, обычно под корнями какого-нибудь дерева. Вот этими-то "инженерными" особенностями бобровых нор и пользуются боброловы. С помощью специально обученных для этого дела собак ловцы отыскивают бобровую нору и к ее выходу подставляют специальную, похожую на вершину проволочную ловушку. Затем со стороны берега подпускается собака. Она с лаем разрывает нору и выгоняет из нее бобра прямо в клетку.

И вот он сидит перед нами, забившись в угол клетки, и испуганно моргает своими маленькими подслеповатыми глазками. Хотя он только что вытасчен из воды, по ворс его знаменитого меха совершенно сухой. Только на широком чешуйчатом хвосте блестят на солнце капельки воды. Через несколько дней этого бобра вместе с другими его сородичами погрузят на самолет и отправят в какой-нибудь заповедник страны. Теперь сама Мещера помогает различным уголкам нашей родины возрождать былую "бобровую" славу наших лесов, рек и озер.

В царстве зверей и птиц

Брыкин бор славится не только своими соснами и своей тишиной. Он славится еще и музеем, который всегда вызывает большой интерес у туристов. Музей этот необычный, хотя бы потому, что очень мало похож на музей. В нем нет торжественной тишины и солидных служителей, и его двери нечасто запираются на замок.

Вот под окном зашумела машина. Шофер выключил мотор и загромыхал сапогами по ступенькам. Разве можно проехать мимо и не побывать в этом удивительном музее? Выходит оттуда и в изумлении мнет в руках кепку: "Вот это да!..".

Тихонько, точно полевая мышь, пискнула дверь, и в щелку осторожно просунулись две взлохмаченные детские головы. Ребята несмело переступают порог и тут же испуганно пятятся назад. Слышу, как один шепчет другому: "А он не укусит?" — "Да нет, ведь это чучело", — отвечает другой, но тоже делает шаг к двери. Из темного угла вслед им зловеще поблескивают два огромных волчьих глаза.

Наверное, в этом-то и состоит основное достоинство музея. Переступаешь его порог и сразу же попадаешь в сказочный мир зверей и птиц. Они смотрят внимательно и выжидающе, как будто готовые при первой же опасности дать стрекача и скрыться в лесной чаще. Поэтому и стараешься ходить по залам на цыпочках, чтобы ненароком не вспугнуть токующую на поляне тетерку или глухаря, поющего на вечерней зорьке свою свадебную песню.

У лесного зверья есть свои законы и свои повадки. Трусливо прижал уши заяц-беляк: слишком уж он поспешил сменить свою серую летнюю шкурку на зимнюю — белую и теперь кажется довольно беззащитным на этой лесной, еще не покрытой снегом поляне. По-хозяйски ступает по лесу бурый медведь. Прислушайтесь, и вы услышите, как трещат сучья под его тяжелыми лапами и с глухим стуком падают с сосен шишки прямо на муравейник, привалившийся к дереву. У маленького озера пугливо застыл бобр, погрузив в воду свой широкий, как руль, хвост. Беспечно прыгают с ветки на ветку красавцы горностаи. А где-то там, в глубоком речном омуте, плывет здоровенная метровая щука и сом лениво шевелит своими усами.

В этих небольших залах собраны все или почти все виды животных и большинство видов птиц, населяющих Мещерскую низменность. А ведь их немало. Одних только птиц в заповеднике насчитывается более двухсот видов, а зверей — около сорока. Но поражает даже не обилие экспонатов, а их великолепное, можно даже сказать, поэтическое оформление. Это потаенные уголки живой среднерусской природы, каким-то чудом перенесенные прямо из леса или поля в музейные залы.

Наверное, поэтому с каждым годом все больше друзей становится у музея. Сюда приходят колхозники и студенты, туристы и детвора из соседних сел, научные работники и охотоведы. Приезжают из разных мест и городов: Москвы и Рязани, Горького и Минска, Таллина и Ленинграда, Севастополя и Саратова, Архангельска и Мурманска... И оставляют в книге отзывов восторженные записи: "Это прекрасно! Какая красота! Какой труд! Фантазия!", "Ничего подобного видеть не приходилось!", "Очень тронула встреча с человеком, так преданным своему делу", "Хорошо, что живут среди нас такие замечательные энтузиасты!"

Это все о нем — о бессменном заведующем музеем, о его создателе и организаторе, о его золотых руках, сотворивших все эти чудеса,—о Владимире Александровиче Корсакове.

Разные бывают на свете люди. Одни тихо отсиживают на работе положенные часы, словно отбывая скучную и неприятную повинность. Другие так увлекаются своим делом, что забывают про все на свете — и про сон, и про еду, и про время. О таких говорят: "фанатик", "одержимый" или просто: "чудак". Вот к такому славному племени увлеченных и одержимых и принадлежит Владимир Александрович.

Мы очень любим вспоминать о наших народных умельцах, которые творили чудеса, делая удивительные по красоте и изяществу вещи. И, конечно, не преминем воспользоваться случаем, чтобы напомнить о знаменитом лесковском Левше, который блоху подковал. Но почему-то все это нам представляется в прошлом — и ремесла, и умельцы, и талантливые самородки. Но во перед нами сидит, так сказать, живой умелец, которого иначе как самородком и не назовешь, настолько природа щедро наградила его самыми разнообразными талантами: он и отличный охотник, и тонкий биолог, и великолепный знаток природы, и вдумчивый художник... Не так уж все это мало для человека, успевшего окончить в своем родном селе всего лишь четыре класса начальной школы!

Он ведет нас по музею, как по лесу, и необыкновенно просто, увлекательно, как о своих старых знакомый рассказывает об этих удивительно живых и всамделишных животных, которых и экспонатами как-то неловко называть. У каждого из них своя, особая история.

Вон там в углу комнаты среди берез и осин застыл огромный волк — вожак стаи. Со всех сторон он уж обложен разноцветными флажками. Хищный оскал пасти, злые огоньки глаз, готовая к прыжку фигура — о уже загнан в ловушку, но еще надеется из нее выбраться, как выбирался много раз до этого.

С этим серым охотником пришлось немало повозиться: матерый был волк, осторожный. Возле своего логова никогда не разбойничал. Если уж и нападал, то только на отдаленную деревню, вдали от своего жилья. Но зато и хлопот колхозникам причинял немало. За одну ночь вместе со своей стаей задирали по тридцать — сорок телят. Вообще в то время — дело было в 1954 году — волков в заповеднике развелось немало. А тут еще пятнистых оленей завезли. Вот тогда и решено было истребить всех волков. Этот был последним.

— Как сейчас помню, — вышел он из леса, осмотрелся и махнул через флажки. Прицелился я и выстрелил. Потом нашли в его шкуре немало дробы да осколков от картечи. Стреляная была bestия!

А вот еще один стенд. И тоже целая история.

Возвращался как-то Владимир Александрович с охоты. Зимой это было, смеркалось. Видит, впереди на дороге два желтых огонька горят. Подходит ближе — огромный филин вонзил в зайца-беляка свои цепкие когти, даже крылья опустить не успел. А заяц, распластавшись на дороге и предчувствуя гибель, судорожно царапал лапами снег. Грянул выстрел, и дробь хлестнула по желтым огонькам. Не пришлось филину полакомиться зайчиной. А чучело его перекочевало на стенд музея. И снова сидит он на зимней дороге, грозно подняв свои крылья и вонзив когти в умирающего зайца. И снова в вечерних сумерках поблескивают два желтых зловещих огонька.

У небольшой застекленной витрины Владимир Александрович останавливается. Улыбается, весело поглядывая на нас.

— Ну, а с этим кабаном совсем любопытная история приключилась. Поводился он ходить в гости на свиноферму. Все бы ничего, да весной, к удивлению колхозных свинаярей, чуть ли не половину приплода составили кабанята с острыми мордочками и черными, как у зебр, полосками на поджарых боках. Одного такого гибрида и подарили колхозники нашему музею.

И так чуть ли не о каждом экспонате, которых тут собраны десятки, а то и сотни. Владимир Александрович ходит по этому сказочному миру, населенному зверями и птицами, как добрый волшебник. Взмах указательной палочки, тихий щелчок выключателя, и перед тобой открываются удивительные картины живой природы: рысь, осторожно крадущаяся по стволу упавшего дерева, лоси на фоне осеннего леса, черный аист, сидящий в настоящем аистином гнезде. Наверное, надо очень хорошо знать и любить природу, чтобы заставить жить ее второй своей жизнью — на музейных стендах.

Откуда началась эта любовь к природе, он и сам не помнит. Наверное, с детства. Жили они тогда в деревне, на берегу небольшой речки. А интересна эта речка была тем, что находили ребята на ее дне разноцветные камешки — синие, зеленые, красные. Если их потереть, то получалась отличная краска. Ею он и нарисовал свой первый рисунок. Потом пробовал лепить из разноцветной глины разных птиц. Для пущей важности обкладывал кусок глины перьями — птица получалась мохнатая, нахохлившаяся, совсем как настоящая.

Владимир Александрович Корсаков. Это о нем в книге отзывов музея заповедника написано: "таких мастеров я еще не видывал..."

До сих пор помнит свою первую охоту: как выбежал без шубы на улицу и, схватив отцовское ружье, бросился вдогонку за зайцем, ошалело проскакавшим по деревенской улице. Когда подстрелил — не поверил своим глазам. С тех пор охота на зайцев да еще на вальдшнепов — его самая любимая. Об охоте может говорить с увлечением много часов подряд. Глаза загораются азартным блеском, на щеках проступает румянец. И становится он похож на того самого деревенского мальчишку, который первый раз в своей жизни увидел на снегу цепочку заячьих следов.

Владимир Александрович тонко чувствует природу, ее красоту и поэзию. Наверное, он мог бы стать поэтом, а может быть, художником. Посмотрите на мастерски нарисованные маслом и гуашью фоны его композиций, и вы поймете: перед вами действительно способнейший художник-пейзажист. Низко нависшие хмурые облака, избушка на кособоре, деревья с облетевшими листьями; сосны и ели с нахлобученными снеговыми шапками; лесная поляна с проталинами, в которых отражается заходящее солнце; поле и река со стогами убранного сена; косяк журавлей в темнеющем небе... Если все эти фоны развернуть и

склеить в один холст, получится громадное полотно вечно меняющейся, то сумрачной, то веселой, то суровой, то нежной мещерской природы, увиденной наблюдательным и любящим глазом мещерского следопыта.

По-разному складываются судьбы людей. Жизненный путь одних крив и извилист, у других похож на прямую и широкую просеку, по которой можно долго-долго идти, не сбиваясь с пути. Владимир Александрович, наверное, смог бы стать биологом или натуралистом. А стал мастером по

изготовлению чучел. Есть такая редкая профессия, которая требует от человека многих талантов и которая дается только тем, кто беззаветно любит природу, животных и свою трудную, но увлекательную работу.

Так, с 1937 года Владимир Александрович и работает в музее Окского заповедника. Отсюда ушел в армию, где был шофером на "катюшах". А потом снова вернулся в родные края. Звали его в другие, более теплые места—не поехал. Уговаривали устроиться на работу шофером ("на чучела-то больно не проживешь")— не устроился. Вот так уж больше четверти века и работает в маленькой комнатухе, заваленной инструментами, чучелами, эскизами новых экспозиций, банками с заспиртованными змеями.

Сначала не все получалось. И шкуру с животных не так снимал, и каркас не так мастерил, и поза у чучел получалась неестественной. Стоят, как истуканы, и нет в них ни жизни, ни природной красоты. Тогда шел за помощью к заместителю директора заповедника по научной части Владимиру Порфирьевичу Теплову, у которого хранилась великолепная коллекция открыток животных и птиц. Подолгу рассматривал их, советовался или брал бинокль и забирался в глухую лесную чащу, где часами лежал в кустах, наблюдая за повадками своих будущих экспонатов.

— Самое главное —хотеть сделать то, что ты задумал, и не отступать при первой неудаче. Иначе грош тебе цена.— Это его слова.

Потом научился так мастерить чучела, что к нему, стали приезжать на выучку молодые препараторы из других заповедников. Но и тогда не пропал вкус и интерес к работе.

— Хочется, чтобы каждое чучело было, как живое, и чтобы каждое новое было лучше прежнего. Иначе неинтересно работать!—Это тоже его слова.

Владимир Александрович приоткрыл окно и посмотрел вверх. Там, в густо-синем небе прочерчивал свои невидимые круги коршун.

— Вот так увидишь птицу, стоишь, запрокинув голову, и любишь ее красотой. А хочется, чтобы и другие на нее тоже посмотрели, тоже полюбовались.

Сейчас Владимир Александрович всеми признанный мастер своего дела. Его экспонаты выставляются в музеях и на международных выставках.

Крупные ученые-биологи считают его своим. Дарят научные труды с надписями: "Уважаемому коллеге". Художники-анималисты удивляются его пейзажам, а охотники—меткому глазу и знанию повадок зверей.

Вот такой он и есть на самом деле: охотник, натуралист, художник, потому что больше всего на свете любит природу, животных, своих чучел и свой музей.

Земля, по которой мы ходим

Что такое родина? Наверное, это дом, в котором живешь, труд, который приносит людям пользу, земля, по которой ходишь. Но вот уезжаешь из своего родного дома, забираешься в самые глухие и отдаленные места, где нет ни твоей работы, ни людей, с которыми привык жить,—одни леса, озера да поля с копнами скошенного сена, и тебе не кажется, что все это чужое, не имеющее к тебе никакого отношения. Бесконечно дороги и бескрайние поля желтеющей ржи, и белоствольные березки на берегу речки, и даже деревянная церковка, чудом уцелевшая на вершине холма. Потому что все это и есть твоя родина, и нет для тебя ничего дороже, чем ходить по ее земле и дышать ее воздухом.

Но любить свою землю — это не значит только восхищаться ее красотой, любоваться ее природой и ее памятниками. Любить — значит беречь, значит по-хозяйски относиться к тому, что дарит нам природа и что оставили нам, как память о себе, предшествующие поколения.

С каждым годом растет поток туристов, приезжающих в Мещеру, все больше лодок бороздят ее озера и реки. И это хорошо. Но появляются иногда на туристских тропах и "дикари" в модных куртках и пестрых ковбойках, которых никак не назовешь настоящими туристами.

Однажды — это было на Клепиковских озерах — и мы познакомились с "деятельностью" таких "туристов". Мы сидели на берегу у рыбацкого костра и смотрели, как медленно угасает день. С озера порывами дул теплый ветерок. Он внезапно налетал на костер и взметал в воздух яркие языки пламени. На поляне становилось светло.

— А ведь раньше здесь была роща, — задумчиво сказал старик рыбак и как-то странно посмотрел на нас.

— И куда же она делась?—удивились мы.

— Куда? А разве не видите?

Только теперь мы заметили пни от сосен, распиленные бревна, кругляки, служившие, очевидно, стульями, кучи лапника от молоденьких елочек и в беспорядке разбросанные кольца и мусор. И нам стало стыдно. Стыдно за этих горе-туристов, которым наплевать на землю, по которой они ходят, которые равнодушны к ее красоте.

К сожалению, это далеко не единственный случай. Лесные поляны, вытопанные туристами, опаленные кострищами берега, порубленные деревья, осколочки бутылок под воспетыми Есениным кудрявыми березками — пока еще не редкость на берегах мещерских рек и озер. Это звучит парадоксально, но те люди, которые, казалось бы, должны особенно бережно и любовно относиться к природе, иногда сами же портят ее, не думая ни о ее красоте, ни о том, что эта красота принадлежит не только им одним, но и всем другим людям, которые пойдут по этим местам после них.

Каждый раз, когда мы путешествуем по Пре, мы разбиваем свою палатку на так называемой "кипарисовой поляне". Это очень своеобразное и красивое место. На этой поляне растет оригинальное растение — можжевельник, кусты которого возвышаются над лугом, как стройные молодые кипарисы, устремив в небо свои остроконечные вершины. Казалось, они будут стоять так вечно. В прошлом году мы снова проезжали мимо "кипарисовой поляны". Остановились, чтобы посмотреть на ее основную достопримечательность — громадный куст можжевельника, издали похожего на шпиль древнего готического собора. Подошли и замерли: "кипарис" исчез. Не стало его веселой зеленой кроны, его красивых, вытянутых вверх ветвей, не стало прохладной тени, в которой туристы отдыхают от полуденной жары. Перед нами стоял жалкий обгоревший куст, высохший и желтый. Его уродливые закопченные ветви, словно руки женщины, в бессильной мольбе были заломлены вверх. Но тем, кто сделал свое черное дело, было наплевать на эти мольбы, Они разожгли костер прямо под "кипарисом", и Он запылал как свечка, в последний раз освещая "кипарисовую поляну".

Привал на берегу реки Кадь

Трудно сказать, кто это сделал—туристы, а может, кто-либо из местных "шутников". Но кто бы они ни были, они совершили преступление против мещерской природы, против красавицы Пры, против туристов, против всех нас. И трудно найти им оправдание.

И реки, и озера, и леса — все это наши богатства, к которым каждый должен относиться, как рачительный хозяин. Нельзя по-настоящему любить нашу землю и браконьерствовать в ее лесах, захламлять туристские тропы, вырубать сосновые рощи. На нашей земле много прекрасных мест, и мы должны сохранить их не только для себя, но и для наших детей и внуков, для последующих поколений.

И зависит это не только от одних туристов. Мы видели, как рыбаки из родного села Есенина — Константинове выбрасывали в Оку только что пойманную рыбу: ее нельзя было есть, она пахла бензином. Об этом уже много писали и говорили, но Воскресенский химический комбинат до сих пор продолжает спускать в Оку отходы производства. И рыба травится и плывет по воде, перевернувшись кверху брюхом. Как найти этому оправдание?

Нет у человека большего недостатка, чем равнодушие, полное безразличие к земле, по которой он ходит и на которой живет. Равнодушный может пройти мимо горящего "кипариса", он не остановит браконьера, убившего в заповедном лесу лося, не станет протестовать при виде того, как горе-туристы рубят сосны для костра. И у него не заговорит совет при виде плывущей по воде

отравленной им рыбы... Наверное, есть в этом какая-то косность и бедность души, которые идут от воспитания человека, от узости его духовного мира.

Свой поход мы закончили в Брыкином бору. А оттуда на попутной машине доехали до села Лакаш. На окраине села шофер затормозил:

— Вам куда? В Ижевское—на пристань или на наш аэродром?

— Какой аэродром?—не понимаем мы.

— Ну, известно какой—наш, Лакашинский. Вон туда уже бабы спешат. Они теперь и на рынок в Рязань не иначе как на самолете летают: быстро и удобно.

Мы покупаем билеты и с трудом протискиваемся в кабину самолета. Рядом с нами на лавочках буднично сидят пожилые колхозницы, загородив проход бидонами с молоком, о чем-то весело щебечут маленькие девчушки в цветных сарафанах, чинно ведут разговор о сенокосе бородатые старики. Просто и буднично! И это в Мещере, где не так уж давно лошадь с телегой были единственным и самым распространенным видом транспорта.

Маленький биплан ловко разбежался по скошенному полю и взмыл в воздух. Прощай Пра, прощай Мещерская сторона! Самолет плавно развернулся и взял курс на Рязань. А мы прильнули к иллюминаторам и все смотрели, смотрели на эти бескрайние мещерские леса, луга и болота, изрезанные, словно морщинами, запутанной сеткой малых и больших речушек. Под крыльями проплывали темно-зеленые ели, ошетилившиеся пиками своих верхушек, стога сена, как наперстки, разбросанные по зеленой скатерти лугов, тонкие кружева тропинок и дорог, а где-то там, на горизонте, в полуденном мареве висели плотные клубы черного дыма: горело торфяное болото.

Это было не волшебное стеклышко из старой народной притчи, а обыкновенное плексигласовое авиационное стекло, но нам все равно казалось, что нет краше уголка на свете, чем эти лесные и озерные места, глухие речушки, золотистые песчаные плесы и прозрачные сосновые боры. И вспомнилось нам одно старинное мещерское предание—о родниковом волшебном ключе, затерявшемся в бескрайних мещерских лесах. Ключ этот, как говорит предание, замороженный и находится неведомо где, в чащобе да болотах. Но если кто отыщет его и напьется из него воды, то все его желания исполнятся, все будет так, как он захочет. Мы вспоминаем мещерские леса, стога сена на берегу Оки, осушенные болота, на которых гудят машины, обновленные поселки и деревни, колхозные стада на лугах, и думается нам, что мещеряки нашли такой ключ. Только таился он не в волшебном, таинственном роднике и не за тридевять земель, а в них самих, в их счастливом и свободном труде, в их умелых и талантливых руках, неузнаваемо изменивших весь облик Мещерского края.

Сколько еще таких волшебных уголков в нашей стране? Десятки, сотни, тысячи? А может, они находятся рядом и мы порой равнодушно проходим мимо, не замечая их истинной красоты? Давайте взглянем на них пристальнее, проникнем в их тайны, узнаем то, чего не знают другие, — и тогда нам откроется многое из того, чего раньше мы просто не замечали...

Мы смотрим на быстро удаляющуюся кромку леса, на паутину дорог, расходящихся в разные стороны, на красный диск солнца, повисшего над горизонтом, и невольно вспоминаются замечательные слова Паустовского, сказанные им о Мещерской стороне: "На первый взгляд это тихая и немудрая земля под неярким небом. Но чем больше узнаешь ее, тем все больше, почти до боли в сердце, начинаешь любить эту обыкновенную землю. И если придется защищать свою страну, то где-то в глубине сердца я буду знать, что защищаю и этот клочок земли, научивший меня видеть и понимать прекрасное, как бы невзрачно на вид оно ни было,—этот лесной задумчивый край, любовь к которому не забудется, как никогда не забывается первая любовь".

Туристу — для справок

География Рязанской Мещеры

Самая значительная по площади и освоенная в туристском отношении часть Мещеры — Рязанская. Она включает в себя четыре района Рязанской области: Рязанский, Клепиковский, Спасский и Касимовский, — расположенных к северу от Оки. Ее площадь 8,7 тысячи квадратных километров

— 23,5 процента территории Рязанской области. Более половины лесной площади занимают сосновые боры. Много торфяных болот — около 7,5 процента всей территории. Луга занимают пятую часть Рязанской Мещеры.

Реки мелкие. Наиболее крупные из них — Пра, впадающая в Оку, и Гусь с притоками Куршей и Нармой. На северо-западе обширный район занимает так называемая Озерная Мещера. Основные полезные ископаемые—торф (свыше миллиона кубометров), глины, железная руда и чистые кварцевые пески.

Климат умеренно-континентальный. Самый холодный месяц—январь (его средняя температура от минус 10,7 градуса на юге до минус 11,5 градуса на северо-востоке). Самый теплый месяц—июль (19,6 градуса тепла на юге и 18,8 градуса на северо-востоке). В Рязани в среднем за год выпадает 487 миллиметров осадков. Лучшее время для летних путешествий — июнь — август. Но бывает очень тепло и в сентябре.

Как проехать в Мещеру

В Рязанскую Мещеру, о которой рассказывается в книге, можно попасть различными путями. Из Рязани—автобусом до Солотчи и дальше до Клепиков, Тумы или Касимова; катером — по реке Оке и старицам до пристани Солотчинской турбазы; пароход по Оке – до Ижевского, Кочемар или Касимова. Из Москвы – автобусом от Казанского вокзала до Касимова (через Клепики и Туму); поездом с Казанского вокзала до станции Тасино. Из Владимира - по железной дороге до станции Тума и дальше на автобусе до Клепиков или Касимова.

Район туристских путешествий по Рязанской Мещере

Рязань связана с различными районами Мещеры автомобильным и авиасообщением. Грузотакси ходят из Рязани до Бельского, Деулина, Кидусова, Городного; самолеты — до Касимова, Лакаша, Ижевского, Бельского.

Туристские базы

Рязанский областной совет по туризму (г. Рязань, Первомайский пр., 41, тел. 7-41-08) располагает двумя действующими туристскими базами — Солотчинской и Клепиковской. Обе они расположены вдоль шоссе Рязань — Клепики и связаны с Рязанью автомобильным сообщением.

Солотчинская туристская база — первая туристская база, созданная в Мещере (организована в 1959 году). Она расположена на окраине поселка Солотча в сосновом бору, в километре от старицы Оки. Приезжающие сюда туристы живут в уютных коттеджах или утепленных палатках с деревянным полом. К их услугам столовая, туркабинет, где всегда можно получить квалифицированную консультацию по маршруту, лодочная станция на старице Оки, библиотека, душ, танцплощадка. База работает круглый год.

Солотчинская турбаза — это туристский центр Рязанской Мещеры. Вместе со своим филиалом — Клепиковской базой — она обслуживает три плановых маршрута: 158, 233 и 312с.

Почта, телеграф и междугородный телефон находятся в поселке Солотча в 3 километрах от турбазы. Почтовый и телеграфный адрес турбазы: Солотча, Рязанской области, турбаза. Телефон: Солотча, 3-85.

Клепиковская туристская база—филиал Солотчинской туристской базы. Находится возле деревни Павлушкино, на берегу реки Пры, в 2 километрах от города Клепики. Вокруг турбазы — сосновый бор, спускающийся к реке. На базе имеется деревянный дом для жилья, палаточный городок, туркабинет, камера хранения, лодочная станция, газовые плиты для приготовления пищи. Отсюда туристы отправляются в путешествия по Клепиковским озерам (маршрут № 312с) и вниз по реке Пре (маршрут № 233). База работает только летом.

Мещерское озерное кольцо

Из Москвы и Рязани до базы можно доехать автобусом до города Клепики; по железной дороге—до станции Тума и далее автобусом до Клепиков.

Почта, телефон и телеграф — в городе Клепики. Почтовый и телеграфный адрес турбазы: Клепики, Рязанской области, турбаза. Телефон: Клепики, турбаза.

В настоящее время Рязанский областной совет по туризму ведет строительство еще двух туристских баз: "Елочка" на реке Оке, в 30 километрах ниже г. Касимова, и "Брыкин бор" — недалеко от управления Окского государственного заповедника. Строительство этих баз планируется закончить в 1967 году.

Маршруты туристских походов

По Мещерскому краю разработаны следующие плановые туристские маршруты:

Маршрут № 233. Турбаза Солотча 3 дня — лодочный поход по реке Пре 13 дней — катером по реке Оке до Рязани 1 день—турбаза Солотча 3 дня (см. схему "Район туристских путешествий по Рязанской Мещере").

Общая протяженность маршрута — около 560 километров. Продолжительность — 20 дней. Стоимость путевки — 60 рублей.

Маршрут № 158. За время нахождения на Солотчинской турбазе туристы по своему желанию могут совершить один из следующих походов.

Водные: по реке Оке и ее старицам (протяженность — 45 километров, продолжительность — 3—4 дня); на родину Сергея Есенина (протяженность— 75 километров, продолжительность—4—5 дней); по реке Оке до города Белоомут (протяженность — 155 километров, продолжительность—8—10 дней).

Пешеходные: на родину Сергея Есенина (протяженность — 35 километров, продолжительность — 2 дня); на озера—Черное, Сегденское, Ласковское, Урженское (протяженность — 46 километров, продолжительность—3 дня); в Окский государственный заповедник (протяженность — 160 километров, продолжительность — 10 дней).

Из всех маршрутов наибольший интерес представляет водное путешествие на родину Сергея Есенина— село Константинове. Маршрут проходит по живописным старицам Оки, мимо села Новоселки — родины выдающихся певцов — братьев Григория Степановича и Александра Степановича Пироговых, через село Кузьминское, известное своей колхозной гидроэлектростанцией и шлюзом, построенным еще в 1911 году. Туристы побывают в Доме-музее С. Есенина в Константинове, познакомятся на обратном пути с интереснейшим памятником архитектуры XVII века—Богословским монастырем, расположенным в Пощупове (на берегу Оки).

Время пребывания на Солотчинской турбазе — 10 дней, стоимость путевки — 28 рублей.

Маршрут № 312 (самостоятельный). Этот маршрут носит название "Мещерское озерное кольцо". Его своеобразие заключается в том, что одну его половину туристы проходят по реке Пре и озерам против течения, а другую вниз по течению, знакомясь со всеми участками озерного края: турбаза Клепики—река Пра— озеро Мартыново—озеро Ивановское—озеро Великое—озеро Дубовое—озеро Святое—озеро Дубовое—Мещерский бор—река Ялма—озеро Сокорево — турбаза Клепики (см. схему "Мещерское озерное кольцо").

Протяженность маршрута—170 километров, продолжительность—10 дней. Стоимость путевки— 25 рублей. За дополнительную плату туристы могут приобрести напрокат штормовку и спальный мешок.

После окончания строительства двух туристских баз — "Елочка" и "Брыкин бор" — будут открыты четыре новых водных десятидневных плановых маршрута:

по рекам Оке и Гусь, протяженностью 140 километров (турбаза "Елочка" — река Ока — Мальцево — Касимов — Телебукино — Гусь Железный — турбаза);

по рекам Оке и Мокше, протяженностью свыше 140 километров (турбаза "Елочка"—река Мокша—Юрьево—Азеево—река Ока—турбаза);

по реке Оке через Окско-Цнинский вал, протяженностью около 170 километров (турбаза "Елочка" — река Ока—устье реки Пры—турбаза "Брыкин бор" — Кочемары — Касимов — Мальцево — турбаза);

Касимовский, протяженностью свыше 80 километров (турбаза "Елочка"—река Ока—Мальцево—Касимов — Ананьино — турбаза).

Кроме плановых, по Рязанскому краю проложено немало водных, водно-пешеходных, пеших и лыжных самодельных маршрутов.

Водные маршруты:

станция Тасино — река Бужа — Клепиковские озера — город Клепики — река Пра — Брыкин бор — Кочемары;

по рекам Ермишь, Мокше и Оке.

Пешеходные маршруты:

город Тума — река Нарма — Гусь Железный — река Гусь—река Ока—Брыкин бор—Солотча;

Солотча — Борисково — Бельское — Брыкин бор;

Солотча—Кельцы—Ольгино — Гришине — Клепики;

Брыкин бор — Кочемары — Ламша — Клетино — Касимов;

Клепики — Ушмор — озеро Ивановское — Дунино — Тюково — Пилево — Рязань;

станция Колокша (на ж. д. Москва — Владимир) — Уршель — Клепики — Деулино — Солотча;

Клепики — Дунино — Аристове — Кулаково — Черусти.

Смешанные маршруты:

Солотча — озеро Ласковское — река Пра — Брыкин бор—река Ока—Рязань;

Тума — Голованова дача — река Кадь — река Пра — Брыкин бор.

Московские туристы могут познакомиться с описаниями некоторых из этих маршрутов по отчетам о туристских походах, хранящимся в библиотеке городского клуба туристов (Садово-Кудринская, 4).

Что читать о Мещере

В. Митин, Ф. Фулин. Рязань — Солотча — Клепики — Тума (путеводитель). Рязань, 1960.

С. Титов -Заокский. По Оке (путеводитель). Рязань, 1959.

Г. Державин, Д. Солодовников, Е. Яблоков. Поездка в Солотчу (путеводитель). Рязань, 1930.

И. Дворов. Рязань. Экономико-географический очерк. Рязань, 1961.

А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961.

Историко-краеведческий сборник. Рязань, 1961.

Рязанский краеведческий музей. Краеведческие записки. Рязань, 1959.

Знатные рязанцы. Сборник. Рязань, 1959.

Л. Ю. Зыкова. Окский государственный заповедник. М. 1965.

Н. П. Милонов. К изучению археологических памятников и истории сел и городов на территории Рязанской области. Рязань, 1949.

М. Баранович. Материалы для географии и статистики России. Рязанская губерния. СПб, 1860.

С. Воскресенский. Учебный курс географии Рязанской губернии. Рязань, 1885.

Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей под редакцией В. П. Семенова [Тян-Шанского], т. II, СПб, 1902.

А. Куприн. Собрание сочинений в шести томах. М., 1958 (рассказы "Болото"—том 3 и "Мелюзга"—том 4).

С. Есенин. Собрание сочинений в пяти томах. М., 1962.

К. Паустовский. Собрание сочинений в шести томах. М., 1958 (рассказы "Мещерская сторона", "Ночь в Октябре", цикл "Летние дни", "Кордон 273", "Жильцы старого дома", "Старый челн", "Стекольный мастер" и другие).

Карты:

1. Атлас Рязанской области. М., 1965.

2. Карта Подмосковья (охотничья). М., 1956.

3. Карта Рязанской области. М., 1956.

4. Туристская маршрутная схема "По рекам Мещеры (Буже и Пре)". М., 1958.

Окский государственный заповедник

(Статья написана научными сотрудниками заповедника (К. Зыковым и Л. Зыковой))

Деятельность заповедника. Окский заповедник был организован 10 февраля 1935 года в целях сохранения природного комплекса юга Рязанской Мещеры. Территория заповедника входит в состав государственного заповедного фонда, полностью изъятого из хозяйственного пользования.

Южная граница заповедника идет по реке Пре. Западная и большая часть северной границы проходит по расчищенным лесным просекам, восточная, следуя опушке леса, местами очень близко подходит к Оке. Площадь лесов заповедника составляет 182 квадратных километра, 28 квадратных километров — болота, 4 квадратных километра — водоемы, большая часть которых связана с болотами. 3 квадратных километра занимает зубровый питомник, находящийся в 2 километрах от управления заповедника. В примыкающей к заповеднику пойме Оки расположена охранная зона площадью 75 квадратных километров.

Всего на охраняемой территории обитает 48 видов млекопитающих, более 200 видов птиц, 5 видов пресмыкающихся, 10 видов земноводных и около 30 видов рыб. Наиболее интересные животные: выхухоль— древнейшее из ныне существующих млекопитающих нашей фауны, встречающееся только в Советском Союзе; бобр, уничтоженный в прошлом веке в нашей области и

реакклиматизированный усилиями сотрудников заповедника; крупнейший из оленей — лось. Редкие птицы—черный аист, журавли, цапли, глухари.

В заповеднике работает большой коллектив научных сотрудников. Они осуществляют многолетние круглогодичные наблюдения за всем комплексом природных явлений, изучают законы естественного развития природы. Эти данные находят свое отражение в "Летописях природы", которые являются живой историей заповедника и одновременно ценнейшим научным материалом о природе и ее изменениях.

Большое внимание научные сотрудники уделяют изучению охотничье-промысловых животных, выяснению причин изменения их численности. Эта работа выполняется на охраняемой территории и в 12 областях и автономных республиках европейской части Союза специальной группой биологической съемки, созданной при Окском заповеднике. Решение этих вопросов окажет существенную помощь охотничьему хозяйству, позволит давать научно обоснованные прогнозы численности животных и рекомендации для планирования заготовок охотничьих зверей.

Заповедник проводит работу по выяснению запасов и распространению редких и близких к исчезновению животных: рыси, медведя, барсука, глухаря, черного аиста, серой цапли. Здесь изучаются различные животные, являющиеся переносчиками опасных инфекций, коренящихся в природе, в больших масштабах проводится кольцевание птиц.

Птицы, встречающиеся в Рязанской области, разлетаются в самые разные уголки нашей страны и далеко за ее пределы. Окольцованных птиц встречают на Украине, в Белоруссии, Литве, Латвии, Эстонии, Грузии и других республиках. Птицы из заповедника попадают также почти во все европейские страны и в Африку. Важное значение для выяснения рациональных сроков охоты и норм отстрела дичи имеет мечение промысловых видов птиц.

Для проведения массового кольцевания в составе заповедника создана Центральная орнитологическая станция, которая организует свою работу не только на охраняемой территории, но и далеко за ее пределами. По количеству окольцованных птиц Окский заповедник занимает первое место в Советском Союзе. За последние десять лет (с 1956 по 1965 год) здесь окольцовано около 280 тысяч птиц, относящихся более чем к 200 видам.

Помимо научной деятельности, сотрудники заповедника ведут также большую пропагандистскую работу среди местного населения и многочисленных туристов, путешествующих по этим местам.

При управлении заповедника имеется музей, созданный замечательным мастером-таксидермистом В. А. Корсаковым.

Туристские маршруты. Приезжающие в заповедник туристы должны твердо помнить, что все растения и животные находятся здесь под охраной закона. Охота и рыболовство в заповедных угодьях запрещены. Охота в охранной зоне разрешается только членам местного охотничьего коллектива по специальным пропускам.

В районе поселка заповедника выше и ниже по течению Пры отведены специальные места для стоянок туристов. Остановки на левом берегу Пры в границах заповедника запрещены, за исключением специальной стоянки у моста через Пру ниже Брыкина бора.

Для туристов, желающих более детально ознакомиться с заповедником, разработаны два туристских маршрута.

Первый маршрут протяженностью в 3 километра идет от управления заповедника до загонов государственного зубрового питомника через сосновый лес с примесью дуба и березы. В зубропарк доступ открыт не во все сезоны (в зависимости от сроков отела) и только по пропускам в отведенные для посещения часы.

Зубры — крупнейшие из сохранившихся в умеренном поясе копытных животных. Это современники вымерших гигантов: мамонта, шерстистого носорога, пещерного медведя, — чудом дошедшие до наших дней. Зубровый питомник в Окском заповеднике—один из центров восстановления поголовья этого редкого зверя.

Второй маршрут начинается от моста через Пру и идет лесом по дороге на село Лубяники, пересекающей заповедник с юга на север. Сразу за мостом дорога проходит между старицей Алешина лука и Поповым озером, на котором хорошо видны заросли сабельника — любимой летней пищи бобров. Во второй половине лета у берегов плавают изящные перистые листочки редчайшего папоротника — сальвинии.

В полукилометре от моста, на старице Алешина лука, стоит ближайший к управлению кордон — Бедная гора. Сразу за ним начинается низина с малоприметным мостиком на дороге. В начале века, когда в Брыкином бору работал стекольный завод Русско-бельгийского акционерного общества, в этом месте был расчищен от кустарников специальный канал "Путище", по которому к эстакаде, идущей от завода, гнали баржи.

Сейчас "Путище" заросло, и от старого фарватера осталось только название.

За просекой, пересекающей дорогу, в километре от Бедной горы, в березовых и сосновых молодняках 153-го квартала держатся лоси. Особенно много их бывает здесь зимой. Весной на полянах этого квартала токуют тетерева.

В 131-м квартале, справа от дороги, расположено совершенно заросшее озеро. Только в самой южной его части среди трясин осталось небольшое зеркальце воды, окруженное тростниками. На этом озере стоят ловушки для уток. По краям болота в высокоствольном сосняке на утренних зорях в апреле таинственно щелкают глухари.

На пятом километре от моста дорога пересекается низиной под названием Востриково болото. Это язык больших болот, занимающих всю центральную часть заповедника. Нередко здесь можно увидеть пеньки от только что сгрызенных бобрами деревьев.

За невысокой песчаной дюной начинается новое понижение — Чатерище, прорезанное так называемой Казенной канавой. Она берет свое начало из болот, расположенных на северной границе заповедника, и вбирает в себя воду лесных речек Черной и Ламши. Мелиоративные каналы типа Казенной прорыты в конце прошлого века специальной экспедицией, организованной генералом Жилинским. Канавы использовались для сплава леса. Предполагалось, что с ее помощью осушенные земли будут освоены. Однако из-за малого уклона в сторону поймы канавы не смогли собирать воду с большой территории, а земли оказались настолько бедными, что не оправдывали затрат на их осушение. Слева и справа от дороги на Казенной канаве видны бобровые плотины.

От Лубяникского кордона, стоящего на северной границе заповедника, узкая тропинка через десять минут приводит к Святому озеру. Сначала оно кажется довольно обычным, но чем дальше смотришь, тем больше поражает удивительно прозрачная, чуть белесоватая вода, какой не увидишь ни в одном другом заповедном озере или старице. Оно питается ключами из очень глубоких известняковых горизонтов, и поэтому, несмотря на то что не изолировано от болотного массива, вода в нем не окрашена в обычный для мещерских озер темно-коричневый цвет.

При прохождении маршрута следует помнить, что курить можно только в отведенных для этого местах. Разводить костры и разбивать палатки на территории заповедника не разрешается. Каждая группа туристов, идущая на озеро Святое, обязана зарегистрироваться на Лубяникском кордоне.

Для свободного передвижения в заповеднике открыта только дорога через мост на Пре на село Лубяники. Проход и проезд по остальным дорогам может быть разрешен лишь дирекцией заповедника по специальному пропуску.

Пути сообщения. Многие самостоятельные туристские группы, путешествующие по Пре на лодках, заканчивают свой маршрут в Брыкином бору, другие продолжают свой путь до пристани Кочемары, расположенной в 22 километрах от устья Пры вниз по течению Оки. Туристы, совершающие путешествие по плановому маршруту № 233, плывут на лодках до устья Пры, где пересаживаются на катер и едут по Оке до Рязани, а оттуда до турбазы "Солотча".

Местность ниже Брыкина бора менее интересна: по правому берегу тянутся луга с редкими перелесками. Левый берег более лесистый, с дубравами и ивняками. Во время разлива сравнительно нетрудно подняться на лодках до пристани Копаново (25 километров от Брыкина бора), которая в это время бывает связана катером с железнодорожной станцией Шилово.

Пешие туристы могут избрать из Брыкина бора другой очень интересный путь — через заповедник на село Лубяники и далее через села Центральной Мещеры на город Туму. От Тумы ходят поезда во Владимир, а автобусом можно доехать до Рязани или Касимова.

Туристы, завершающие свой поход в Брыкином бору, могут воспользоваться различными видами транспорта: самолетом, автобусом или парходом.

Самое быстрое и удобное — авиасообщение. Для этого надо доехать до села Лакаш (7 километров от Брыкина бора), откуда ходят самолеты до аэропорта Турлатово под Рязанью. Автобус соединяет село Ижевское (20 километров от Брыкина бора) с Рязанью и Спасском. От пристани Ижевское можно доехать на парходе по Оке до Рязани и Москвы. Во время половодья при отсутствии авиасвязи лучше ехать автобусом от села Ижевского до Спасска-Рязанского, а затем катером до Рязани.

В 6 километрах от Брыкина бора, в селе Лакаш, находятся почтовое отделение, телеграф и телефон. По телефону можно связаться с Москвой, Рязанью и всеми районами Рязанской области.

Почтовый адрес Окского государственного заповедника: п/о Лакаш, Спасского района. Рязанской области, Окский заповедник. Для телеграмм: Лакаш, Рязанский заповедник.